

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

**ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«УЛЬЯНОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»**

**СБОРНИК ТЕЗИСОВ УЧАСТНИКОВ
МЕЖДУНАРОДНОЙ
МОЛОДЕЖНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
«ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ И ПРИКЛАДНАЯ НАУКА
ГЛАЗАМИ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ.
УСПЕХИ И ПЕРСПЕКТИВЫ, ПРОБЛЕМЫ
И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ»
В РАМКАХ ФЕСТИВАЛЯ НАУКИ**

**INTERNATIONAL YOUTH CONFERENCE
«FUNDAMENTAL AND APPLIED SCIENCE:
APPRAISAL BY YOUNG SCHOLARS.
ACHIEVEMENTS, VISTAS, PROBLEMS, TENTATIVE DECISIONS»
DURING THE FESTIVAL OF SCIENCE**

Ульяновск
2012

УДК 001.5-057.875(08)
ББК 72.6л 3я 4
С 23

Редакционная коллегия:

*д.ф.-м.н. Голованов В.Н.,
д.пед.н. Митин С.Н.,
д.фил.н. Бажанов В.А.,
д.к.н. Тихонова А.Ю.,
д.псих. Калинина Н.В.,
д.и.н. Чуканов И.А.*

*Публикуется в рамках выполнения работ
по ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России»
на 2009-2013 годы (мероприятие 2.1 – XIV очередь)*

С 23 Сборник тезисов участников Международной молодежной конференции «Фундаментальная и прикладная наука глазами молодых ученых. Успехи и перспективы, проблемы и пути их решения» в рамках фестиваля науки / Под ред. доктора физ.-мат. наук, профессора Голованова В.Н., доктора филос. наук Бажанова В.А., доктора пед. наук, профессора Митина С.Н., доктора псих. наук, профессора Калининой Н.В., доктора ист. наук Чуканова И.А. и др.– Ульяновск: ООО «Колор-Принт», 2012. – 101 с.

В сборнике представлены тезисы статей студентов, аспирантов и молодых ученых, а так же творческих научных групп и творческих коллективов в области философии.

УДК 001.5-057.875(08)
ББК 72.6л 3я 4
© Ульяновский государственный университет, 2012

РАЗДЕЛ 1.
ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ФУДАМЕНТАЛЬНОЙ НАУКИ В РОССИИ ГЛАЗАМИ
МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

Сомнение как гносеологический феномен

Аверькова Александра Александровна

Аспирант,

младший научный сотрудник

Ульяновский государственный университет,

Факультет гуманитарных наук и социальных технологий,

Ульяновск, Россия

alexh.8708@mail.ru

Аннотация. В статье анализируется понятие сомнения в исторической ретроспективе. Выявляется гносеологическая роль и статус сомнения и скептицизма в разные периоды философской мысли. Проводится различие между конструктивным и деструктивным сомнением в познании. Выявляется значение акта сомнения для развития научного и философского знания.

Ключевые слова: сомнение, скептицизм, критика, методологическое сомнение, конструктивное сомнение, деструктивное сомнение.

Любая информация получаемая нами в акте коммуникации непременно подвергается сомнению, проверке и анализу. Познание окружающей реальности начинается с вопрошания и акта сомнения.

А.М. Дорожкин выделяет несколько компонент знания: «знание-повествование, знание-утверждение, знание-наставление (поучение) и знание-вопрошание. Любое знание содержит в себе все перечисленные компоненты. Однако, для разных типов знание и в разные моменты его становления, та или иная составляющая доминирует» [Дорожкин А.М., 2012, с. 255]. По мнению А.М. Дорожкина, в философии доминирует знание-вопрошание. Реализуется это следующим образом: при решении какой-либо философской проблемы мы получаем некоторое суждение, которое ставит новые вопросы. То есть результаты решения одной проблемы порождают сомнение, вопрошание, постановку и решение новых проблем. Познание невозможно без вопрошания, а вопрошание, в свою очередь, возникает в результате сомнения.

Понятие сомнения трактуется как неуверенность в истинности чего-либо, неясность, спорность, колебание в чем-либо, нерешимость, раздумье. «Со-мнение» - означает одновременное наличие двух или нескольких мнений об одном и том же предмете.

Впервые категория сомнения как гносеологического феномена разрабатывается античными скептиками. Термин скептицизм дословно означает – озираюсь, осматриваюсь, а в переносном смысле – взвешиваю, обдумываю, сомневаюсь.

Античный скептицизм возникает в качестве реакции, ответа на такие догматические учения как эпикуреизм и стоицизм. Сами скептики выделяют три вида философствования: догматический, академический, скептический. Секст Эмпирик объяснил это разделение следующим образом: «в отношении вещей, искомых в философии, одни говорили, что они нашли истину, другие высказывались, что воспринять ее невозможно, третьи еще ищут. Воображают себя нашедшими называемые особым именем догматиков, как, например, последователи Аристотеля, Эпикура, стоиков и некоторые другие; как о невосприимлемом высказались последователи Клитомаха, Карнеада и другие академики, ищут же скептики». [Секст Эмпирик, 1976, с. 207].

Исходным пунктом античного скептицизма является сомнение в возможности

объективного познания мира. По мнению скептиков, человек может судить лишь о своих ощущениях и представлениях, сложившихся в результате непосредственного контакта с тем или иным явлением. Скептики противопоставляют «явление» (т.е. объективный мир) и «мышление» (т.е. наши знания и представления об объективном мире). Следовательно человек может лишь знать о существовании в реальности того или иного объекта или предмета, остальные же представления о нем не являются истинными. Рассуждая о возможности признания существования «явления» и возможности его познания, Секст Эмпирик писал: «мы не отбрасываем того, что мы испытываем вследствие представления (*fantasia*) и что невольно ведет нас к его признанию. Но это и есть явление. Также, когда мы сомневаемся, таков ли подлежащий предмет, каковым он является, мы этим допускаем, что он является. Ищем же мы не это явление, а то, что говорится о явлении, и это отличается от искания самого явления» [Секст Эмпирик, 1976, с. 211].

Античные скептики предлагают и обосновывают некоторый механизм философского сомнения. Сомнение скептиков базируется на ряде основных принципов. Сомнение начинается с принципа «исостении», то есть с признания равносильности, равномогущества противоположных суждений. В силу того, что человек не может обладать истинным знанием относительного того или иного объекта, мы вынуждены признать равнозначность борющихся между собой мнений, «так как ни одно из борющихся положений не стоит выше другого как более достоверное» [Секст Эмпирик, 1976, с. 209]. Г.Т. Телебаев видит роль принципа «исостении» в установлении компромисса между оппонентами: «Принятие этого принципа свидетельствует о том, что более предпочтительным (т.е. обоснованным, логическим) в любой ситуации способом разрешения спора или конфликта является мирный, согласительный, компромиссный способ, поскольку никто не может рассчитывать на большую истинность своего утверждения по сравнению с утверждением оппонента» [Телебаев Г.Т., 2003, с. 93]. Следующим принципом скептиков является принцип «эпохе». Признавая равнозначность противоположных суждений, скептик вынужден прийти к «воздержанию» от суждений, претендующих на абсолютную истинность. «Воздержание от суждений есть такое состояние ума, при котором мы ничего не отрицаем и ничего не утверждаем» [Секст Эмпирик, 1976, с. 209]. «Воздержание» от суждений порождает «невозмутимость», то есть спокойствие и безмятежность ума. Этот принцип у скептиков называется «атараксией». Г.Т. Телебаев предполагает уместным провести параллель между принципом «атараксии» и принципом «недеяния»: «Это недеяние, осторожное вмешательство в природные и социальные процессы, стремление не навредить, пассивность, созерцательность» [Телебаев Г.Т., 2003, с. 95].

По мнению И.А. Шакирова, «скептицизм не сомневается в существовании мира, но сомневается в том, что говорится об этом мире. С точки зрения античных скептиков невозможность познания вещей должна привести в теории к «воздержанию от суждения», а в практике – создать бесстрастное, безразличное отношение к предметам, безмятежность души. Для философского скептицизма, появившегося в Греции, главным было – деятельное отрицание всякого критерия, всяких определенных принципов, какого бы рода они ни были: чувственное ли знание, рефлексивное ли представление или мыслящее познание» [Шакиров И.А., 2008, с. 26].

Логическим обоснованием гносеологического сомнения и скептицизма служат тропы Пиррона, описанные Секстом Эмпириком. Эти тропы есть способ, механизм для воздержания от суждений. Самым общим и главным является троп относительности, указывающий на то обстоятельство, что все предметы и объекты познаются нами не в чистом виде, а относительно друг друга. Троп относительности в своей структуре имеет три следующих тропа: «первый происходит от судящего, второй – от подлежащего суждению, третий – от того и другого» [Секст Эмпирик, 1976, с. 215]. Троп от судящего

включает в себя четыре других тропа, суть которых состоит в различии живых существ, людей, разном устройстве органов чувств и разнообразии условиях восприятия. Троп от подлежащего суждению основывается на «соотношении величин и устройствах подлежащих предметов» и «различных способах суждения, обычаях, законах, баснословных верованиях и догматических предположениях» [Секст Эмпирик, 1976, с. 215]. Третий троп имеет в своей основе разность пространственных характеристик, примесей, также частоту встречаемости и относительность.

Таким образом скептицизм Пиррона предполагает необходимость отказа от суждений и достижение полной невозмутимости, в силу невозможности обретения истинного знания о мире. А истинное знание о мире недостижимо в силу принципа относительности: «если мы указываем, что все существует по отношению к чему-нибудь, то ясно отсюда, что мы не сможем сказать, какова каждая вещь по своей природе и в чистом виде, но только каковой она нам кажется по отношению к чему-нибудь. Отсюда следует, что нам должно воздержаться от суждения о природе вещей» [Секст Эмпирик, 1976, с. 236].

По мнению Г.Т. Телебаева, более умеренную позицию занимают античные мыслители Аркесилай и Карнеад. Оба мыслителя отвергают достоверность как чувственного, так и рационального познания. Однако, ими не отрицается возможность постижения истины, отвергаются лишь претензии разума на постижение абсолютной истинности. Согласно позиции Аркесилая из двух суждений всегда есть более или менее достоверное. Карнеад выделил три группы представлений, первые из которых, вероятны, другие – вероятны и проверены, а третьи – вероятны и всесторонне проверены. Третья группа суждений наиболее достоверна. [См.: Телебаев, 2003, с. 95-96].

Античные скептики, противопоставляя себя догматикам утверждают, что их учение не окончательно и «не закрыто», что скептицизм, основываясь на гносеологическом сомнении ведет поиск истины. Однако система представленная скептиками не предоставляет механизмов для дальнейшего развития, для прогресса познания и нахождения наиболее достоверного знания и по сути остается замкнутой на воздержании от суждений в силу всеобщей плюральности и относительности как субъекта, так и объекта познания.

В Средние века скептицизм был направлен на борьбу с религиозным догматизмом. Средневековые ортодоксы утверждали, что только вера и Божественное Откровение дают возможность человеку познать абсолютные и несомненные истины. В качестве противника «слепой» веры и догматизма средневековой мысли выступил П. Абеляр, провозгласив принцип «разумной веры». Сомнение П. Абеляра возникло, в первую очередь, относительно многочисленных переводов и трактовок Священного Писания и допущенных в нем искажений. Также П. Абеляр считал сомнительным доказательством для веры фиксирование чудес. П. Абеляр призывал разумно верить, исследовать, изучать, сомневаться и доказывать. Только таким образом возможно постижение истины.

В XIV веке скептические умонастроения активно распространялись в университетах. Однако многие исследователи до сих пор спорят о предмете сомнения мыслителей того времени. Одни полагают, что скепсис был направлен против примата веры над разумом; другие наоборот усматривают нападки на разум в пользу веры и именуют эти течения фидеистическим скептицизмом.

В эпоху Возрождения скептицизм получает свое дальнейшее развитие в работах так называемых «новых пирроников». Основанием для возрождения скептицизма послужил догматизм средневековья, с его традиционностью и гносеологической ориентацией на веру. И этим «новые пирроники» отличаются от античных скептиков, гносеологическое сомнение которых возникло в результате плюрализма идей, не уступавших друг другу как по качеству аргументации, так и по отсутствию возможности проверить постулируемое знание. Однако скептики эпохи Ренессанса многое заимствовали у греческих мыслителей,

тем не менее «новые пирроники» не имели единого взгляда на проблемы познания и сферу применения гносеологического сомнения.

Скептические идеи были выражены в работах Н. Кузанского, Э. Роттердамского, Агриппы, М. Монтеня, Санкеза, Ж. Валле, О. Талона, Бодена, Шаррона. В.М. Богуславский выделяет три ветви в развитии «нового пирронизма». Во-первых, «рационалистическая критика схоластики, догматизма, авторитаризма, фидеизма, нетерпимости, унаследованных от средневековья и поддерживаемых церковью и властями. Эти пирроники убеждены, что их скептицизм, разоблачая ложность и вредность традиционных религиозных представлений, укрепляет подлинное христианство, за истинность которого ручается не слепая вера, а покоящееся на опыте и разуме знание. Сущность христианства при этом усматривается главным образом в совокупности определенных этических принципов. Эразм положил начало этому этапу развития «нового пирронизма», но наиболее полное выражение последний получил во взглядах Кастеллиона» [Богуславский, 1990].

Во-вторых, ряд мыслителей подвергавших «рационалистической критике экзегетику и вербализм оторванной от действительности схоластической науки, преклонение перед авторитетами, догматизм, фидеизм, фанатизм, короче - весь традиционный образ мышления, но обходящие молчанием религиозную проблематику. Таков второй этап развития скептической мысли XVI в. Самым крупным и ярким его выразителем явился Санкез» [Богуславский В.М., 1990].

В-третьих, те кто «Не ограничиваясь острой критикой господствующих в феодальном обществе философских, научных, этических, социально-политических представлений, проникнутых авторитаризмом, догматизмом, фидеизмом, они завуалированно или даже открыто выступают с деистических позиций против христианства» [Богуславский В.М., 1990].

Скептицизм Возрождения, возникший как реакция на догматизм, в первую очередь, выдвигал требование ничего не принимать на веру, провозглашая приоритет разума. Многие скептики эпохи Возрождения полагают, что человеку доступно пусть не абсолютное, но приближенное знание. Несмотря на то, что полученные нами знания несут в себе множество ошибок, заблуждений и неточностей, в них всё же содержится и доля истины. Таким образом, «новые пирроники» отнюдь не отвергают научных достижений, полагая, что благодаря науке происходит процесс накопления знания, которое постоянно пересматривается, перерабатывается, дополняется и исправляется, тем самым становится все ближе к абсолютному, истинному знанию. Каждое добытое в ходе научного поиска знание представляет из себя ступень на пути к постижению истины. В.М. Богуславский, исследуя направление скептицизма, цитирует одного из «новых пирроников» Санкеза следующим образом: «Опыт и разумом мы должны проверять добытые знания, выявлять и устранять допущенные ошибки. Единственные критерии знания опыт и критика» [Цит. по Богуславский В.М., 1982, с. 100]. Отметим здесь отличие скептицизма Возрождения от античного. «Новые пирроники» полагали возможным принятие наиболее достоверного, приближенного к истине знания, тогда как античные предлагали воздерживаться от такого выбора; в связи с этим первые признавали и считали возможным научный прогресс, а вторые вовсе об этом не говорили. Отчасти, это связано с тем, что в древнегреческой науке доказательства тех или иных положений были исключительно умозрительными, тогда как в эпохи Возрождения и Нового времени уже имелся ряд экспериментальных данных доказывающих достоверность того или иного знания.

«Новые пирроники» исследовали вопрос соотношения веры и разума, в отличии от античных, которых эта проблема вовсе не интересовала. При решении этого вопроса «новые пирроники» полагают, что «единственным руководителем должен быть здравый

смысл, не позволяющий ничего принимать слепо, некритически. «Новые пирроники» отвергают мистицизм своих современников и утверждают, что, опираясь на разум, мы приходим к познанию бога – первопричины мира, в которой нет тех антропоморфных черт какими наделяют бога все религии. Знание о боге не имеет ничего общего с верой, покоящейся лишь на слепом доверии к традиции и авторитетам» [Богуславский В.М., 1982, с. 105]. Скепсис Эразма Роттердамского, а вслед за ним и Кастеллиона, призывает подвергать сомнению все положения традиционно принимаемые на веру, положения которые не возможно ни доказать, ни опровергнуть. А доверять следует лишь тем, что имеют разумное доказательство. Однако Эразм, несмотря на сомнительность большинства положений веры, призывает воздерживаться от суждений о них и исполнять все требования предписываемые церковью и религией. Кастеллион в свою очередь, предлагает ориентироваться на степень авторитетности того или иного лица, высказывающего какие-либо положения веры. То есть, имея ряд доказательств того, что данному лицу можно доверять, мы вслед за ним должны принять высказанные им положения, в противном случае верить этим сообщениям нельзя, мы должны подвергнуть их сомнению.

Особый интерес представляет позиция М. Монтеня. Философ убежден, что религия есть орудие в руках власти для управления народом, что все заповеди моральные законы созданы людьми, но не Богом. По мнению М. Монтеня, необходимо подвергать сомнению и разумной проверке традиционные, общепринятые знания и суждения. М. Монтень негативно отзывается о схоластической науке. В.М. Богуславский отмечает, что «Сурово осуждая схоластические диспуты, в которых каждый добивается не истины, а победы, не брезгуя самыми недобросовестными средствами, Монтень высоко ценит основанную на основательной аргументации свободную дискуссию. Когда мне противоречат, говорит он, это возбуждает у меня не гнев, а живейший интерес: ведь в этих возражениях, возможно, содержится истина...В руках подлинных исследователей наука - величайшее завоевание человечества; в руках схоластов - это пустое, смехотворное занятие» [Богуславский В.М., 1990]. Для М. Монтеня основой познания, предоставляющей людям возможность приближения к истине является исследование не умозрительных положений и принципов, а фактов, несмотря на то, что и в данном случае мы не застрахованы от ошибок. Но и к опытным данным необходимо относиться критически и подвергать их проверке.

Свое дальнейшее и более глубокое развитие гносеологическое сомнение получает в работах Рене Декарта. Различные исследователи по-разному характеризовали идеи Декарта: его обвиняли как в догматизме, так и причисляли к лагерю скептиков. Однако при детальном рассмотрении идей Декарта (как это делает В.М. Богуславский) становится очевидным, что философа невозможно причислить ни к одному из этих направлений. Декарт в первую очередь, намеревался опровергнуть скептицизм, прочно укоренившийся в философской мысли XVI-XVII веков, благодаря «новым пирроникам», опиравшимся на античных мыслителей.

Сомнение у Р. Декарта является, в первую очередь, методологическим сомнением. В отличие от «новых пирроников», полагавших, что абсолютно истинное знание не достижимо, Р. Декарт полагал, что человек наделен способностью селекции знания, что дает возможность постигнуть истину. Однако необходимо научиться правильно использовать данную способность. При этом Р. Декарт не отвергает мысли о том, что наши знания о мире могут не соответствовать или не вполне соответствовать действительности. Но в случае, если наши знания добыты благодаря «естественному свету разума», а не приняты на веру, то нет оснований им не доверять. Р. Декарт предлагает начинать познание с универсального сомнения и путем дедукции, следуя интеллектуальной интуиции выводить необходимые положения, которые и будут являться истинным знанием.

Скептицизм Юма ставил под сомнение существование объективного мира. Юм исходил из отрицания казуальных связей между явлениями. По его мнению, идея причинной связи лишь конвенциональный продукт. Юм ссылается на отсутствие каких-либо доказательств причинно-следственных связей между событиями. Согласно Юму, все идеи возникающие в нашем сознании есть результат впечатлений, а следовательно идея есть лишь некоторое «отражение» наших впечатлений. В.М. Богуславский следующим образом характеризует позицию Юма «Знания о «фактах» – «частных», с которыми мы сталкиваемся в повседневной жизни, а также в истории, географии, астрономии, и «общих», рассматриваемых в политике, естественной философии, физике, химии и т. п., знания, обычно считающиеся выведенными из опыта, в действительности всецело покоятся на каузальном отношении, существующем лишь в нашем сознании, которому веру в причинность внушили привычка и инстинкт. В самих объектах реально ничего соответствующего этим нашим знаниям о фактах нет. А вот с представлениями ума, в которых соблюден логический закон, запрещающий противоречие, дело обстоит существенно иначе. То, что ум представляет себе непротиворечиво, безусловно возможно». Все наши знания – это лишь элементы сознания. Что происходит на самом деле вне нашего сознания, в окружающей нас реальности (и существует ли она) мы знать не можем. Подлинное знание возможно лишь в качестве исследования и выводов касаясь отношений между нашими идеями. По мнению Юма, в силу недостижимости достоверного знания об окружающей действительности мы вынуждены отказаться от знания вообще, либо довольствоваться ложью.

Таким образом мы видим, что сомнение с древних времен играло важную роль в познании. О.В. Соломинцева разделяет сомнение на два вида: «конструктивное» и «деструктивное» сомнение. Конструктивное сомнение является необходимым этапом и неотъемлемым элементом процесса познания. Такое сомнение характеризуется умеренной критичностью к суждениям, явлениям и фактам, дающее толчок прогрессивному развитию познавательной деятельности. Деструктивное же сомнение наоборот, вводит в ученого в ступор, не позволяя двигаться дальше и приводя к агностицизму.

** Статья подготовлена при поддержке Министерства образования и науки РФ и гранта РГНФ (№12-33-01329/а2)*

Литература

Секст Эмпирик. Сочинения в двух томах. Т. 2. Вступит, статья и пер. с древнегреч. А.Ф. Лосева. М., "Мысль", 1976. 421 с. (АН СССР. Ин-т философии. Филос. наследие).

Телебаев Г.Т. Скептицизм как концептуальная основа культуры мира//Вестн. Моск. Ун-та. Сер.7. Философия. М., 2003. - №3. – С.90-100

Соловьева Г.Г. О роли сомнения в познании. Алма-Ата, «Наука» КазССР, 1976. – с. 142

Дорожкин А.М. Размышления о философии и способах её преподавания: Стенограмма встречи с профессором А.М. Дорожкиным// История и философия науки: Сб. статей по материалам Четвертой Всероссийской научной конференции/ Под ред. Н.Г. Баранец. - Ульяновск: Издатель Качалин А.В., 2012. – С. 255-264

Шакиров И.А. Сомнение как категория философии : диссертация на соискание ученой степени кандидата философских наук : 09.00.01 / Шакиров Искандер Аликович; [Место защиты: Башкир. гос. ун-т]. - Уфа, 2008. - 178 с. РГБ ОД, 61:08-9/87

Богуславский В.М. Декарт и «новые пирроники» // Философские науки. 1982 - № 6. – С. 99-108

Богуславский В.М. Скептицизм в философии. – 1990. - http://sbiblio.com/biblio/archive/boguslavskiy_ckepticism/

Н.А. Любимов как популяризатор науки

Баранец Наталья Григорьевна

Профессор

Ульяновский государственный университет

Факультет гуманитарных наук и социальных технологий

n_baranetz@mail.ru

Ульяновск, Россия

Верёвкин Андрей Борисович

Доцент

Ульяновский государственный университет

Факультет математики и информационных технологий,

Ульяновск, Россия

a_verevkin@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена исследованию творчества Н.А. Любимова, его деятельности в области исследования истории науки. В работе анализируются мотивы и обстоятельства конфликта между Н.А. Любимовым и А.Г. Столетовым.

Ключевые слова: популяризация науки, ученые-физики, методология сознания, история науки

Николай Алексеевич Любимов один из незаслуженно забытых отечественных популяризаторов науки. Будучи ярким лектором и пропагандистом истории науки, он написал первое русское исследование по истории физики. Но, и его замечательная книга, и он сам очень редко упоминаются в историографических исследованиях. Причиной этого стала своеобразная политико-идеологическая позиция известного учёного, находившаяся в противостоянии с общепринятыми симпатиями университетских профессоров. Восстанавливая историческую справедливость – опишем мотивы и причины затяжного спора и позиции его участников: учителя – Н.А. Любимова и его ученика – А.Г. Столетова.

Начнём с их биографий и оценки творческого вклада в русскую науку. Любимов Николай Алексеевич (1830–1897) - физик, историк науки и публицист, в 1851 году окончил физико-математический факультет Московского университета. В 1854 году он был назначен адъюнктом по кафедре физики и физической географии. В 1856 году защитил магистерскую диссертацию «Основной закон электродинамики и его приложение к теории магнитных явлений» и в 1857 году был командирован на два года за границу, где работал в лабораториях А.В. Реньо в Париже и Севре, а затем в Гёттингене. По возвращении в 1859 году Любимов стал экстраординарным профессором Московского университета, а в 1865 году защитил докторскую диссертацию «О Дальтоновом законе и количестве пара в воздухе при низких температурах». В этот период он начинает заниматься популяризацией физики и издает первую часть «Начальных оснований физики» (1851), сотрудничает в «Русском вестнике» и «Московских ведомостях». В 1876 году Любимов издал учебник «Начальной физики» и принимал участие в комиссии под председательством И.Д. Делянова, ревизовавшей университеты. По итогам ревизии была составлена «Записка о недостатках нынешнего состояния наших университетов», способствовавшая введению нового, более реакционного университетского устава. В 1882 году он стал членом совета министра народного просвещения. Научные интересы Любимова лежали в области электродинамики, электрического переноса тепла, теории оптических инструментов и вопроса об оптических иллюзиях. Он активно занимался историей физики и опубликовал по этому вопросу цикл статей, сделал перевод философии Декарта (1886) и издал три тома «Истории физики».

По рекомендации Любимова в Московском университете для подготовки к научному званию был оставлен Александр Григорьевич Столетов. Любимов помог ему организовать физическую лабораторию для практических занятий со студентами и для проведения научных исследований, - без этой лаборатории научная школа Столетова вряд ли смогла бы возникнуть. Любимов много сделал для оснащения физического кабинета приборами, значительно улучшил демонстрационные опыты и привлёк к работе в кабинете талантливого физика-самоучку, механика и изобретателя Ивана Филипповича Усагина. Учеником Любимова также был знаменитый физик Николай Алексеевич Умов.

Любимов имел монархические и реакционные политические убеждения, был сотрудником редакций патриотических газет «Русский вестник» и «Московские ведомости».

Столетов Александр Григорьевич (1839–1896) выдающийся русский физик. Окончил Московский университет в 1860 году. С 1862 по 1866 годы стажировался за границей - сначала в Гейдельберге, потом в Гёттингене, Берлине и Париже. С февраля 1866 года Столетов начал преподавать в Московском университете – он читал лекции по математической физике. В 1871 году Столетов работал за границей в лаборатории Г.Р. Кирхгофа над докторской диссертацией «Исследование о функции намагничения мягкого железа», которую защитил в 1872 году. В 1873 году он стал ординарным профессором Московского университета, вёл курсы математической физики и физической географии, впоследствии перешёл на изложение опытной физики. Столетов организовал физическую лабораторию и проведение практических занятий в Московском университете. В течение нескольких лет Столетов состоял председателем физического отделения Общества любителей естествознания и директором физического отдела Политехнического музея. Он участвовал в работе нескольких международных конгрессов, состоял во многих учёных обществах: был почётным членом Общества любителей естествознания, почётным членом Киевского физико-математического общества, почётным членом Киевского общества естествоиспытателей, членом обществ Московского математического, Русского физико-химического, парижского *Société Française de Physique*, членом-основателем и корреспондентом парижского *Société internationale des électriciens*, иностранным членом лондонского *Institution of Electrical Engineers*. В конце 1894 года Столетов организовал деятельность физической секции на IX съезде естествоиспытателей и врачей.

Профессор физики Н.А. Любимов, учитель А.Г. Столетова и Н.А. Умова, был одним из первых активных популяризаторов истории физики. По воспоминаниям его учеников, это был хороший педагог и весьма активный писатель. Многочисленными публичными лекциями и курсами лекций, сопровождавшимися эффектными демонстрациями, он много сделал для популяризации физики. В его учебнике физики для средней школы было много интересных исторических экскурсов. Но Любимов не был физиком-исследователем, а во второй половине своей жизни почти целиком занялся публицистикой, активно проводя консервативную политическую линию. Умов писал о нём: «Педагогическая деятельность Н.А. (Любимова) в Московском университете, несомненно, представляла значительный шаг вперёд. В постановке преподавания физики приходилось начинать почти с азбуки и доведение его до совершенства, которого оно достигло в руках Н.А., требовало больших усилий и недюжинных способностей. Труд Н.А. был большим приобретением в истории кафедры физики Московского университета, но это было только полдороги. Причина обаяния, испытанного Н.А. на лекциях в Париже, лежала, конечно, не в блеске производившихся опытов, а в том, что лекторами были Реньо, Клод Бернар, Флуранс, Дезэнь, бывшие не только посредниками между наукой и аудиторией, но служившие движению и развитию знаний. Задачи университетской кафедры не овладевали всею деятельностью Н.А. На новом пути его работы приобретали всё более и более публицистический оттенок, увлékший его в области, далёкие от

ближайших задач профессора физики» [Шпольский Э.В., 1947, с.130-131].

Дух естествоведения для Любимова – это, прежде всего, дух открытия: «Знаменитым предвозвестником новой, богатой приобретениями, эпохи в науке, Бекон, изобразил на фронтисписе своего сочинения «Новое орудие», судно, рассекающее волны и готовое перейти за предел, указанный двумя столбами, и поставил надпись из пророка Даниила: «предпримутся многие странствия и умножится знание...» [Любимов Н.А, 1887, с 467].

]. Бекон хотел этим показать, что тот самый пытливей дух, который побуждал Колумба отдаться всем случайностям безбрежного моря, живет и действует в учёном, ищущем новые страны в бесконечном мире знания. «Наш век, восклицает Бекон, должен поставить своим девизом «вперед», где древние ставили «не далее»». Олицетворением этого свободного духа поиска для потомков, по мнению Н.А. Любимова, является Коперник, которого Кеплер называл человеком «свободного духа». Он с восхищением цитирует слова Коперника: «Осемнадцать месяцев прошло с тех пор как показался первый луч света, три месяца тому назад я увидел светлый день, а на днях просияло солнце в поразительном зрелище. Ничто не удерживает меня, сладко предаться священному энтузиазму; сладко оскорбить смертных наивным признанием, что я украл золотые вазы Египтян, чтобы сделать из них скинию моему Богу далеко от пределов Египта. Если простите меня буду рад, если упрекнете – перенесу. Жребий брошен, я пишу мою книгу; прочтут её теперь или после, мне всё равно; она сто лет прождёт своего читателя; ведь ожидал же Бог шесть тысяч лет созерцателя своих творений». И, вот не прошло и ста лет, как явился продолжатель этого великого открытия – Ньютон.

Анализируя историю естествознания, Любимов описывает те сложности, которые встречали учёные, каким преследованиям они подвергались со стороны коллег-традиционалистов и церкви. Он описывает историю преследования Галилея и восклицает: «Свободное исследование, имеющее своей единственной целью открытие истины, насколько она доступна нашему уму, есть неотъемлемое право, которым обуславливается её самостоятельная жизнь, её естественный рост» [Любимов Н.А, 1887, с.469]. Если в прошлом учёным приходилось бороться за право идти к истине, то теперь, когда оно завоёвано, действительная независимость мысли состоит в способности «обозреть предмет со всех сторон, а не в узком пристрастии к одной его стороне». Такая свобода приходит со знанием, истинная смелость состоит в свободном духе поиска, а не маскирует умственное рабство свободой на словах.

Дух изыскания противоположен духу системы. Дух изыскания побуждает сделать «шаг вперед», стремится раздробить, рас-творить и разложить новый предмет, открывает в известном но-вое и неисследованное, имеет дело с сомнением и вопросами. Дух системы ориентирует на пройденное, «спешит отнести предмет на полку, под приготовленный ярлык», в известном видит только уже установленное, ничему не удивляется и не задаёт опасных вопросов. Воплощением духа системы является натурфилософия, о которой Кювье сказал, что она не привела ни к одному открытию, которое не было бы сделано без неё. Любимов не видит положительной роли натурфилософии в истории науки, и приводит исключительно негативные примеры, показывающие, что натур-философия затмевала глаза даже исследователям, наделённым талантом открытия.

Он подробно анализирует историю Эрстеда и при-ходит к следующему выводу: «Дело было, очевидно, так. В голове Эрстеда явилась мысль, что столкновение противоположных электричеств в проводнике ведёт не к их взаимному уничтожению, а к преобразованию электричества в иную форму силы, способной обнаружить действие на тела, окружающие то место где происходит соединение и кажущееся уничтожение электричества. Эта мысль принадлежала к числу весьма плодотворных, и была способна послужить путеводной нитью исследования, ибо прямо вела к проверке с помощью опыта.

Но ум Эрстеда был полон стремления к созданию системы, и он, вместо того чтоб от этой идеи перейти к опыту и искать её оправдания или опровержения в явлениях, связал её с целым рядом других мыслей чисто теоретического характера, и она утратила свое возбуждающее к испытанию свойство. В сочинениях, на которые ссылается Эрстед, она является намёком, не занимает видного места и не имеет ясной формы, в какой изображает её Эрстед в статье, написанной после открытия. Наконец он решился сделать опыт. Но опыт явился его систематизирующему уму не в том значении, какое он имеет для испытателя, видящего в теоретической идее лишь точку опоры, исходный пункт для того, чтобы начать опытное исследование, которое должно иметь решающую силу, может совершенно изменить первоначальную идею... Эрстед делает первый опыт прямо на лекции, видит действие; но дух системы лишает его способности достаточно удивиться тому, что он видит, он полагает, что перед ним простое оправдание теории, которое он мог даже предсказать до опыта. И так как действие обнаружилось не в той форме, как он ждал, Эрстед находит его неясным, несмотря на его резкость, откладывает исследование и ждёт орудие, чтобы сделаться бессмертным. Очевидно, Эрстед не предвидел великих следствий своего опыта, если мог вперед указать его исход, и после первой удаче отложил исследование. К счастью отложил не надолго, через несколько месяцев мы видим уже Эрстеда не систематиком, а испытателем, жадно изучающего новый круг явлений и даже забывающего о теоретических идеях, которые привели его к открытию» [Любимов Н.А, 1887, с. 479-480].

Любимов не разделял увлечения коллег-естествоиспытателей позитивизмом: «Наше время менее всего время философских увлечений; это скорее время падения философии. Трудно не видеть признаков этого падения в тех бедных по содержанию, бесплодных по результатам системах, которые находят себе там и сям приверженцев и проповедников. Дух системы, некогда так гордо возносившийся к самым крайним пределам знания, готов ныне, в форме «позитивной философии» скромно следовать за движением отдельных наук, заносая в памятную книжку не ими добытые результаты и удаляя в разряд неразрешимых всякие тревожные вопросы ума» [Любимов Н.А, 1887, с. 481]. Он полагал, что перестройка нравственной науки по образцу наук о природе, предпринятая О. Контом, оказалась схоластическим мероприятием, и закончилась для последнего расстройством разума и появлением особого рода мистицизма. Кроме того, позитивизм не имеет той прогностической силы, на которую претендует. В качестве яркого примера этого, Любимов приводит историю о том, как Конт определил границы астрономических знаний. Конт утверждал, что положительные сведения относительно звёзд необходимым образом ограничиваются явлениями геометрическими и механическими и не могут быть расширены за счёт физических и химических исследований. Но достижения Кирхгофа и Бунзена в области спектрального химического анализа открыли новую область исследования физического строения и химического состава небесных тел.

Еще отрицательнее Любимов относился к материализму и увлечению им: «Материализм принадлежит к числу самых бедных и узких систем; тем не менее, он может оказать вредное влияние на исследователей: следы такого влияния можно заметить в знаменитых исследованиях Дюбуа Реймона о животном электричестве; его можно заметить во многих физиологических исследованиях над действием нервной системы» [Любимов Н.А, 1887, с. 484]. Материализм прилагает ко всякому явлению узкую мерку своего знания и обедняет исследуемый объект.

По его мнению, естествоиспытатель должен избегать духа любой системы, которая ограничивает его исследовательский поиск, догматизирует его мировоззрение. Главным, ведущим принципом деятельности учёного должно быть стремление к познанию неизвестного, «пытливость поддерживающая священный огонь изыскания». Дух

естествоведения для Любимова, это дух осторожного исследования, успокаивающегося лишь тогда, когда данное положение испытано, проверено в своих следствиях, «когда справедливость его доведена до очевидности и поставлена вне спора». Движение в познании к очевидности идёт медленно и осторожно, через преодоление сомнения: «Это научное сомнение должно впрочем высказываться главным образом не в том, чтобы поспешно отвергать чужие заключения, добытые правильным путём и признанные в науке, а в том, чтобы медленно и осторожно делать свои. Разумной осторожности выводов одинаково противоречит и самое поклонение принятому, и легковёрное увлечение новизной» [Любимов Н.А., 1887, с. 505].

В своей «Истории физики», – первой масштабной русской работе, посвящённой истории развития физики и научной среды вообще, он пытается показать условия зарождения и роста научных идей, то, с какими трудностями сталкивается учёный, как происходит научное открытие. Во введении он пишет: «Есть школа логики открытий. Школа эта в их истории. Воспроизвести те умственные озарения, те великие умозаключения, которые повели к открытиям, есть, по мнению нашему, важнейшая задача философской истории науки» [Любимов Н.А., 1892, с. III].

Любимов полагает необходимым в подготовке исследователя к будущей научной работе его знакомство с историей науки: «Без знания истории науки самая наука является каким-то случайным соединением более или менее доказанных положений неизвестного происхождения. При отсутствии знания истории науки плодятся учёные без учёности и специалисты без общего образования – явления у нас, увы, весьма распространённые» [Любимов Н.А., 1892, с.9]. В «Истории физики» Н.А. Любимова описано становление и развитие физики от Античности до Нового времени, включительно. В ней даются обширные экскурсы в историю проблемы, показываются причины, приводящие к открытию, и описываются обстоятельства принятия идей.

Книги Любимова «Начальная физики» и «История физики» подверглись жесткой критике со стороны его бывшего ученика и коллеги – А.Г. Столетова. Причиной критики было, прежде всего, их мировоззренческое и идеологическое противостояние. Если Любимов был сторонником консерватизма, то Столетов ориентировался на демократические и либеральные ценности. Участие Любимова в реформе университетского устава 1863 года и замене его на более реакционный вызвало крайне негативное отношение к нему большей части представителей университетской корпорации.

П.Н. Милюков описал происходившие события так: «Университетские волнения 1869 г. вызвали несколько частных мер против университетов, «республиканское» устройство которых не давало покоя реакционерам. Цель преследований намечалась сама собою: нужно было ограничить «самовластие» советов, которому стали приписывать все недостатки университетской жизни, действительные и мнимые. Подчинить советы попечителю и министру, эмансипировать от их власти факультеты — таковы были ближайшие средства, указанные противниками устава. Окончательный план нового устава сложился, однако, не сразу. ... Решительное влияние на более радикальную постановку вопроса имело мнение проф. Любимова, ближайшего сторонника Леонтьева и Каткова. Почва, на которой проф. Любимов начал свою агитацию против устава, была выбрана очень своеобразно и во многом совпадала с некоторыми радикальными мнениями, высказанными при обсуждении устава. Проф. Любимов принципиально протестовал против установившегося университетского режима во имя идеального начала — германской академической свободы. Свобода преподавания и слушания, широкая конкуренция штатных преподавателей с приват-доцентами, поощряемая гонораром; отмена университетских экзаменов, связывающих занятие наукой с получением диплома, и замена их государственными экзаменами, не зависимыми от университета - таковы были

те основные идеи, с которыми профессор Любимов выступил в печати и в записках, подаваемых министерству». Завязалась полемика: противники Любимова, в большинстве своём коллеги по Московскому университету, доказывали, что в самой Германии, рекомендуемые им порядки вызывают неудобства, для устранения которых как раз сознаётся необходимость большей автономии университета. Первоначально позицию московских профессоров поддерживали и в высших административных сферах, но потом победило мнение сторонника «Московских Ведомостей». В апреле 1875 года была назначена специальная комиссия под председательством члена государственного совета И.Д. Деянова. «Осенью члены этой комиссии (в том числе особенно деятельные - А.И. Георгиевский и Н.А. Любимов) объехали университеты, собирая материал по составленной ими программе. Настроение университетских кругов относительно этой комиссии видно из того, что в Санкт-Петербургском университете члены профессорской корпорации отказались от частных переговоров с членами комиссии и ограничились коллективным отзывом, энергично защищавшим устав 1863 года. Члены комиссии не решились показаться на лекции, опасаясь возбудить волнения студентов. Коллективные мнения и других университетов стояли на той же почве. «Материалы, собранные комиссией», содержат в себе в изобилии всё те же соображения относительно нецелесообразности намеченных мер, которые впоследствии вполне оправдались практикой устава 1884 года. Сам председатель комиссии относился к её задаче с едва скрываемым скептицизмом. В 25-и заседаниях комиссии (сентябре-декабре 1876 года) ректоры составили сплоченное большинство против реформы; но разработка устава в намеченном направлении, тем не менее, продолжалась, в 4-х специальных комиссиях». После восьми лет борьбы в августе 1884 года новый устав был утверждён императором. В результате «... рухнула, при первом столкновении с действительностью, та «свобода преподавания и слушания», которая в изображении проф. Любимова являлась центральной, идеальной задачей всего задуманного переустройства. Уже по букве устава свобода слушания свелась к выбору между «несколькими» учебными планами, предлагаемыми студенту деканом; на практике же никогда и не делалось попытки составить эти несколько планов: студент должен был следовать тому единственному, по которому в момент его вступления велось преподавание... Обязательная программа испытания, в связи с официальной обстановкой экзамена, повела к небывалому до тех пор понижению экзаменационных требований; противники устава 1863 года доказывали, что при новом порядке экзамен «из лекций» заменится экзаменом «из науки», а в действительности вышло только, что экзамен «из науки» превратился в экзамен «из учебника», притом, очень элементарного. Проф. Любимов оказался пророком, когда писал: «Стесняя (преподавание) строго определёнными программами, данными извне, превращая университет в школу, где выучиваются определённой сумме познаний, мы бы уронили значение университета». Этого именно боялись защитники старого устава, - и это опасение стало действительностью» [Милюков П.Н., 1890].

Перечислим претензии Столетова к Любимову, которые он высказал в статье «г. Любимов как профессор и учёный (Материалы для учебного юбилея)», чтобы составить объективное мнение о причине их противостояния.

«Как профессор г. Любимов отчасти известен московской публике. Ещё свежи в памяти его многократные публичные лекции, вначале собиравшие большую ауди-торию, но мало помалу вымиравшие за недостатком слушателей. Сущность этих лекций – в нагромождении эффектных опытов, нередко напомиравших «большие увеселительные представления» заезжих «профессоров». К опытам пришивалась масса вечно юных, по мнению лектора, анекдотов и кое-какие бессвязные объяснения, настолько краткие и недодуманные, что слушатель, тщетно ждавший общепонятного слова, пребывал умственно в такой же темноте, какую, в смысле физической, обдавали его поминутно

закрываемые окна аудитории; «преподавание, декоративно поднятое на высоту» не удостоило «стать на ноги». Нам известно, что и студенческие лекции г. Любимова сохранили весь характер публичных чтений: та же погоня за дорогими опытами, поглощавшими весь бюджет физического кабинета в ущерб строго научным потребностям; та же расточительность на анекдоты и скупость в разъяснении серьезных пунктов науки... Слишком «малую долю времени и энергии» он посвящал университету, чтобы кого-либо чему-либо учить,- поглощенный то редактированием Русского Вестника, то лицеем г. Каткова, то походом против университетов...»[Столетов А.Г., 1941, с. 372-373].

Очевидно, что истинная причина была в личной неприязни, столкновениях на кафедре за «распределение ресурсного обеспечения» и идеологических расхождениях. Авторитет Столетова в физическом сообществе был и остаётся непререкаемым, что привело к недооценке работ Любимова. В исторической перспективе политические пристрастия Любимова и Столетова уже не имеют значения, и, оценивая его работы по истории науки объективно, стоит признать их чрезвычайно интересными объёмными исследованиями по социальной и концептуальной истории физики, к сожалению, не завершёнными до конца и остановившимися на XVII веке.

*** Работа поддерживалась грантом РГНФ № 12-33-01329**

Литература

1. Шпольский Э.В. Николай Александрович Умов// Успехи физических наук. - 1947. - Т. XXXI. - Вып. 1. – С. 130-131.
2. Любимов Н.А. В чем дух естествоведения?// Мой вклад. Статьи, записки, заметки. Т. 2.: По вопросам народного просвещения. Из истории и природы,- М.: Университетская типография, 1887. - С. 467.
3. Любимов Н.А. История физики. Опыт изучения логики открытия в их истории.- СПб: Тип. В.С. Балашева, 1892. – С. III.
4. Миллюков П.Н. «Университеты в России»// Энциклопедический Словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона, в 86 томах,- СПб, 1890-1907.
5. Столетов А.Г. г. Любимов как профессор и учёный (Материалы для учебного юбилея)// Собрание сочинений в 3 т., Т. 2.: Общеизвестные лекции и биографические заметки,- М.-Л.: ГИТТЛ, 1941. - С. 372-373.

Основания математики как онтологическая проблема

Букин Д.Н.

Кандидат философских наук, докторант

Волгоградский государственный университет

Институт истории, международных отношений и социальных технологий

Волгоград, Россия

hetfieldukin@mail.ru

Аннотация. Одной из важнейших задач, стоящих перед современной философией математики, является рассмотрение математического объекта как части мира, окружающего нас и включающего нас, наше сознание, познание и т.п. Решение данной задачи невозможно без всестороннего анализа онтологических оснований математики.

Ключевые слова: онтология математики, онтологические основания, математический объект.

Одной из ключевых тем философии математики была и остается проблема оснований последней. Ее изучению посвящена обширная философская литература - существует множество источников, авторами которых являются не только видные мыслители, но и выдающиеся математики и представители естественных наук. В то же время, данная проблема зачастую неотделима от не менее важных вопросов *существования* и *статуса* математического объекта. На наш взгляд, здесь затрагиваются близкие, но все же нетождественные по своей сути предметные области, обладающие разным масштабом «охвата» и неодинаковой степенью приближенности к реальной математической практике. Остановимся на этом подробнее.

Традиционно проблема обоснования математики формулируется в виде вопроса: «Почему математические утверждения необходимы?». Очевидно, ответ на него подразумевает поиск некоего «фундамента» (foundations в противовес bases в англоязычной литературе по теме) условно целостного здания математики. Как известно, по своей природе «этажи» и уровни данного здания выстраиваются аподиктически, с опорой на определенную аксиоматическую базу или систему постулатов. В.А. Светлов отмечает: «Математическая необходимость есть не более чем необходимость следования теорем из посылок... Но это уже не онтологическая, а логическая необходимость» [Светлов В.А., 2010, с.9]. При этом термин «логическая» здесь не означает безусловной апелляции к программе логицистов – необходимость может интерпретироваться и как интуитивная очевидность (интуиционизм, конструктивизм), и как формальная непротиворечивость абстрактных конструкций (формализм), и даже как опытная верифицируемость (эмпиризм, натурализм). Не касаясь истории противостояния классических философско-математических направлений, отметим, что во всех перечисленных случаях речь идет скорее не о философской, а о математической проблеме. Дело в том, что даже с семантической точки зрения множественное число многозначного термина «основание» фактически ничем не отличается от множественного же числа слова «начало», тысячелетиями используемого математиками. Другими словами, это тот самый случай, когда основания органически входят в нечто целое, являются его частью, пусть и на предельно высоком иерархическом уровне. Не останавливаясь подробно на поисках решения таким образом артикулируемой проблемы обоснования математики, которые Витгенштейн сравнил с попыткой рассмотрения нарисованной скалы в качестве основания для нарисованной башни, констатируем, что и по сей день они не увенчались успехом. Формальная неразрешимость этой проблемы неоднократно обосновывалась именно математиками, среди которых, на наш взгляд, наиболее убедителен К. Гедель. Однако, как это не парадоксально, подобные «неудачи» математиков продолжают беспокоить кого угодно, но только не их самих, уверенно продолжающих строить непротиворечивые теории, решать прикладные задачи и даже «загадки тысячелетий» (Г. Перельман)! В первую очередь, это касается философов, все еще, пусть и с критических позиций, «по инерции» продолжающих работу с основными установками логицизма, интуиционизма, формализма и др. философско-математических традиций прошлого столетия.

Действительно, вклад, который внесли Г. Фреге, Б. Рассел, Л. Брауэр, Д. Гильберт и многие другие выдающиеся философы, логики, математики в изучение проблемы обоснования математического знания поистине огромен. Вместе с тем, следует признать, что задача всестороннего философского анализа *бытия* математического объекта по большому счету не ставилась, сводясь к поискам универсальных принципов «внешнего» обоснования необходимости математических истин. Это, в свою очередь, не могло не повлиять на некоторое «обеднение» собственно философской составляющей исследования – в погоне за пресловутыми «основаниями» многие философско-математические течения специализировали, сузили до предела рамки своих поисков,

оставив в стороне многие важные вопросы. Так, например, для формалистов не стоит проблема истинности математических утверждений; логицисты избегают проблему наглядности математических объектов и синтетического априори в математическом познании; большинством традиционных направлений в основаниях математики игнорируется проблема применимости последней в эмпирическом познании и т.д.

В то же время, создается впечатление, что философы пытаются выполнять работу, традиционно присущую математикам (обратная тенденция значительно слабее). Это обстоятельство требует особого внимания на фоне складывающейся в современной философии противоречивой ситуации: с одной стороны, все чаще возникает потребность в объединении исследовательских усилий философов-теоретиков и представителей специальных наук, с другой – сохраняется необходимость развития «в чистом виде» таких разделов философии, как онтология и гносеология, изначально игравших роль областей «метазнания», связанных с наиболее глубокой формой рефлексии над проблемами индивидуального, социального и мирового бытия. В.В. Миронов и А.В. Иванов отмечают: «Математик не ставит вопрос в общей форме о том, познаваем ли мир... Наука всегда реализует познавательную установку, философ вправе сомневаться в ее реальности» [Миронов В.В., 2005, с.15-16]. В частности, необходимость отличать *философский* взгляд на проблемы математики от рефлексии работающих *математиков* лишний раз убеждает нас в том, что близость и тесная взаимосвязь между классической «проблемой обоснования математики» и сугубо онтологической проблемой существования математического объекта еще далеко не дает права на выставление знака тождества между соответствующими предметными областями.

Действительно, если для математика проблема существования сводится к проблеме формализации некоей допустимой области определения переменных, то для философа она может и должна быть артикулирована онтологически, в предельном случае мотивируя исследователя на поиск ответа на вопрос: *существует* ли математический объект? А.Г. Черняков пишет: «Вопрос, который, как нам представляется, наиболее важен для современной философии математики и, возможно, философии как таковой, заключается в том, каким должно быть онтологическое или (в перипатетическом смысле) "метафизическое" истолкование оснований математики? В каком смысле основания математики подобно аристотелевой "первой философии" могут концептуально подкреплять и питать онтологию в целом?» [Черняков А.Г., 2007, с.87]. Это своего рода «возвращение» к истокам, поскольку известно, что уже на заре становления философского знания математика играет значимую роль в развитии онтологии как учения о бытии как таковом, рассматривающего вещи не столько в качестве носителей определенных свойств и отношений, сколько как нечто существующее, *предъявленное*. В настоящее время в философской онтологии формируется относительно самостоятельный раздел, нацеленный на выявление всеобщих закономерностей бытия математических объектов – онтология математики.

Литература

1. Светлов, В.А. Философия математики: Основные программы обоснования математики XX столетия. М.: КомКнига, 2010.
2. Миронов, В.В., Иванов, А.В. Онтология и теория познания. М.: Гардарики, 2005.
3. Черняков, А.Г. Математика как формальная онтология // Философия математики: актуальные проблемы. Материалы международной научной конференции 15-16 июня 2007. М.: изд. Савин С.А., 2007. С. 87-89.

**К вопросу о статусе ментального ряда
в концептуальных построениях Дж. Сёрля
Васильева Ольга Александровна**

Аспирант

*Ульяновский государственный университет
Факультет гуманитарных наук и социальных технологий
Ульяновск, Россия
oll-vass@rambler.ru*

Аннотация: В работе предпринят анализ концептуальных основ популярной за рубежом лингвистической концепции сознания в варианте Дж. Сёрля. Приводимые ниже доводы базируются на традициях информационного подхода. Тезис, проводимый в данной работе состоит в утверждении несостоятельности узколингвистического подхода к сознанию, поиска его стихийности (начала субъективного) вне личностных координат. Используя сравнительный подход, автор приходит к выводу о необходимости онтологизировать понятие ментального ряда в более широких, психофизиологических терминах.

Ключевые слова: ментальный ряд, лингвистическая концепция сознания, онтологические проблемы сознания

Стиль и форма изложения подчас бывают наиболее существенными из средств, в пользу того, находим ли мы текст привлекательным и глубоким, а потому, нужным. В многочисленных работах Дж. Сёрля, указанная особенность играет совершенно самостоятельную роль. Насыщая свою речь детальной аргументацией, непередаваемой на русский (собственной) терминологией и, вроде бы из лучших побуждений, нарочито простыми примерами, автор предстает как матерый ученый, способный даже наиболее сложные, строго научные вопросы разложить буквально на пальцах. Вместе с тем, уже многие философы неоднократно цитировали его, дабы указать на узость, путаный ход рассуждения и условный характер выдвигаемой доказательной базы. Логичным в такой ситуации представляется вопрос, что же получится, если попытаться воссоздать собственную точку зрения автора, лишенную камуфляжа противоречий, так сказать перевести его «со словарем».

Предметом данного рассуждения служат известные высказывания философа о сознании и его онтологических свойствах, имеющие популярность и по сей день. Так, Дж. Сёрль непримирим со всей предшествующей аналитической традицией, впрочем, как и со всеми традициями до него, к какой бы механике или метафизике не сводили они феномен личностного начала в человеке, находит выход: «...Разум, - пишет автор, - ...это (лишенные разума) кусочки материи, организованные определенными динамическими способами, и именно динамическая организация создает разумность» [Сёрль Дж., 2002, с.50]. Иными словами это естественный путь развития человеческого существа, энтелехия его природы. Соответственно и сама идея эмерджентности предлагается им как общий принцип решения проблемы гибкости и креативности, *сохраняющий* исходное материальное единство мира [Там же, с. 112-114]. Таким образом, уровень сознания это уровень «нефизических» (потому как они не изучены) взаимодействий между нейронами. Средний путь найден и языковед Дж. Сёрль обращается к своей прежней теории речевых актов, связывая её непосредственно с уровнем «микрофизических» воздействий.

Конечно, если бы теория тождества не провалилась, попытка Дж. Сёрля могла бы сойти за истину. Однако психофизическая проблема продолжает состоять в том, что быть физическим, значит иметь и массу, и энергию, и координаты; быть ментальным – иметь нечто другое. Как замечает Д.И. Дубровский, «зрительная метафора», выдвинутая автором

для постулирования реальности ментального, констатирует лишь наличный факт не наблюдаемости действий сознания в эмпирии, и бессмысленна просто потому, что с этим никто не спорит [Дубровский Д.И., 2003, с. 100]. Отсюда так защищаемая философом «нередуцируемость» есть лишь игнорирование представленности сознания самому себе (т.е. феномена интроспекции), затушевывание самой проблемы.

Надо сказать, в условиях неизученной нейронной каузации, у Дж. Серля есть значительная свобода. Утверждаемые им *соответствия делаются*, а не обнаруживаются, как этого требует идея эмпирической науки, предполагающая научное открытие. Более того, философ нигде не конкретизирует обсуждаемые процессы нейронной деятельности, «предлагая» учитывать в качестве таковых, к примеру, некоторый ряд эмоциональных состояний (страха, надежды, желаний...). В таком варианте они и есть собственное лицо «биологического натурализма». Подобная активность нервной системы на действие среды определяет субъективность как *внутреннюю неустойчивость*, а человеческое поведение – результатом внелогического уровня ощущений. С одной стороны – верно, но как тогда корректно разрешить возможность сознания «действовать» сообразно обстоятельствам?

Если бы ментальный ряд (мышление) зависел только от физико-химического взаимодействия в мозгу (с учетом Фона), а субъективность лишь констатировала отдельно взятый процесс, то имела бы место и точная повторяемость эмотивного поведения. Однако этого как раз не происходит и дело здесь скорее не в сходстве, а в отличии. Сознание работает на самоопределение себя в мире и к происходящему всякий раз. Концептуальные же положения Дж. Серля в теории речевых актов, сводят данную процедуру к набору *случайных* манипуляций внутри строго иерархизированной мозговой деятельности. Иными словами, философ пытается заменить последним личностное ядро, жесткий центр, ответственный за всякую деятельность. В его концепции, так охраняемая субъективность, растаскивается до игры бесчисленного множества интенций. И моделируя способность нашего восприятия, Дж. Серль уходит от его конечной цели.

Еще одним, не менее важным моментом, становится утверждаемое представление о сознании как всецело репрезентируемом свойстве организма. Критикуя бихевиоризм, наш автор все так же «облегчает себе жизнь», выдвигая самый настоящий эмпирический критерий – языковое поведение. Однако, сама языковая реальность не столь естественная среда для сознания, поскольку очередной массив осознанности зачастую выражается при явном нарушении лингвистических норм. Для Дж. Серля же подобное замечание лишь подтверждает готовность сознания принять именно это знание, а не другое. Философ подчеркивает, что открытость сознания *фундаментальна*, и потому, сложносоотносимо в нем всякое интенциональное состояние. Сеть, как он порой называет всю совокупность воздействующей на человека информации, является тем предпосылочным знанием, на основании которого в психических модусах (маркированных речью) выстраивается определенное понимание вещей. Сознание работает с информацией, а мы можем детально проследить этапы такой работы, уверен автор. Он увлеченно разрабатывает критерии осознанности в языке, предлагая к различным ситуациям свои маркеры целеполагания.

Однако, согласно некоторым лингвистическим исследователям, теория Дж. Серля просто *не рассчитана* на диалогический характер речи, где сегментация словесного потока выполняется различно: от единичных высказываний до целого ряда предложений. «Расплывчатость – подчеркивает, к примеру, Д. Франк, – оказывается существенным свойством языковых выражений» [Франк Д., 1999, с. 270]. Что требует, как представляется, дальнейшего исследования социокультурного контекста и параметров разговора, а не биологии или физики. Однако для Дж. Серля, последнее не представляется существенным. Незыблемость конвенциональной структуры речи, её прагматическое начало, склоняют философа определять субъективный ряд не иначе как *ограниченность, а потому, ошибочность* локального опыта. Действия сознания в данном ключе, это перебор

решений, *равнозначных* (!) человеку, а фактический приоритет в выборе действия лежит где-то на уровне внешнего окружения. Так, Дж. Серль приходит к онтологизации гносеологического момента субъективного, где частный выбор предстает как выполненный алгоритм интенциональной массы. Однако сам замысел философа по детальной разработке выразимого ментального ряда оказывается либо слишком прост (на обыденных примерах самого автора), либо слишком сложен (в силу невыясненного положения к нейронным цепям).

В заключение хотелось бы отметить, что в своих теоретических воззрениях на сознание Дж. Серль по-прежнему остается верен слову. Но его стремление проследить в наличной реальности активный и нередуцируемый подтекст, ведет лишь к дальнейшему признанию независимого статуса ментальности вообще.

Литература

1. Дубровский Д.И. Новое открытие сознания? (По поводу книги Джона Серла «Открывая сознание заново») // Вопросы философии – 2003 – № 7. – С. 92-111.
2. Сёрль Дж. Открывая сознание заново / пер. с англ. А.Ф. Грязнова – М.: Идея-Пресс, 2002. С. 212.
3. Франк Д. Семь грехов прагматики: Тезисы о теории речевых актов, анализе речевого общения, лингвистике и риторике // Зарубежная лингвистика, т.2. – М.: Прогресс, 1999. С. 254-264.

Конвенции в структуре естественнонаучного и философского знания

Ершова Оксана Викторовна

Младший научный сотрудник

Ульяновский государственный университет

Факультет гуманитарных наук и социальных технологий

Ульяновск, Россия

oksiphil@mail.ru

Аннотация. В статье исследована конвенциональность естественнонаучного и философского знания, приведены примеры типологизации конвенций. Показана роль консенсуса как механизма регулирующего процесс введения, изменения или отказа от старых конвенций.

Ключевые слова: конвенция, научный консенсус, когнитивные коммуникации

Тема конвенциональности (конвенций) в работах эпистемологов поднималась в связи с проблемой реконструкции процесса научно-теоретического познания, развития научного знания. Складывающаяся в 60-70-е годы XX века общая гносеологическая тенденция - социально-культурной философской ориентации связала конвенциональную проблематику с задачей раскрытия меры влияния социально-исторического субъекта, его ценностно-мировоззренческих компонент на научное познание. В западной философии столкнулись с необходимостью учесть в моделях роста знания не только внутринаучные связи теорий и их взаимодействие с опытом, но и влияние на этот процесс философских, мировоззренческих и иных факторов социокультурного характера. Анализ знания стал строиться с учетом представлений и видов знания, сложившихся не только в сфере научного познания, но культуре в целом. Эту ориентацию называют неклассической методологической тенденцией. Усиление и развитие этой тенденции связывается с переосмыслением ценностно-познавательных установок, которые лежат в основании современного научного познания. Научное познание стало оцениваться как феномен культуры. Одной из ведущих тенденций эпистемологии стала направленность на

деятельностные аспекты познания, связанные с ценностями. В этом же русле осмысливается проблема конвенций в научном познании. Конвенциональный элемент отражает не только объективные характеристики научного знания (в том числе методологические установки, требования научности к теоретическим построениям), но и социокультурную размерность научного знания, включая ценностно-психологические установки и коммуникативный характер познавательной деятельности.

В эпистемологии философии эти тенденции стали катализатором постановки вопроса о сплавленности воедино нравственно-аксиологического и теоретико-познавательного среза философской мысли. На основе этого в отечественной философии была поставлена проблема о сочетании познавательного и ценностного, о механизме их слияния в каждой конкретной сфере философского знания, культурно-историческая обусловленности динамики этих элементов в философии. Проблема осмысления природы философского знания, в частности, она была поставлена как проблема критериев научности самой философии и соотношения философии и науки.

В 70-80-е годы XX века в эпистемологических анализах философского знания отмечаются попытки осмысления темы конвенциональности философского знания, познания. Обращается внимание на гносеологические функции конвенции в философском познании. Предполагалось, что вся философская система представляет совокупность концепций о значении и смысле понятий, об употреблении терминов. Философов вводит определения, соглашения об употреблении терминов в своей философской системе, затем из соглашений автор дедуцирует теории, которые раскрывают первоначальные определения и аксиомы. Конвенции в философии в этом случае служат конструктивно-проективным целям познания. В этом же русле отмечается конвенциональность нормативно-ценностной системы философского познания. Но эти отголоски темы конвенциональности в философском познании не получили дальнейшей разработки. Хотя исследование этой проблематики имеет очень важный аспект для самопознания философии.

Актуальность проблемы функционирования условных соглашений в философском познании определяется тем, что в современных эпистемологических исследованиях этой проблеме уделяется большое внимание (например в постпозитивизм). В логико-методологических, историко-научных, социологических концепциях науки отмечается когнитивная значимости договоренности в научной теории, не только как регулирующих принципов, но и внутренних факторов развития науки. Этим вызвана необходимость осмысления этих процессов и в философском сообществе как части профессионального эпистемического сообщества.

Исследование темы конвенциональности в философском сообществе потребовало проведение параллели к этому феномену конвенциональности в научном сообществе, так как этот феномен представлен в методологической литературе в более выраженной (явной) форме. Хотя, как показало исследование, феномен конвенциональности в научном сообществе недостаточно изучен эпистемологами, так как практически отсутствуют исследования с четкой формулировкой определения понятия конвенция в научном познании. Тем не менее идея конвенциональности научного знания нашла свой отклик в работах Л. Флека, У. Куайна, К. Поппера, И. Лакатоса, А. Грюнбаума, К. Айдукевича, Р. Карнапа и других. Тема методологических конвенций в науке в начале 70 – 80-х годов стала предметом дискуссий в историко-научных исследованиях (Т. Куна, С. Тулмина, К. Хюбнера, Л. Лаудана), особую роль конвенций в научном познании обозначили когнитивные социологи (М. Малкей, Д. Блур, Дж. Гилберт, Н. Коллинз, Б. Латур и другие). Методологическая позиция конвенционализма, в частности так называемый тезис Дюгема-Куайна, неоднократно обсуждался в отечественной литературе по философии науки в 70-80-ые года XX века (Л.Б. Баженов, Э.М. Чудинов, Е.Д. Мамчур и др.).

Цель исследования – осуществить анализ конвенциональности в естественнонаучном и философском познании, знании.

Методология исследования определяется подходом к рассматриваемым феноменам как ценностным явлениям, связанным с культурно-историческим контекстом. Закономерности и тенденции естественнонаучного и философского познания как особой деятельности, взятой в исторически изменяющемся контексте, включенной в исторически определенные формы предметно-практической деятельности и коммуникации. Для методологии проводимого исследования существенным оказался когнитивно-культурологический подход, позволяющий исследовать формы поведения философов, содержание философского знания в зависимости от культурных ресурсов.

Современные модели науки учитывают социальный характер субъекта научного познания и научной деятельности, фундаментальную роль научных коммуникаций в процессе создания и утверждения научных концепций, эпистемологическое значение введения конвенций на всех этапах научного познания (выдвижение гипотезы, доказательство, объяснение). Необходимыми элементами научных коммуникаций являются научные конвенции, предлагаемые и принимаемые членами научного сообщества. Конвенция играет важную роль в процессе научного поиска, так и в построении теории.

Во многих статьях и монографиях по методологии научного познания мы часто встречаемся с употреблением термина «конвенция», как правило, специально не определяемого, поскольку оно считается интуитивно ясным. Существуют попытки выяснить методологические аспекты этого понятия, обратимся к ним. Л.А. Микешина в своих ранних работах косвенно подмечает методологический и операционный характер научных конвенций. «Известно, что конвенции существуют в науке и применяются они для создания языка науки, исчислений, формализмов, при выборе из ряда эквивалентных методов, гипотез, теорий, то есть как некоторый технический прием. Такие соглашения безусловно присутствуют в научных методах как некоторые вспомогательные приемы...» [Микешина Л.А., 1981, с.46]. В поздних работах все более отчетливо звучит трактовка научной конвенции (или конвенции в научном познании) как познавательного приема, основанного на объективных предпосылках и порожденного коммуникативной природой науки, социально-историческим характером познавательной деятельности [Микешина Л.А., 1997, с.30]. При этом конвенция в познавательной деятельности «вообще» интерпретируется как универсальная процедура познания [См.:Микешина, 1997, С.30], либо как одна из четырех операций субъекта познания, наряду с репрезентацией, категоризацией, интерпретацией [Микешина Л.А., 2007, с.155]. Так Л.А. Микешина пишет, что конвенция - это «познавательная операция, предполагающая введение норм, правил, ценностных суждений, знаков, символов, языковых и других систем на основе договоренности, соглашения субъектов познания» [Микешина Л.А., 2007, с.155]. Суть определения Л. И. Микешиной конвенции как познавательной операции, возможно, заключается в том, что любая конвенция относительно норм, правил, понятий, концепций и так далее, вводится посредством определений, которые содержат значение и смысл новых норм, правил, то есть несут определенную познавательную информацию о данных объектах. Таким образом, конвенция, как познавательная операция, структурирует представление о вводимом элементе (будь то знак, теоретический объект, и наполняет его содержанием). Конвенция описываемая как операция познания, позволяет представить познавательный процесс в системе гипотетико-селективной, творчески-проективной, интерпретирующей деятельности субъекта [Микешина Л.А., 1997, с. 10-20].

Процедурный характер конвенции в науке подмечает С.Н. Коськов. Под конвенцией понимается «методологическая процедура, характеризующая принятие решения в силу

необходимости выбора или с целью устранения неопределенности» [Коськов С.Н., 2009, с. 11]. Так, например, конвенция является познавательной процедурой для формализации, так как с ее помощью можно установить жесткую однозначную связь знака и значения, придать целостность и дискретность языковым образованиям [Коськов С.Н., 2009, с.185]. Конвенциональность в научном познании является средством введения терминов, понятий, теоретических конструкторов и средством их связи с научной реальностью, средством связи чувственного и рационального. Конвенция в этом ключе играет важную роль в процессе научного поиска и в построении теории (конвенциональное принятие и построение научной теории как методологическая норма), что, по мнению эпистемолога, возможно приведет к признанию методологическим сознанием конвенции как общенаучного метода, как познавательной процедуры, включающей в себя систему операций.

Совокупность научных конвенций в различных науках представляет собой систему достаточно консервативную, но при этом принципиально открытую к введению новых конвенций или их изменению. Механизмом, регулирующим этот процесс, является научный консенсус. Конвенция в познавательной деятельности предполагает коллективное принятие концептуального и операционального аппарата, некую социальную санкцию. Его выработка занимает определенное длительное время, а на его результат влияют не только логико-эмпирические факторы, но и социальные, мировоззренческие и прагматические установки ученых.

Конвенции, вводимые членами эпистемического сообщества, в целом образуют некую гибкую систему, способствующую оптимизации познавательной деятельности. В связи с этим представляет интерес обратить внимание на возможные классификации конвенций в научном познании в отечественной и западной методологической литературе. В отечественной литературе по методологии науки можно встретить градацию (системы) конвенций по форме: *семантические конвенции* (интерпретация может быть теоретическая и физическая терминов, предложений, аксиом), *эмпирические конвенции*, *теоретические конвенции*. Семантические конвенции целиком определяют значение, которое субъект познавательной деятельности придает тому или иному символическому комплексу. Семантические конвенции подразделяются на теоретические конвенции в отношении семантики, когда комплексам символов, составляющих термины, ставятся в соответствие теоретические объекты, например, «точка», «прямая». Физические конвенции в отношении семантики образуются, когда реальные физические объекты ставятся в соответствие с абстрактными объектами, ставшими содержанием терминов.

Эмпирические конвенции заключаются в отношении экспериментально-измерительных процедур (например, единиц измерения, экспериментальных установок), в процессе разработки логико-математического аппарата, когда вводятся новые знаки, с помощью которых на языке математики записываются эмпирические законы.

Теоретические конвенции возникают в связи с введением в научное познание таких теоретических объектов как идеализированные объекты (например, «твердое тело», «материальная точка», «идеальный газ»), абстрактные объекты (например, в физике это физические величины, с помощью которых фиксируются результаты экспериментов – масса, длина, сила, скорость, ускорение и так далее). Так же теоретические конвенции осуществляются в отношении способов, позволяющих привести теоретическую систему в соответствие с данными опыта [Чудинов Э.М., 1972, с.227-231].

В западных историко-научных исследованиях можно встретить определенные типологии так называемых установлений (конвенций). Х. Позер в своей статье «Правила как форма мышления» на основе исследований К. Хьюбнера, И. Элкана, К. Кернера классифицировал выдвинутые этими авторами фундаментальные типы установлений научного познания. Предлагались следующие типы установлений в науке: онтологические

конвенции. конвенции в отношении источника знания. оценочные конвенции, инструментальные конвенции, эстетические конвенции, аксиоматические конвенции [Позер Х.,1996,с.152].

При типологизации конвенций за основу был взят содержательный момент, объект конвенций. Можно типологизировать конвенции в научно-познавательной деятельности по степени их проявленности, отрефлексированности в сознании научного сообщества. В научном и философском сообществе присутствуют такие формы конвенций как *дисциплинарные конвенции*, конституирующие эти эпистемические сообщества. *Дисциплинарные конвенции* – это структура, действительная для всех членов данного эпистемического сообщества, обеспечивающая его устойчивость, преемственность знания при смене когнитивных результатов и поколений; фиксирующая специфику предмета и познавательных процессов, методов присущих данной дисциплине; интериоризированная большинством и канонизированная в корпусе текстов (как профессиональной идентичности). *Локальная конвенция* -соглашение между членами эпистемического сообщества на уровне школ, направлений, кафедр, обществ, союзов, позволяющее идентифицировать каждого члена эпистемического сообщества с определенной группой. Локальные конвенции – это некие основы солидарности, предназначенные для внутреннего использования эпистемических групп.

Для искусственных языков характерна *актуальная конвенция* (т.е. изобретенных одним человеком или ограниченной группой лиц), то есть специальный договор между будущими участниками общения. Под актуальной конвенцией А.Л. Блинов понимает собственно событие заключения договора (в той или иной форме) между всеми членами данного языкового сообщества о введение в действие на неопределенно долгое время фиксированного перечня правил данного языка [Блинов А.Л., 1995, с.177]. В науке конвенции изначально носили характер актуальных конвенций. Например, введение констант в естественнонаучном познании, физических величин и т.д. Если обратиться к историческим исследованиям первых научных обществ, то можно увидеть, что при образовании этих обществ четко прописывался устав и правила поведения и представления результатов их членами. З.А. Сокулер пишет, что ранние академии «обычно включали в свои уставы правила этикета, направленные на то, чтобы сохранить дружеский и вежливый тон полемики» [Сокулер З.А., 2007, с.49]. Для актуальных конвенций характерно с течением времени перетекать в виртуальные конвенции, когда, например, оперирование теоретико-методологическими нормами в познавательной деятельности основывается не на факте имевшего когда-то место договора, а на взаимных ожиданиях, на компетентности членов эпистемического сообщества.

Оформление актуальных конвенций может принимать очень разные формы. Например, опубликование научной работы, вводящей новый концептуальный и методологический аппарат, придерживаясь которого брал на себя обязательство каждый член эпистемического сообщества, ставший участником общения в этом концептуальном поле. Само обсуждение этих введений, экспликация содержательных и формальных аспектов научной работы является проявлением актуальной конвенции. *Виртуальная же конвенция* предполагает молчаливое соглашение, по которому определенный способ поведения должен восприниматься как «правильный». Например, ученые при написании работы опираются на устоявшиеся негласные в научном сообществе нормы оформления когнитивного результата, ожидая от своих коллег соответствующего поведения, чтобы быть понятыми. Таким образом, для актуальной и виртуальной конвенции характерно то, что приняв ее члены эпистемического сообщества, затем опираются на факт ее принятия в своих рациональных исследованиях, связанных с актами совершения и интерпретации коммуникативных актов.

Актуальная и виртуальная конвенция обладают такими характеристиками как

явность, неявность, бессубъектность (отсутствие четкой референтной группы), субъектность (указывающие на референтную группу). Примером бессубъектности конвенций является конвенциональная основа семантики терминов естественного языка. Эта конвенциональная основа завуалирована длительной историей развития языка и отсутствием четко очерченного субъекта (индивида или эпистемического сообщества), вводящего символические комплексы на основе соглашения. Хотя отрицать наличие такого субъекта полностью было бы не верно, так как в силу не институционализированности языкового сообщества, этот субъект размыт и представлен, таким образом целокупным человечеством. Бессубъектность конвенций вероятно связана с их *явностью и неявностью* (явное и неявное проявление конвенций). *Неявность конвенций* предполагает момент неосознанности их функционирования в деятельности эпистемического сообщества (отсутствие рефлексии в отношении этого конвенционального содержания). Неявность конвенций может быть обусловлена, по крайней мере, двумя факторами. Первый фактор заключается в том, неявность конвенций может быть связана с отсутствием интенции (рефлексии) в отношении конвенциональных элементов деятельности в рамках оформленного эпистемического сообщества (определенный очерченный круг профессионалов-специалистов в какой-либо области). Вторым фактором выражается в том, что неявность конвенций обусловлена особенностями субъекта данной деятельности (нельзя четко указать референтную группу, источник) и стихийностью образования конвенций (стихийность формирования самой этой деятельности, то есть отсутствие институализированного процесса, эти конвенции функционируют на интуитивном уровне, передаются посредством традиции). *Явные конвенции* являются результатом рефлексии эпистемического сообщества над своей деятельностью и достигаются в результате осознанного консенсуса в познавательной деятельности.

Субъектные конвенции в практике научного исследования имеют своих представителей. Можно с большой долей вероятности указать на референтную группу, продуцирующую эти конвенции (в институциональном плане - это определенное эпистемическое сообщество и его типы: школы, кафедры направления и так далее). Это способствует тому, что в практике научного мышления, например, конвенциональность семантики терминов очерчена достаточно четко.

Л.А. Микешина типологизирует конвенции в научно-познавательной деятельности на очевидные и неочевидные конвенции, образующиеся при передаче способа видения, парадигмы, научной традиции, неявного знания. К очевидным конвенциям в научно-познавательной деятельности Л.А. Микешина относит языки (естественные и искусственные), другие знаковые системы, логические правила, единицы и приемы измерения, когнитивные стандарты в целом [Микешина Л.А., 2007, с. 158].

Насколько силен момент произвольности в конвенциональных образованиях? произвольны ли конвенции или есть логические и объективные ограничения, накладываемые на конвенции? Произвольность конвенций в научном сообществе в отношении, например, норм, терминологии, идеализированных объектов, абстрактных и так далее, системных модельных объектов (атомы, элементарные частицы), логико-математический аппарат (знаки) возможна, если каждый из этих объектов взят изолированно от какой-либо системы, в которой он мог бы быть интерпретирован. Так, если «мы оперируем терминами как изолированными друг от друга именами предметов, то в этом случае никаких границ для семантических конвенций нет» [Чудинов Э.М., 1972, с. 227]. Так, например, термин «масса», «планета», «порядок» можно трактовать различным образом вне очерченного семантического поля. Поэтому конвенции должны быть стабилизированы.

В большинстве случаев, даже если какие-либо конвенциональные элементы

рассматриваются вне (концептуальной) системы, важным фактором, определяющим их формирование, является традиция. Традиция позволяет интерпретировать данный элемент в определенном общепринятом, историческом русле (как их понимают «все»). Произвольность конвенций в науке (в научной деятельности в рамках научного сообщества) ограничивается тем, что конвенциональные элементы во многом обусловлены той системой понятий, определенной теорией, системой взглядов, мировоззрением. Так, термины квантовой механики отличаются от терминов классической механики.

Произвольность конвенций отождествляется с субъективной свободой субъекта познания. Но конвенциональная свобода субъекта познавательной деятельности может быть связана не только с субъективной свободой субъекта познания, но и с широтой выбора интерпретаций данных элементов. Э.М. Чудинов пишет: «...выбор семантики для системы аксиом допускает известную конвенциональную свободу. Например, аксиомы геометрии могут быть интерпретированы не только на множестве специфически геометрических объектов, но и на объектах булевой геометрии, теории чисел и т.д. ... Здесь конвенция выражает широту выбора интерпретационных аксиом, выражающую определенную степень общности этих аксиом» [Чудинов Э.М., 1972, с. 228]. Это крайние случаи проявления произвольности при образовании конвенций. В большинстве же случаев прослеживается влияние на формирование конвенций когнитивно-методологических факторов, социально-психологических, социологических.

Конвенциональность естественнонаучного языка способствует выполнению им познавательной и коммуникативной функции. Для любой науки актуальна задача «увязать субъективно-личные способы использования понятий с общепринятым в данном научном сообществе правилами и нормами» [Гусев С.С., 1978, с. 73]. Именно явная конвенция способна это выполнить. Конвенции используются на уровне выдвижения и становления гипотезы, на уровне – доказательства, на уровне – истолкования, интерпретации, объяснения результатов научной деятельности, распространение теории в широком кругу исследователей, в различных научных сообществах. Конвенция – это способ закрепления и превращения во всеобщие научно-объективных значений.

В философском сообществе также как и в научном сообществе присутствуют дисциплинарные и локальные конвенции, виртуальные и актуальные конвенции.

Конвенции в философском сообществе могут носить как явный, так и неявный характер. При этом в философии, по мнению Л.А. Микешиной, в отличие от науки характерны явные конвенции, так как философское знание предполагает экспликацию исходных оснований, принципов, понятийного аппарата, ориентирована на критико-рефлексивный подход как своему содержанию, так и предпосылкам. В отличие от специальных наук, где рефлексивная деятельность носит стихийно-интуитивный характер [Микешина Л.А., 1988, с. 207]. Конвенции носят неявный характер, когда остаются неконцептуализированным достоянием размышлений философа, нет развернутой теоретической проработки, выявляются в высказанных в контексте соображениях. Явные конвенции предполагают явную рефлексивность, когда, например, редакторы журналов вводят в свои описания и анализы специальные вступления, где обсуждаются теоретические и методологические проблемы (в том числе и дискуссии о конвенциональных нормах).

Дисциплинарные конвенции - конструкты, действительные для всех членов профессионального философского сообщества, обеспечивающие его устойчивость, преемственность знания при смене когнитивных результатов и поколений философов, фиксирующие специфику предмета и познавательных процессов, методов присущих определенной философской дисциплине; интериоризированные профессиональным большинством и канонизированные в корпусе текстов (как профессиональной идентичности).

Дисциплинарные конвенции конституируют философию как дисциплину в университетских кругах, создают единство и непрерывность в исследовании. В свою очередь, стремление философии к дисциплинаризации (когнитивной и социальной институционализации) привело к созданию единых общепринятых конвенциональных конструктов. Так как дисциплинарная форма философской деятельности предполагает специальный профессиональный философский язык (понятийно-концептуально-методологический аппарат), механизм признания когнитивного результата, а, следовательно, профессиональных стандартов дисциплины, стандартов квалифицированной сертификации. А.П. Огурцов пишет, что «дисциплинарная организация знания задает научному сообществу определенную систему общепризнанного языка, систему норм и образцов решения задач, коммуникацию» [Огурцов А.П., 1980, с. 303]. В качестве *дисциплинарных конвенций* в философии может быть *философский этос*, концептуально-методологический аппарат, понятийный аппарат, авторитеты философской мысли.

Дисциплинарные конвенции ориентированы на *классический образ философии*. *Дисциплинарные конвенции* транслируют в философскую деятельность некий канон, вокруг которого объединяются члены философского сообщества с плюралистической системой идей. Члены одной кафедры могут работать в одном или в разных методологических руслах, разрабатывать определенный набор проблем, но организовывать свой интеллектуальный поиск они будут соответствии с определенными социально установленными нормами.

Трансляция, воспроизводство, канонизация *дисциплинарных конвенций* происходит в официальных социально-организационных формах философской деятельности (например, кафедра, факультет в высшем учебном заведении), в рамках которых происходит профессионализация философско-исследовательской деятельности.

Локальная конвенция – соглашение членов философского сообщества о понятийном, концептуально-методологическом, аксиологическом аппарате, функционирующее в пределах определенных философских социо-когнитивных групп (школ, направлений, обществ) и осуществляющее функцию самоидентификации членов этих эпистемических групп.

Локальные конвенции могут функционировать и оформляться в таких социокогнитивных группах философского сообщества, как школа, союз, кружок, коммуникативная группа, семинар, общество. Эти социокогнитивные формы философского сообщества могут функционировать в системе университетского образования как неформальный тип взаимоотношений философов, а могут иметь статус самостоятельных организаций (как, например, философское общество). Среди неформально взаимодействующих групп философская школа является основным продуцентом и транслятором, органом продвижения и утверждения локальных конвенций (концептуально-методологические, понятийные и другие). Это обусловлено тем, что философская школа сплачивается вокруг лидера (генератора идей в интеллектуальном плане), продуцирующего концептуальные идеи, разделяемые членами этого сообщества или институционального лидера. Концептуальные представления философа и его образ философии непосредственным образом влияют на формирование локальных конвенций. *Локальные конвенции* – это некие основы солидарности, предназначенные для внутреннего использования эпистемических групп.

В истории развития философии условно выделяют несколько типов философских школ в зависимости от выполняемых функций: образовательная школа, исследовательская школа, школа-направление [Баранец Н.Г., 2007, с. 24-27]. В исследовании *локальных конвенций* для нас представляет интерес исследовательская школа и школа-направление. Образовательная школа в большей степени является

транслятором *дисциплинарных конвенций*.

Школа-направление определяется как множество философов, не принадлежащих к одному коллективу, но развивающих сходными методами общую специфическую философскую идею. Сторонники идей Вольфа, Шеллинга, Канта использовали их идеи философии, при этом не образовывали социально идентифицированной общности [Баранец Н.Г., 2007, с.25]. Исследовательская школа как коллектив философов-исследователей сплачивается вокруг лидера и в основном состоит из прямых или косвенных учеников разных поколений, разрабатывающих оригинальную концептуальную программу лидера или её модификацию [Баранец Н.Г., 2007, с. 24-25]. Результатом творчества лидера группы или авторитета являются новые конвенциональные единицы, которыми могут быть и понятия, методы, специфический образ философии, особая форма организации когнитивного результата. Эти конвенциональные единицы в процессе длительной философской деятельности этой группы апробируются, трансформируются, но при этом сохраняя основное смысловое содержание. Тем самым являясь идентификационным механизмом для выстраивания определенной философской системы идей, для поиска компетентных коммуникантов, и, следовательно, построение общения в этих концептуальных рамках. Примером школы исследовательского типа (рубежа веков) является *школа всеединства*, в основе которой была самостоятельная исследовательская программа, основанная на оригинальной концепции философии всеединства В.С. Соловьева. После 1900 года появляется школа всеединства как «содружество мыслителей, связанных общностью основных взглядов, единством и преемственностью методов» [Акулин В.Н., 1990, с. 37]. К этой школе принадлежали системы, созданные С.Н. Трубецким, Е.Н. Трубецким, С.Н. Булгаковым, П.А. Флоренским, Л.П. Карсавиным, обозначаемые как религиозный идеализм или метафизический идеализм. Хотя эти философы развивали достаточно самостоятельные версии этого учения, но имели те общие смысловые каркасы, объединяющие их в школу.

Проявлением *актуальной конвенции* в философском познании является обсуждение этих введений, экспликация содержательных и формальных аспектов научной работы. *Виртуальная конвенция* предполагает молчаливое соглашение, по которому определенный способ поведения должен восприниматься как «правильный». Примером *актуальной конвенции* может послужить написание программной статьи о представлении когнитивного результата философствования, редакционной группой «Мусагет», издававших «Логос» (С.И. Гессен, Ф.А. Степун, Б. Яковенко). Например, в 1751 году была издана Г.Н. Тепловым (ассессор Академии наук) первая в России книга, где были общедоступно изложены основные положения философии. Основная задача этой книги была познакомить читателей, которые не владеют латинским и французским, с основными философскими понятиями и проблемами. *Виртуальные конвенции* характерны для коммуникативных групп философов, поддерживающих интеллектуальные связи неформальными контактами и перепиской. Участники коммуницируют на основе общего когнитивного интереса, при этом поддерживая конвенциональные нормы общения, с целью облегчения понимания друг друга. В философском сообществе конца XIX – начала XX века коммуникативные группы возникали из университетского общения по линиям учитель-ученик (например, Г.И. Челпанов – Г.Г. Шпет, Г.Г. Шпет – Э.Гуссерль), по линии коллеги (Л.М. Лопатин – С.Н. Трубецкой), студенческое знакомство (Г.Г. Шпет и Л.И. Шестов), по редакционным связям (переписка, перерастающая в интеллектуальное сотрудничество, например, переписка Е.Н. Трубецкого, М.А. Новоселова, П.А. Флоренского по поводу учения Н.Ф. Федорова) [Баранец Н.Г., 2007, с. 29].

Обоснование конвенций в естественнонаучном и философском познании имеет свою специфику. В науке возможно логико-эмпирическое обоснование выбранной конвенции, то в философии – это концептуально-мировоззренческое обоснование (или теоретико-

методологическое), психологическое (приверженность школе). Но в естественнонаучном познании возможно взаимное дополнение двух способов обоснования. В философском познании психологическое обоснование предполагает внутрифилософскую идеологию (признанный канон авторитетных текстов, авторов), либо культурно-политическую идеологию, которая диктует содержательное наполнение конвенций, не учитывая когнитивные задачи философского сообщества (социально-политическая ангажированность конвенциональных норм). В философском кружке, коммуникативной группе эмоциональные, личные отношения являются определяющими при выборе конвенциональных ценностей, поэтому шкала оценок довольно неопределенная, она построена на основании явно присутствующей оппозиции «свои-чужие». В философской школе имеет место доминантное значение позиции учителя, задающего систему критериев и представление об авторитетах. Философская кафедра, философское общество, философский семинар, философская группа относятся к уровню сложившегося философского сообщества. На этом уровне присутствуют в осознанном варианте критерии, характеризующие как содержательный, так и формальный аспекты философствования, так как практика защиты научных степеней, диспутов, рецензирования способствует их осознанию. Для них характерны концептуально-мировоззренческое обоснование (или теоретико-методологическое).

Для философского познания характерна увеличивающаяся степень размытости конвенций от школы к дисциплинарному сообществу, так как в школе конвенции более или менее четко определены и согласованы, на более высоком уровне объединения согласованность в трактовке уменьшается.

В ходе исследования мы пришли к выводу о первостепенном эпистемологическом значении конвенции в познавательной деятельности, и вполне возможно, что позитивная разработка данной проблемы приведет к признанию методологическим сознанием конвенции как общенаучного метода, как познавательной процедуры.

*** Статья поддерживается грантом РГНФ (12-33-01329) «Эпистемические конфликты: типологизация и способы их разрешения» на 2012-2013**

Литература

1. Акулин В.Н. Философия всеединства: от В.С. Соловьева к А.П. Флоренскому. Новосибирск.1990.
2. Баранец Н.Г. Метаморфозы этоса российского философского сообщества: в XIX-начале XX веков. Ульяновск: УлГУ. 2007.
3. Блинов А.Л. Интенционализм и принцип рациональности языкового общения.-М.: 1995.- URL: <http://www.philosophy.ru/library/blinov/index.html> (дата обращения 12.10.10)
4. Гусев С.С. Метфора – средство связи различных компонентов языка науки/Научные доклады высшей школы. Философские науки.-1978.-№2.-С.70-75
5. Коськов С.Н. Рациональное и нерациональное в языке науки с позиции эпистемологического подхода//Вестник ВГУ.-Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация.-2009.-№ 2.-С.185-189
6. Коськов С.Н. Конвенционализм и его эпистемологические начала//Ученые записки Орловского государственного университета.- Серия: Гуманитарные и социальные науки.-2009.-№1.-С.73-79.- ISSN 1998-2720
7. Микешина Л.А. Детерминация естественнонаучного познания. М.:Наука.1981
8. Микешина Л.А. Эпистемология ценностей. М.: РОССПЭН,2007

9. Микешина Л.А, Опенков М.Ю. Новые образы познания и реальности. М.: РОССПЕН, 1997
10. Огурцов А.П. Дисциплинарное знание и научные коммуникации//Системные исследования. Ежегодник.1979.М.: Наука, 1980
11. Позер Х. Правила как формы мышления. Об истине и конвенции в науках // Научные и вненаучные формы мышления. М.: Москва-Киль.1996
12. Чудинов Э.М. /Роль конвенций в научном познании и конвенционализм//Ленинский этап в развитии философии марксизма. М.: Наука,1972.

Почему мы философствуем, или о месте философии в системе культуры

Земзюлина Анастасия Александровна

Студентка

Ульяновский государственный педагогический университет

Ульяновск, Россия

nasta-1690@mail.ru

Фоминская Екатерина Олеговна

Студентка

Ульяновский государственный педагогический университет

Ульяновск, Россия

kathreen73@mail.ru

Аннотация. В этой статье анализируется парадокс, связанный с тем, что философия имеет высокий престиж, интеллектуальную репутацию, однако в общественном сознании занимает одно из последних мест, проигрывая религии, политике, искусству. Расширение поля философствования в России конца 20-го века парадоксально совпало с потерей философией ведущих ролей в культуре, идеологии. На этом фоне вскрываются причины, по которым философия постоянно воспроизводится как форма культуры.

Ключевые слова: философия, культура, формы культуры.

Изучая курс философии, мы всегда сталкиваемся с вопросом о роли философии в системе культуры. Культура – исключительно многообразное явление, это одно из самых широких понятий, которое мы знаем. И поэтому неудивительно, что культура содержит в себе множество форм, культурных институтов. Даже если мы говорим только о формах духовной культуры, мы можем назвать среди них такие формы, как наука, искусство, миф, право, политика.

Задаваясь на этой конференции вопросами о судьбах фундаментальной и прикладной науки, мы не должны упустить и вопрос о месте философии среди других форм культуры. Ведь отношение к философии во многом индикатор отношения общества к разуму и рациональности в целом. В самом деле, какое же место она занимает, и каковы тенденции касательно роли философии в современном обществе? Увеличивается она или уменьшается?

Велико искушение сказать о том, что философия занимает центральную роль среди других форм культуры. Ведь она несет важнейшие функции – формирует мировоззрение, рефлексивует над вопросами частных наук, критикует, прогнозирует, дает, в конце концов, представление о смысле, цели жизни. Мы знаем, что на долю философии выпадают, как правило, самые трудные вопросы, за которые частные науки не берутся. Так же, независимо от времени, исторической эпохи, можно достаточно достоверно сказать, что престиж философии практически всегда был высок, философы пользовались уважением, хотя понимали их далеко не всегда. Кроме того, мы можем привести такое

интересное наблюдение – плоды наивысшего развития в какой – либо сфере культуры часто относят к философии, сравнивают с ней. Так, каковы бы ни были литературные достоинства художественной литературы, наивысшей похвалой звучит то, что произведение поставило глубокие философские вопросы. Это значит, что автор задел нечто значимое, вневременное.

Однако интеллектуальный потенциал, конечно, не гарантирует места под солнцем. Это касается не только отдельного человека, но, оказывается, может касаться даже форм культуры. Так, если мы понаблюдаем за тем, какие формы культуры наиболее популярны, заметны, обеспечены, то можно заметить, что на первом плане выступают деятели из сферы политики, религии; под напором мистики даже наука откатывается на третьестепенные позиции. Это проявляется во внимании СМИ, общественном мнении, авторитете, праве голоса при принятии решений. Голос философии и вовсе не слышен среди этого хора. Если оценивается нравственность какого-либо поступка, то газета или телеканал скорее прибегнут к оценке священника, чем философа; что и говорить, сама нравственность сейчас в общественном сознании принадлежит к скорее сфере религии, чем философии, несмотря на то, что этические идеи древних греков были известны философам еще за полтысячелетия до появления христианства.

Поэтому мы можем утверждать, что философия не только сама по себе парадоксальна как дисциплина; похоже, парадокс заключается и в её социальном положении. Имея высокий престиж, тем не менее, она находится на задворках как форма культуры. В недавней истории вокруг здания института философии РАН, которая грозила закрытием самому институту, звучал пресловутый обыденный вопрос: что толку от философии, какой она может дать результат? И действительно, общественный вес, престиж науки во многом поддерживается ее результативностью, чем мы пользуемся каждый день. А что же философия?

Авторы статей в интернете удивляются, считая, что «причины существования Института Философии в современной России рационально необъяснимы» [Мартынов К., 2012], а «голос ученых чиновников будет слышен в обществе лишь тогда, когда их лишают удобного офиса» [Мартынов К., 2012]. Говорится и о «двадцатилетнем безмолвии Института философии». Однако легко можно видеть, что эти претензии относятся не столько к конкретному институту, но и к философии в целом. В самом деле, не было ли последнее десятилетие периодом безмолвия философии вообще, а не только Института? Было. Действительно, после советских времен, когда философия, пусть в примитивно-идеологизированной форме, но занимала важное положение, наступил период очевидного безвременья. Однако связан ли этот период лишь с крахом марксистско-ленинской философии, как любят утверждать недоброжелатели?

Однако, как нам кажется, ответ на этот вопрос совсем не так прост. Нужно обратить внимание и на то, что помимо идеологической составляющей, в постсоветском обществе оказалась невостребованной критическая и рациональная суть философии. Не потому ли философия безмолвствует, что ее не очень-то хотят слышать? В постсоветском развитии философии можно видеть очередной, и довольно печальный парадокс философии. После начала перестройки поле философствования расширилось едва ли не со скоростью «Большого Взрыва» - так много публиковалось старых работ, так много узнали о восточной и западной философии. Однако этот вал вовсе не удержал философию на видной общественной позиции. Расширяясь тематически, содержательно, философия потеряла в то же время свои позиции в обществе.

Контрастом с этой ситуацией выступает роль и место философии во многих западных странах. Так, Швеция стала одной из стран с высоким уровнем атеизма; в европейской культуре в целом часто торжествует точка зрения о том, что религия – лишь личное дело каждого, а в общественной жизни проступают черты антиклерикализма и светской этики.

Философия здесь занимает более высокое положение, хотя и не занимается основанием идеологических доктрин. Просто в обществе есть запрос на рациональное осмысление.

Однако почему же философия, несмотря ни на что, сохраняет свою, пусть ограниченную роль в культуре? Почему она воспроизводится, почему к ней все равно приходят многие литераторы, ученые, и другие интеллектуалы и даже те, кто вовсе, казалось бы, к ним не относится? Ведь сохранение этой роли контрастирует с второстепенным социальным положением философии. Ответ на этот вопрос пытались дать многие; итальянцы Реале, Антесери в своем известном труде по истории философии говорят о философии как «потребности человеческого духа» [Реале Дж., 1994, с.13]. «Начало философии в удивлении». «А коль скоро неизживаемо это удивление перед лицом бытия, неистребима и потребность прояснить это удивление мыслью» [там же].

Кроме того, философия - хороший базис для реализации человека, она дает ему хотя бы приблизительные ответы на мировоззренческие вопросы, хотя она и бесполезна для тех, кто не склонен руководствоваться разумом. Привлекательность философии и в том, что любой сможет отыскать в ней «свой уголок», а в умелых руках, философия мощное идеологическое оружие.

Литература

1. Мартынов К. Философствуя недвижимостью: почему Институт философии нужно выселять. - URL: <http://www.liberty.ru/Themes/Filosofstvuya-nedvizhimost-yu-pochemu-Institut-filosofii-nuzhno-vyselyat/>
2. Реале Дж., Антесери Д.. Западная философия от истоков до наших дней. Т. 1. Античность. - ТОО ТК "Петрополис", 1994. - 336 с.

Актуальность изучения статистической теории фрактальных антенн для специалиста по радиотехнике

Сизоненко Роман Вадимович

Студент

Уфимский государственный авиационный технический университет

Факультет авиационного приборостроения

Уфа, Республика Башкортостан

marian01@mail.ru

Аннотация: Автор представляет информацию о возможности применения геометрических теорий к прикладным исследованиям по радиотехнике. Такого рода данные могут стимулировать интерес студентов (например, будущих инженеров) к изучению высшей математики и других фундаментальных наук в вузе.

Ключевые слова: фрактал, кривая Коха, радиотехника, радиоантенна, ферромагнитная радиоантенна, радиоволны.

Использование фрактальной геометрии при проектировании антенных устройств было впервые применено американским инженером Натаном Коэном, который тогда жил в центре Бостона, где была запрещена установка внешних антенн на здания. Натан вырезал из алюминиевой фольги фигуру в форме кривой Коха и наклеил её на лист бумаги, затем присоединил к приёмнику. В дальнейшем Коэн основал собственную компанию и наладил их серийный выпуск.

Фрактальная антенна может быть использована для приёма телевизионных сигналов в четырёх телевизионных диапазонах. Известны радиоантенны двух классов – это радиоантенны, восприимчивые преимущественно к электрической компоненте радиоволны, и радиоантенны, принимающие преимущественно её магнитную

компоненту. Первые принято называть электрическими, а вторые – магнитными радиоантеннами. Наличие ферромагнитного сердечника в магнитной радиоантенне не обязательно, но если он есть, то это – ферромагнитная радиоантенна. Ни одна радиоантенна из вышеназванных классов не имеет принципиальных преимуществ перед радиоантенной другого класса. Однако, для приёма телевизионного вещания применяют, как правило, электрические радиоантенны. Объясняется это тем, что в этом варианте по кабелю, соединяющему радиоантенну с приёмником, текут малые сигнальные токи при сравнительно больших напряжениях.

Фрактал (лат. *Fractus* – дроблённый, сломанный, разбитый) – сложная геометрическая фигура, обладающая свойством самоподобия, то есть составленная из нескольких частей, каждая из которых подобна всей фигуре целиком [Мандельброт Б., 2002, с.11]. Примерами фракталов являются кривые дракона, кривая Леви, кривая Пеано, ковер Серпинского, кривая Коха и другие самоподобные объекты с патологическими свойствами.

Кривая Коха является типичным геометрическим фракталом. Процесс её построения выглядит следующим образом: берём единичный отрезок, разделяем на три равные части и заменяем средний интервал равносторонним треугольником без этого сегмента. В результате образуется ломаная, состоящая из четырех звеньев длины $1/3$. На следующем шаге повторяем операцию для каждого из четырех получившихся звеньев и т. д... Предельная кривая и есть кривая Коха. Каждый шаг синтеза увеличивает длину результирующей кривой в соответствии с выражением $L = z \left(\frac{4}{3} \right)^n$, где z – высота образующего шаблона (длина исходного отрезка), n – число итераций.

Кривая Коха обладает следующими свойствами:

- Кривая Коха нигде не дифференцируема и не спрямляема.
- Кривая Коха не имеет самопересечений.
- Кривая Коха имеет промежуточную (то есть нецелую) хаусдорфову

размерность, которая равна $\frac{\ln 4}{\ln 3} \approx 1,26$, поскольку она состоит из четырех равных частей, каждая из которых подобна всей кривой с коэффициентом подобия $1/3$.

Возможны обобщения кривой Коха, также использующие при построении подстановку ломаной из четырех равных отрезков, но имеющей иную геометрию. Они имеют хаусдорфову размерность от 1 до 2 [Пайтген Х.-О., 1993, с. 24]. В частности, если вместо деления отрезка 1:1:1 использовать золотое сечение ($\phi:1:\phi$), то получившаяся кривая имеет отношение к мозаикам Пенроуза.

Размерность фрактальной площади, которой является полотно антенны – больше двух. Поэтому, плоская фрактальная антенна позволяет иметь свойства приёма, характерные для обычной трёхмерной антенны. Для трёхмерной (объёмной) фрактальной антенны – мерность больше чем 3. Это позволяет принимать (излучать) как обычные сигналы, так и сигналы, недоступные для обычных трехмерных антенн.

Экспериментальные данные, полученные специалистами компании Cushcraft для кривой Коха, четырех итераций меандра и спиральной антенны, позволяют сопоставить электрические свойства антенны Коха с другими излучателями с периодической структурой. Все сопоставленные излучатели обладали многочастотными свойствами, что проявилось в наличии периодических резонансов на графиках импедансов. Однако для многодиапазонных приложений более всего пригоден фрактал Коха, у которого с ростом частоты пиковые значения реактивных и активных сопротивлений уменьшаются, тогда как у меандра и спирали они возрастают.

В целом следует отметить, что теоретически представить механизм взаимодействия

фрактальной приемной антенны и падающих на нее электромагнитных волн крайне затруднительно из-за отсутствия аналитического описания волновых процессов в проводнике со сложной топологией. В такой ситуации основные параметры фрактальных антенн целесообразно определять путем математического моделирования. Численному исследованию электромагнитных процессов, протекающих во фрактальных антеннах и при их взаимодействии с предметами окружающей среды, посвящено достаточно много работ. Их подробный обзор и анализ выходит за рамки данной статьи. Общий недостаток всех известных публикаций по результатам исследований фрактальных антенн – отсутствие указаний на статистическую обработку результатов экспериментов. В частности, в них не приводятся сведения о доверительных интервалах для измеренных параметров, что не позволяет судить о точности полученных в итоге эмпирических соотношений. Статистическая теория фрактальных антенн при расчете их численными методами пока еще ждет своих разработчиков.

Литература

1. Мандельброт Б. Фрактальная геометрия природы. – М.: «Институт компьютерных исследований», 2002.
2. Пайтген Х.-О., Рихтер П. Х. Красота фракталов. – М.: «Мир», 1993.

Проблема истины в современной англо-американской философии

Синикина Полина Александровна

Аспирант

Ульяновский государственный педагогический университет им. И.Н. Ульянова

кафедра философии и культурологии

Ульяновск, Россия

sinikina.polina@mail.ru

Аннотация. В данной работе представлена попытка выявления и систематизации ключевых эпистемологических проблем и наиболее актуальных теорий истины современных англо-американских философов, а также изложены результаты поиска ответа на вопрос о том, каким образом все они могут быть соотнесены друг с другом.

В ходе проведения исследования подвергнуто проверке предположение о том, что современная англоязычная эпистемологическая литература посвящена развитию идей, связанных с классическими концепциями истины - корреспондентской, когерентной и прагматической.

Ключевые слова: проблема истины, англо-американская философия, классические концепции истины

Актуальность исследования обусловлена, с одной стороны, недостаточностью включенности российской философской мысли в общемировой процесс осмысления феномена истины, не смотря на отдельные публикации, появившиеся в центральных российских журналах с начала XXI века [Соболева М.Е., 2008, с.118], и, с другой стороны, заметным отставанием отечественной философии (работы, посвященные феномену истины, очень редки: [Батищев, Г.С., 1994], [Russell В., 1956] от интенсивно развивающейся современной англо-американской философии, представленной различными направлениями, течениями и школами, в рамках которых исследуются феномены истины, познания и сознания.

Цель исследования: анализ степени изученности феномена истины в англо-американской философии и логике.

Достижение данной цели предполагает решение следующей задачи: выявление и

поиск оснований систематизации наиболее актуальных теорий и ключевых проблем осмысления истины в англо-американской философии и логике.

В ходе исследования впервые в российской философии использованы литература и источники, не опубликованные на русском языке.

В ходе проведения исследования, установлено, что в большей части современной англоязычной эпистемологической литературы развиваются идеи, которые были главенствующими в начале XX столетия. Так или иначе, они связаны с корреспондентской, когерентной и прагматической концепциями истины.

Эти концепции являли собой попытку ответить на вопрос о природе истины. Вопрос был поставлен достаточно конкретно: «Если истина существует, то какова ее природа?» Отвечая на данный вопрос, каждая теория осмысливает феномен истины в контексте определенной метафизики и/или эпистемологии. Так поиск природы истины становится приложением к некоторой метафизической системе и наследует определенные метафизические постулаты. Если неоклассическая теория корреспонденции стремится достигнуть непосредственного восприятия истины как отношения содержания к миру, и это достигается в объединении объекта в мире и истинного утверждения, то неоклассическая теория когерентности, напротив, настаивает, на том, что истина - это не отношение содержания к миру, но отношение содержания к содержанию, или знания к знанию. Теория когерентности нуждается в метафизике, которая может заставить мир так или иначе отразить это отношение, и именно идеализм отвечает этому запросу. Создатели неоклассических теорий корреспонденции выстраивают, как правило, материалистическую метафизику.

Не трудно убедиться, что обсуждения неоклассической теории корреспонденции, «истиносозидательных» теорий и теорий фактов в особенности, всякий раз приводят к появлению новых «линий» и «кругов» исследований. Так произошло с дискуссией о существовании негативных фактов и с идеей, что они могли бы стать «истиносозидателями» для негативных предложений: Рассел в 1956 году указал на возникающее при таком допущении противоречие [Russell B., 1956, p.180], Армстронг отверг существование таких фактов [Armstrong D.,1997], тогда как Билл вновь за негативные факты вступился [Beall J., 2000, p. 264]. Но в целом данные «круги» исследования «расходятся вокруг» классических теорий истины.

Проведенное исследование доказывает, что корреспондентские, когерентные и прагматические идеи истины по-прежнему «живы», они являются источником вдохновения для множества современных англо-американских мыслителей, способны породить новые «русла» для беспокойного течения философской мысли, служить замечательной дисциплиной для нашего мышления и просто питать нашу любовь к поиску логически непротиворечивых ответов на основные вопросы человеческого бытия.

Литература

1. Соболева, М.Е. «Истина: свойство, оператор, событие?». Вопросы философии. 2008. №2. С.117 - 125.
2. Батищев Г.С. «Истина и ценности», Познание в социальном контексте. М. 1994. С. 37 - 48.
3. Благо и истина: классические и неклассические регулятивы. М. 1998.
4. Чудинов, Э. Природа научной истины, М.1977.
5. Russell, Bertrand "The philosophy of logical atomism" // Logic and Knowledge, R. C. Marsh, ed., London: George Allen and Unwin. 1956. Pp. 177-281.
6. Armstrong, David M., 1997, A World of States of Affairs, Cambridge: Cambridge University Press.
7. Beall, J. C., 2000, "On truthmakers for negative truths", Australasian Journal of Philosophy, 78: 264-268.

Феноменология науки Р. Ингардена

Тимошук Елена Андреевна

Старший преподаватель

Нижегородский государственный лингвистический университет

Владимирский филиал

Владимир, Россия

e@timos.elcom.ru

Аннотация. Автор предлагает феноменологию как фундаментальную стратегию социокультурного описания, где научное сообщество рассматривается как контекстуально-интенциональное коммуникативное образование.

Ключевые слова: феноменология культуры, социокультурные объекты, инструментальный реализм, феноменология техники, слоистая онтология

Р. Ингарден – ученик Э. Гуссерля, основателя философского учения феноменологии. Феноменология – это учение о предпосылках всякого мышления. Вследствие того, что в феноменологии делается упор на исследовании актов сознания, онтологическая тематика у Гуссерля не имеет самостоятельного значения. Оставаясь на феноменологических позициях, Р. Ингарден восстанавливает бытие, проводя тончайшую демаркацию природы социокультурных объектов. Одним из типов социокультурных объектов выступают научные представления. Наука в данной статье понимается как специфическое общественное явление, чья устойчивость поддерживается направленностью сознания участников контактной группы.

В сочинении «Спор о существовании мира» Р. Ингарден вступает в дискуссию с Э. Гуссерлем в отношении зависимости мира от сознания [Ingarden R., 1985]. Ингарден исходит из того, что с позиции трансцендентальной феноменологии невозможно установить существование независимого от сознания мира. Любые попытки сказать что-то о мире не прибегая к сознанию обречены на неудачу. Так феноменология заводит себя в тупик в вопросе о существовании мира. Ингарден полагает, что решить это противоречие можно лишь выйдя за пределы феноменологического метода. Поэтому он разделяет философию на онтологию и метафизику и переводит проблему существования мира в область метафизики. Онтология есть чистая философия, посредством которой мы открываем и устанавливаем необходимые связи между идеальными качествами благодаря интуитивному анализу содержания идей. Онтология Ингардена ставит вопрос не о наличном существовании, а о возможном существовании, а также о необходимых условиях существования различных объектов.

Р. Ингарден является сторонником многослойной онтологии. Он в четыре основных сферы бытия:

- 1) абсолютное (стационарное);
- 2) идеальное (вне времени);
- 3) реальное (темпоральное и, вследствие этого, бесконечно дробное, делимое и нечеткое);
- 4) чисто интенциональное (вневременное или кажимо временное).

Абсолютное бытие – это бытие Бога, который существует постоянно и независимо от всего [Ingarden, R., 1964. p. 157]. Идеальное бытие присуще научным объектам. Это число в математике (в том числе и отрицательное число, $\sqrt{-1}$); точка, линия в геометрии; идеальный газ, идеальный кристалл, абсолютно чёрное тело в физике; справедливость, честь, совесть, истина в праве. Теоретическое познание построено на оперировании идеальными объектами. «Электрон оставляет след в камере Вильсона», «большая печка Вселенных», «кипение физического вакуума», «торможение кварков» – так

интерпретируется физическое явление в некоторой довольно символической модели.

Реальное бытие – это существование наличных вещей, доступных чувственному познанию. Интенциональное бытие есть существование социокультурных объектов, порожденных проективностью сознания, потребностью в самовыражении, идентификации (художественные произведения, этническое, религиозные убеждения).

Наука получает материал из реального бытия (эмпирические факты), а также идеального бытия (теоретические установки), обрабатывает результаты исследования в поле идеального бытия и стремится воплотить результаты исследования в реальном бытии.

Ингарден различает 4 вида онтологической зависимости: 1) зависимость обособленной вещи от другой для поддержания своего существования, 2) генетическая зависимость, когда одно от другого зависит в своем происхождении, 3) зависимость в своем существовании и качественной определенности от другого, 4) полная зависимость, когда одно сосуществует с другим как полное целое.

И научные и социорелигиозные объекты имеют сходные зависимости: они имеют своим источником сознание и зависят в своей качественной определенности от работы сознания. Однако поскольку наука и религия имеют разные цели, которые в самом общем виде можно определить как инструментальную и экзистенциальную, идентичность этих объектов хранится разными социальными средами. Демаркация религии и науки идет на пользу поддержанию их самоидентичности.

Идеальные объекты науки не нуждаются в точной материализации, более того, она невозможна (идеальный газ, число, линия). Попытка физикализации идеальных объектов вызывает улыбку: «Я знал, что $\sqrt{-1}$ нисколько не менее вещественно, чем 1; там, где есть 1, 2, 3, 4, там есть и -1, -2, -3, и $\sqrt{-1}$, и $\sqrt{-2}$, и $\sqrt{-3}$. Где есть один человек и другой, естественный ряд чисел людей, там, конечно, есть и -человека, и -2 людей, и -3 людей и n -людей = $\sqrt{-n}$ людей... Мы взяли $\sqrt{-1}$ и сели в нем за стол...» (В. Хлебников. Скуфья скифа. 1916.

Однако наука не может отказаться от идеальных объектов. Юристам необходимы понятия объективности, истинности, справедливости, хотя никто не может найти в природе эти объекты. Без идеальных объектов математики, геометрии невозможна архитектура, информатика, современное естествознание.

1. Наука сегодня вынуждена учитывать онтологическую неоднородность. Социальное памятование уже не может уже осуществляться через универсальность, общезначимость. Существование культурных ценностей и смыслов продолжается в разнородных художественных, религиозных и иных группах [Ingarden R., 1989, p. 259].

2. Многослойная онтология Ингардена позволяет оценить особый статус социокультурных объектов, отказаться от редукционизма по отношению к ним [Ingarden R., 1989, p.259]. Их существование определяется индивидуальным и коллективным сознанием и поэтому помещается в особый экзистенциальный модус. Так, чтобы для верующего православного существовала икона, должна быть не просто расписанная красками доска. Существует нематериальный фактор сознания, на основании которого принимается или не принимается икона как существующий в духовном статусе объект. Это зависит, в частности, от её сакрализации. Более того, икона должна продолжать служить посредником между человеком и Богом. Если, допустим, икона попадает в музей, она перестаёт существовать для верующего в своём духовном статусе, но не перестаёт существовать как физический объект и как произведение искусства.

Таким образом, социокультурные объекты в феноменологии Р. Ингардена обладают двойственной зависимостью: с одной стороны, они зависят от физических носителей, с другой – они порождены интенциями общественного сознания, которое является определяющим в поддержании их устойчивости. Интенциональная природа

социокультурных объектов делает их онтически хрупкими.

Литература

3. Ingarden, R. *Spyr o istnienie swiata*. 3 vols.. 3rd critical ed. Danuta Gierulanka ed., Warszawa. 1985.
4. Ingarden R. *Times and Modes of Being*. Illinois. 1964.
5. Ingarden R. *Ontology of the work of art*. Athens, Ohio, 1989. P. 259.
6. Ingarden R. *Ontology of the work of art*. Athens, Ohio, 1989. P. 260.

РАЗДЕЛ 2.
ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ПРИКЛАДНОЙ НАУКИ И ИННОВАЦИОННЫХ
ТЕХНОЛОГИЙ ГЛАЗАМИ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

Развитие гуманитарной среды в ВУЗе как условие повышения жизнестойкости личности

Бабаджанова Наргис Рамзовна

Аспирант

Ташкентский филиал МГУ им. М.В.Ломоносова

Ташкент, Узбекистан

Аннотация. В статье анализируется роль гуманитарного образования в современном ВУЗе.

Ключевые слова: гуманитарное образования, высшее образование в Узбекистане, жизнестойкость личности

Высшие учебные заведения как основной этап непрерывного образования несут огромную ответственность перед обществом за формирование личности будущего специалиста, выполняя при этом обучающую, исследовательскую, профессиональную, сервисную, культурную и гуманистическую функции. В условиях социально-экономических преобразований нашего общества, а также стремительного научно-технического прогресса во всем мире, система высшего образования должна предлагать специалистов с новым пониманием мира. Образование, в широком смысле этого слова – такой процесс, который не может стоять на месте.

Одной из функций вуза является содействие формированию личности гуманитарного типа, создание условий для пробуждения у студентов потребности в культурных и профессионально-значимых ценностях. Культурно-творческая миссия вуза предполагает создание условий для свободного и творческого развития личности каждого студента, что достигается при условии существования определенной “культурной обстановки” в вузе, которая в свою очередь является частью гуманитарной среды.

Социально-психологическая служба в вузе является одним из элементов гуманитарной среды, деятельность которой направлена на формирование и развитие социально и профессионально значимых качеств и навыков у студентов, влияние на культуру межличностных отношений в данной среде, ценностные ориентации социальных субъектов и другие задачи. И, хотя, необходимость психологических служб (центров), выполняющих функции психологического сопровождения студентов и сотрудников ВУЗа, в нашей стране признается важной на государственном уровне, тем не менее, сохраняется острая нехватка специалистов-практиков, понимающих специфику социально-психологической работы в вузе. В этой связи, особенно актуальным, становится создание научно-методических основ социально-психологической службы и переподготовки специалистов, способных решать задачу гармоничного взаимодействия развития профессиональной и личностной зрелости будущих специалистов, что, в конечном счете, станет важным ресурсом их личностной и профессиональной жизнестойкости.

Студенческая молодежь как объект социально-психологической работы имеет ряд особенностей. Например, обучаясь в вузе, вчерашний школьник сохраняет привычную форму своей основной деятельности (учебную), благодаря чему неизбежно переносит на новый этап жизни свои “детские” привычки, в том числе готовность возложить ответственность за свои проблемы, физическое состояние, качество жизни в целом на кого-то другого, “взрослого”. С другой стороны, новое содержание, знакомой по форме, деятельности требует от студента как будущего профессионала большей

самостоятельности, стратегического и независимого мышления, готовность взять на себя ответственность за свое будущее.

Известно, что эффективность личности в профессиональной сфере зависит как от его знаний, умений и навыков в данной области, так и от психологического состояния человека. От психологического состояния субъектов, включенных в процесс обучения, зависит также результативность образовательного процесса. Личностный аспект профессионального успеха и жизнестойкости, как указывают многие авторы, связан с наличием положительной Я-концепции, определяющейся тремя факторами: твердой убежденностью в признании другими людьми, уверенностью в способности к тому или иному виду деятельности, а также чувством собственной значимости. Для развития Я-концепции как условия профессионального самосовершенствования будущего специалиста важное значение приобретают различные формы психологической работы. Это может быть групповая и индивидуальная консультативная работа, психологический тренинг. Различные формы психологического сопровождения имеют важные с точки зрения формирования личностной и профессиональной жизнестойкости будущих специалистов возможности:

а) Так, психологические тренинги могут быть направлены на формирование необходимых качеств, исходя из квалификационных требований к данной специальности, например, формирование умения слушания и понимания партнера в переговорах; развитие креативности в ситуациях выбора управленческих решений, умения убеждать, вызывать доверие и др.

б) Развитие способности к самосовершенствованию. В наше стремительно меняющееся время, с одной стороны, растет количество информации, необходимой для усвоения, а с другой стороны, она же, информация, быстро устаревает и нуждается в обновлении. Значимыми и востребованными на рынке труда становятся специалисты, умеющие самостоятельно добывать новую информацию и способные к самосовершенствованию в профессиональной сфере.

в) Процесс профессиональной идентификации студентов не всегда является гладким. Определенные трудности могут быть вызваны внутренними конфликтами и нереализованными потребностями, а также порой неполной самоидентификацией. Нереализованные потребности человека имеют особенность проецироваться на взаимоотношения с внешним миром, в том числе на окружающих, на выполняемую деятельность и вообще, на весь мир в целом. Личностные проблемы могут стать барьером на пути формирования эффективных навыков профессионального поведения. Индивидуальная психологическая работа имеет цель помочь студенту решить проблему личностного плана. Вместе с тем, индивидуальное консультирование создает условие для более полной реализации задач психологического тренинга по формированию профессиональных качеств будущего специалиста.

г) Сегодня, наряду с увеличением информатизации общества, намечаются перемены в характере общественного запроса к личности, а, значит, и к образовательной системе, принимающей непосредственное участие в ее формировании и становлении. В системе обучения студентов, подготовки и переподготовки преподавательских кадров эта тенденция может выражаться в постепенном переходе от авторитарной системы образования к гуманистически-партнерской, когда исходной ценностью должна стать, прежде всего, обучающаяся личность. Отсюда, система психологического сопровождения студентов и преподавателей по своей методологической направленности предполагает обращение к ресурсам самой личности, создание условий для ее профессионального и личностного роста. Специалисты, работающие в этом направлении, берут на вооружение, прежде всего, приемы и методы, связанные с личностно-центрированным подходом.

д) Процессы, происходящие на психологических тренингах, могут стать моделью

формирования новых отношений, переходу в диаде "педагог-студент" от авторитарных взаимоотношений к партнерским коллегиальным, основанным на принципах взаимопонимания, взаимоуважения и обоюдной ответственности. Эффект "психологического громоотвода", который часто срабатывает на групповых занятиях, когда высказанная вслух проблема теряет свою остроту, либо переформулируется, благодаря полученным новым точкам зрения от других участников тренинга, также способствует включению конструктивного поиска вариантов решения, изменения отношения, уменьшению напряжения, оказывая благотворное влияние на психологическое состояние участников. Иногда, участникам тренинга достаточно понять, что они "не одиноки" в переживаемых ими трудностях и многие студенты (преподаватели) прошли похожий путь.

е) В обратной связи участники тренингов обычно отмечают необычность полученного опыта, переход от безличностного, связанного только с их ролевым статусом к личностному взаимодействию, что, как следствие, создает важные предпосылки и стимул к изменению, желанию через осознание своих неэффективностей работать над собой.

Психологическая работа с преподавателями может сократить многие профессиональные проблемы педагогов, связанные с перегрузками, эмоциональным напряжением, фиксированностью на трудностях, синдромом профессионального "выгорания" и др.

ж) Одним из важных составляющих психологического сопровождения студентов и преподавателей может стать тренинг эстетического восприятия музыки, идея которого родилась в нашем Центре. Опыт проведения подобных тренингов был неизменно успешным и содействовал развитию рефлексии невербального опыта участников, связанного с направленным прослушиванием классической музыки. Цель проекта заключалась в активизации духовности участников, создании ситуации диалога со слушателями, опираясь на глубинные, духовные и невербальные механизмы музыкального восприятия. Задачей тренинга является предоставление возможности участникам исследовать собственное восприятие музыкальных отрывков, проследить силу воздействия классической музыки на ментальность и поделиться с другими участниками ассоциациями и образами, собственными внутренними переживаниями и чувствами.

Нашим партнером на протяжении ряда лет остается музыкальный Квартет, художественным руководителем которого является композитор и дирижер оркестра "Юные дарования Узбекистана" Мубарак Лутфуллаева (первая скрипка). Студенты и педагоги, получив возможность после прослушивания произведения классической музыки на скрипичных инструментах - скрипка, альт и виолончель, начать разговор о собственных переживаниях, делятся друг с другом возникшими образами, ассоциациями, настроением.

Каждый раз, участники тренинга с большим удовольствием "погружаются в музыку", после чего активно записывают свои впечатления и ассоциации. Позже они включаются в диалог с ведущим тренинга и другими слушателями, после чего эксперты (музыканты) рассказывают о том, что в реальности хотел передать автор данного произведения. Неизменным эффектом тренинга остается процесс возрастающей гармонии и согласованности переживаний участников как между собой, так и с автором того или иного музыкального произведения.

По окончании тренинга слушатели отмечают у себя позитивный настрой. Среди высказываний часто мы слышим: "спасибо, я поняла, что люблю классическую музыку", "мое физическое самочувствие улучшилось", "мое отношение к серьезной музыке коренным образом поменялось: если раньше ее не понимала, то теперь могу сказать, что люблю эту музыку", "у меня повысилось настроение" и др. Можно также сказать, что

тренинг имеет психотерапевтический и обучающий эффект.

Таким образом, развитие гуманитарной среды в вузе с опорой на современные социально-психологические технологии решает актуальную задачу гармоничного взаимодействия развития профессиональной и личностной зрелости будущих специалистов. Вместе с тем, психологические службы в вузе, опирающиеся в своей работе на такие прогрессивные технологии представляют собой важный ресурс развития жизнестойкости и адаптационных возможностей развивающейся личности.

Литература

1. Бабаджанова Н.Р. "Развитие "Я-концепции" как условие профессионального становления студента" Материалы 4 научно-практической конференции "Узбекистон Республикаси миллий хавфсизлик муаммолари ва барқарор ривожланиш шартлари", 2004 г., с.151-155
2. Бабаджанова Н.Р. "Возможности психологии в решении проблем профессиональной адаптации молодых специалистов". Иктисодий муносабатларни урганишда иктисодий атамалардан тугри фойдаланиши зарурияти ва муаммолари. Республика илмий-амалий анжумани. Тошкент, 2004. ТДИУ
3. Бабаджанова Н.Р. Психологическое сопровождение студентов-первокурсников в ВУЗе. / «Халк талими», 2005, №2
4. Бабаджанова Н.Р. Психологический тренинг как форма повышения квалификации педагога высшей школы. / "Олий таълим", 2005, № 4
5. Бабаджанова Н.Р. Актуальные задачи психологического сопровождения студентов и сотрудников ВУЗа: Состояние и перспективы развития практической психологии в Узбекистане./Материалы научно-практической Республиканской конференции от 27 сентября 2008 г., т.1, с.51-52
6. Бернс Р. Развитие Я-концепции и воспитание.- М.,1986
7. Реан. А.А., Коломинский Я.Л. Социальная педагогическая психология.- С.-П., 2007.
8. Социальная психология личности в вопросах и ответах: Учеб. Пособие/ Под ред. В.А. Лабунской. - М., 1999.
9. Черниловский Д.В., Мороз А.В. Креативная педагогика и психология.- М., 2001.

Применение прогнозных оценок при анализе хозяйственных рисков

Березина Анна Владимировна

Доцент кафедры «Экономика и менеджмент»

Тольяттинский филиал Московского государственного университета пищевых производств

Тольятти, Россия

Малаха Николай Викторович

Бизнес-аналитик

ООО «ЛАНИТ-Самара»

Тольятти, Россия

NV.Malaha@gmail.com

Аннотация. Анализ основных математических методов прогнозирования, используемых в целях исследования финансово-хозяйственных рисков.

Ключевые слова: методики анализа рисков, методология экономики, прогнозирование финансово-хозяйственных рисков.

Как известно, в качестве информационного обеспечения анализа хозяйственных

рисков используются данные бухгалтерского и управленческого учета, финансовая отчетность и т.п.

В свою очередь, для анализа рисков, вызванных применением производных финансовых инструментов, используются следующие информационные источники:

- показатели базисного актива (актив, лежащий в основе производного финансового инструмента, дериватива и имеющий стоимостную оценку, который поставляется по договору или стоимость которого является базой для расчёта при исполнении срочного договора);

- макроэкономические показатели;

- договоры, являющиеся производными финансовыми инструментами и др.

Методики анализа рисков, использующие в качестве информационного обеспечения бухгалтерскую, финансовую отчетность, обладают одним существенным недостатком – представляют собой ретроспективное исследование, то есть анализируют уже свершившееся, реализованное рисковое обстоятельство. Таким образом, имеет смысл применение в данном случае методов и инструментов прогнозирования, позволяющих при наличии достаточной информационной базы сделать прогноз, который даст возможность предупреждения/снижения риска за счет реализации превентивных мероприятий.

Прогноз представляет собой вероятностное суждение о возможном уровне риска или об альтернативных путях его реализации. Существует большое количество методов прогнозирования, основанных на двух подходах: эвристическом и математическом.

Эвристические методы – последовательность процедур обработки информации, выполняемая с целью поиска более рациональных и новых конструктивных решений. Данные методы обеспечивают выявление, обработку и упорядочение системы закономерностей на основе обобщения прежнего опыта и опережающего отражения моделей будущего с целью полного удовлетворения потребностей моделей.

Математические методы, используемые для прогнозирования, подразумевают выбор и обоснование математической модели исследуемого риска, а также способов определения ее неизвестных параметров. Таким образом, задача прогнозирования рисков сводится к решению уравнений, описывающих данную модель для заданного момента времени.

Рассмотрим основные математические методы прогнозирования, используемые в целях исследования финансово-хозяйственных рисков: анализ временных рядов и методы экстраполяции.

Временной ряд представляет собой совокупность измерений в последовательные моменты времени. Анализ временных рядов преследует две основные цели: определение природы временного ряда и предсказание будущих значений временного ряда по настоящим и прошлым значениям (прогнозирование).

При использовании анализа временных рядов предполагается, что данные содержат систематическую составляющую (включающую, как правило, несколько регулярных компонент) и случайный шум (ошибку), затрудняющий обнаружение регулярных компонент. В свою очередь, систематическая компонента состоит из тренда, сезонной компоненты и циклической компоненты. Для выделения тренда чаще всего используются метод наименьших квадратов и метод простых разностных операторов, для выделения сезонной компоненты – метод сезонных разностных операторов и метод сезонного выравнивания, для выделения циклической компоненты – метод скользящей средней и метод экспоненциального сглаживания.

Как было отмечено выше, кроме анализа временных рядов среди математических методов прогнозирования выделяют методы экстраполяции, отличающиеся простотой, наглядностью и легко реализуемые на программных средствах. Метод экстраполяции наиболее эффективен при кратко- и среднесрочном прогнозировании. При этом

предполагается, что тенденция временного ряда сохранится в течение прогнозируемого периода.

В настоящее время в экономической литературе предлагается широкий спектр экстраполяционных методов и моделей прогнозирования:

1. Многофакторные корреляционно-регрессионные модели.
2. Авторегрессионные модели.
3. Методы, предполагающие разложение временного ряда на компоненты: тренд, сезонные колебания и случайная составляющая.
4. Методы, учитывающие неравнозначность исходных данных.

Составим таблицу, характеризующую преимущества методов, используемых при прогнозировании финансово-хозяйственных рисков (таблица 1). В первом столбце таблицы 1 указаны характерные черты методов прогнозирования, арабские цифры соответствуют порядковым номерам методов, которым присущи данные качества.

Таблица 1

Характеристика методов прогнозирования финансово-хозяйственных рисков

Характерные черты	Методы прогнозирования финансово-хозяйственных рисков	
	Анализ временных рядов	Методы экстраполяции
Эффективность 4, 7	1. Метод скользящей средней	5. Метод корреляционно-регрессионного анализа
Надежность 2, 3, 4, 6, 7	2. Метод экспоненциального сглаживания	6. Авторегрессионные модели
Распространенность 1, 2, 5, 6	3. Метод аналитического выравнивания	7. Методы, основанные на разложении временного ряда на компоненты
Наличие стандартных программных средств для расчета и анализа 1, 2, 3, 4, 5, 6	4. Метод гармонического анализа ряда	

Как показал анализ, практически все методы и модели прогнозирования обладают достаточно высокой надежностью и характеризуются наличием стандартных программных средств для расчета, но наиболее эффективными методами прогнозирования финансово-хозяйственных рисков являются методы, основанные на разложении временного ряда на компоненты, и метод гармонического анализа ряда. Для проведения более точного анализа предпочтительности методов прогнозирования финансово-хозяйственных рисков необходимо исследование средней ошибки прогноза.

Литература

1. Бережная Е.В., Бережная В.И. Математические методы моделирования экономических систем: Учеб. пособие. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Финансы и статистика, 2006. – 432 с.
2. Макарова Н.В., Трофимец В.Я. Статистика в Excel: Учеб. пособие. – М.: Финансы и статистика, 2002. – 368 с.
3. Токаренко, Г. С. Прогнозирование рисков в компании / Г. С. Токаренко // Финансовый менеджмент / . – 2006. – № 3. – с.132-142.

4. Кириченко О.С., Кириченко Т.В. Применение методов инвестиционного анализа в управлении финансовыми рисками проектов нефтегазовой промышленности // Российское предпринимательство. – 2008. – № 11 Вып. 1 (122). – с. 46-49. – <http://www.creativeconomy.ru/articles/5103>.
5. Севрук В.Т. Методы анализа и прогнозирования финансовых и банковских рисков и их взаимосвязь с динамикой стабильности финансовой системы // Современные банковские технологии: теоретические основы и практика. М.: Финансы и статистика, 2005.
6. Ханнанова Р.Т. Оценка и прогнозирование рисков в кластерной модели регионального развития // Российское предпринимательство. – 2011. – № 3 Вып. 2 (180). – с. 165-169. – <http://www.creativeconomy.ru/articles/11761>.

Наука и религия в неопозитивизме. Б.Рассел

Бравина Ольга Сергеевна

инспектор деканата УлГУ

Ульяновский государственный университет

Факультет гуманитарных наук и социальных технологий

Ульяновск, Россия

kalaneola@mail.ru

Аннотация. В работе рассматривается проблема соотношения науки и религии в неопозитивизме на примере одного из представителей данного направления Бертрانا Рассела. Цель исследования – выявить основную позицию о соотношении науки и религии в неопозитивизме на примере взглядов Б.Рассела.

Ключевые слова: логический позитивизм, религия, наука, агностицизм, Рассел.

Позитивизм подходит к религии с меркой «логического анализа». Всю критику религии он сводит к раскрытию логических противоречий.

Одним из представителей неопозитивизма наиболее полно разработавшим тему о соотношении религии и науки был Бертран Рассел.

Рассел с позиций агностицизма критикует религию как утверждение о непознаваемом, но, поскольку агностицизм считает невозможным получить истинное знание о мире с помощью научно-рациональных средств, он допускает иллюзорный переход к различного рода откровениям, к особым иррациональным путям познания мира, своего «Я» и тем самым подрывает научное познание.

Известно, что отношения между теологией и логическим позитивизмом в первой четверти XX в. были натянутыми. У логических позитивистов агностицизм приобрёл специфическую форму выражения в виде концепции, квалифицирующей мировоззренческие, в том числе и религиозные, вопросы как «бессмысленные».

По сути, неопозитивизм и религиозная философия дополняют друг друга, а не исключают. Гносеологически подобное состояние обосновывается понятием «опыта» в трактовке неопозитивизма. «Опыт» ограничивается с этой точки зрения психологической реальностью, представляется вне его отношения к объективному миру и поэтому не может служить критерием различия научного и мистического отношения к действительности. «Переживания мистиков» и «опыт» неопозитивистов обладают одинаковой реальностью. Только «натуралистические и рационалистические предрассудки» неопозитивистов, но не теория познания позволяют им отличать свой «опыт» от «мистического». [Колесников А.С., 1978].

Объявляя вопросы мировоззрения недоступными человеческому разуму, позитивизм отрицает возможность рациональной теологии. Позитивизм бессилен против религии, поскольку апеллирует не к разуму, а к вере. С точки зрения современного позитивизма

нельзя даже доказать, что бога не существует, как неоднократно заявлял Рассел.

Стоит отметить, что, во-первых, наука и религия соотносятся друг с другом в точке генезиса науки, когда религиозные убеждения, наряду с философскими, играют важную роль. Во-вторых, религия может лежать в основе мировосприятия учёного в периоды спокойного развития науки, обеспечивая ему уверенность в упорядоченности мира природы, в возможности его познания [Маркова Л.А., 1997, с.80].

Концепцию науки Рассел связывает с признанием, что «научное состояние ума является или скептическим, или догматическим». Первое полагает, что истина не открыта (согласно агностицизму и не будет открыта); второе – что истина является уже открытой, хотя бы в тех вопросах, которые наука уже исследует.

Рассел не довольствуется доказательством фактической несовместимости науки и теологии в истории познания. Он выясняет их принципиальную, гносеологическую и методологическую антагонистичность в самом подходе к любым встающим перед познанием проблемам. [Быховский Б. , 1969, с.300]

Рассел утверждал, что главным отличием религиозной веры от научной теории является то, что первая хочет возвестить вечную и абсолютно достоверную истину, однако наука всегда предположительна – «она признает, что изменение существующих на данный момент теорий рано или поздно окажется необходимым: сам ее метод не допускает полного и окончательного доказательства» [Рассел Б. , 1987, с.130].

Наука и вера основываются на совершенно различных принципах мышления. Наука опирается на объективные факты и их обобщения, на эксперимент, на практику, в своих логических построениях исходит из реальных связей и явлений. Религия же основывается не на фактах и не знает экспериментов, её логические заключения исходят из принятых на веру догматов, из божественного откровения. Вместо прочного фундамента фактов религия имеет спекулятивное основание авторитета, всевозможные предания и вымыслы [Колесников А.С., 1978, с.20].

Стоит также отметить, что религия выполняет определенные мировоззренческие функции, но, по сравнению с философией и наукой, пытается устранить присущий им элемент скептицизма, апеллирует к откровению как к источнику несомненно истинного знания. В то же время, в отличие от мифологии, религия стремится принять логически более продуманную метафизическую концепцию возникновения и устройства мира. В этом смысле она тяготеет к использованию элементов научного знания, что особенно проявлялось, например, в период средневековой схоластики и продолжает проявляться в современном мире во многих модернистских религиозных доктринах [Разин А.В., 2004, с.797].

Подводя итоги исследования, хочется отметить, что в неопозитивизме религия, по сути, выводится из-под удара научного мировоззрения. Религиозность оказывается внутренним убеждением человека, делом его субъективных склонностей и настроений, а неопозитивизм сохраняет нейтралитет по отношению к религиозной вере, что допускает ее правомерность, если вера, конечно, не притязает на научное обоснование.

Литература

1. Быховский Б. Мееровский Б. Атеизм Б.Рассела. // От Эразма Роттердамского до Бертрана Рассела (Проблемы буржуазного гуманизма и свободомыслия). М., «Мысль», 1969. С. 268-302.
2. Колесников А.С. Свободомыслие Б.Рассела. Ред. Коллегия: В.И. Гараджа и др. М., «Мысль», 1978.- 133 С.
3. Маркова Л.А. О возможностях соотнесения науки и религии // Вопросы философии, 1997. №11. С.73 – 89.
4. Разин А.В., Разин С.В. Союз религии в современном мире вряд ли возможен //

Вестник РАН, 2004 г. №9. С.796 – 801.

5. Рассел Б. Религия и наука // Почему я не христианин: Избранные атеист. Произведения: Пер. с англ.- М.: Политиздат, 1987. С.132-206.

Процессы формирования института фрилансерства в России

Исрафилова Элина Галиевна

Сотрудник Нефтекамского филиала ФГБОУ ВПО

«Башкирский государственный университет»

Нефтекамск, Россия

miss.ahmetyanova@yandex.ru

Аннотация. Анализ процесса формирования фрилансерства как инновационного типа занятости в современной России.

Ключевые слова: фрилансерство, инновации, занятость населения.

В современных социально-экономических условиях под влиянием процессов глобализации, информатизации в мире происходит изменение содержания социально-трудовых отношений. Намечается развитие в сторону увеличения ценности человеческого ресурса, интеллектуализации трудовой деятельности и, как следствие, трансформации форм занятости и свободной занятости в частности.

Формирование инновационного типа занятости населения обусловила приоритетность таких исследований, как выявление изменений в содержании и формах занятости, определение сущности инновационного типа, выявление возможности управления данной формой занятости. Результаты многочисленных исследований (Резник Г.А., Зарубина О.А., Стребков Д.О., Правкина Я.Ю.) свидетельствуют о том, что в России сформировались институциональные основы появления нового типологического вида занятости и мобильности, которые фиксируются уже сейчас и проявляются в формах дауншифтинга, самозанятости, фриланса. Общие для этих форм занятости черты – это нелинейность карьер и индивидуализация стратегий мобильности. Стратегия развития занятости в инновационном направлении может быть реализована при условии исследования ее в теоретическом аспекте, поэтому изучение закономерностей формирования, определение, раскрытие сущностных черт занятости инновационного типа приобретает особую актуальность.

Само понятие «фриланс» (от англ. freelance) появилось давно. В Англии в середине XV-XVI вв. так называли воинов, которые сами выбирали, кому служить и на какой срок. То есть они нанимались на работу не по идеологическим или политическим мотивам, а из финансовых соображений. Однако термин «фриланс», или свободная занятость довольно редко используется в научной литературе и не получил конвенционального определения. Существуют попытки придания фиксированного смысла данному дефиденту, например, «независимый профессионал высокой квалификации, который не состоит в штате организаций и не включен в традиционные трудовые отношения, а самостоятельно реализует свои услуги на рынке различным клиентам, не являясь субподрядчиком единственного заказчика» [Стребков Д.О., 2009], «высококвалифицированный поставщик услуг, осуществляющий свою профессиональную деятельность на условиях свободной занятости (вне штата формальной организации) в таких сферах, как компьютерные технологии, перевод, дизайн и т.п. [Вязникова В.В., 2009, с. 41]. Ссылаясь на мнение Стребкова и Шевчука можно утверждать, что фрилансерам как социальной группе в плане содержания и характера трудовой деятельности присущи следующие критерии:

- систематическое осуществление трудовой деятельности в рамках определенной профессии, продажа на рынке своих профессиональных навыков и умений;

- предоставление преимущественно услуг, а не товаров;
- преимущественное занятие нефизическим трудом;
- значительное обладание человеческими ресурсами (интеграция формального образования и практической деятельности) [Стребков Д.О., 2009, с.7].

Условно фрилансеров можно разделить на две подгруппы: первые получают оплату за факт выполненной работы, а также организуются работодателем, другие же самоорганизованны и стремятся к повышению качества выполняемых ими работ. В целом можно выделить две основные формы занятости индивидов – организационная, которая предполагает полную рабочую неделю, оплачиваемый отпуск, страховку и налоговые отчисления, и предпринимательство, как форма индивидуальной экономической деятельности. Фриланс как форма занятости находится на пересечении указанных форм занятости, для него характерны свойства предпринимательства, но работа над проектами, выполнение заказов носят черты организационной деятельности. В ходе Всероссийской переписи фрилансеров 2008 и 2011 гг. было отмечено, что около 80% от общего числа опрошенных совмещали основную работу и дополнительный заработок. По сравнению с 2008 годом в 2011 году доля «чистых фрилансеров» возросла с 22% до 29%. Таким образом, можно сделать вывод о том, что фриланс в России имеет два типа: во-первых, фриланс обеспечивает свободу действий для исполнителя, а организация в полной мере обеспечивает стабильность и минимизацию расходов.

В процессе исследования института фрилансерства происходит переосмысление традиционных представлений о занятости и карьере. Фрилансеры лишены такой важной для любого наемного работника составляющей «хорошей работы», как социальный пакет, который, в зависимости от организации, включает ежегодный оплачиваемый отпуск и больничные, бесплатную страховку, медицинские услуги и т.п. Однако перед фрилансерами открыты возможности свободно распоряжаться собственным временем, планировать жизнь и трудовую деятельность, самореализации в различных сферах и т.п. Стоит отметить тот факт, что подобная инновационная форма занятости требует высокого уровня самоорганизации, целенаправленного управления собственной жизнью. Ввиду того, что в российской практике большинство договоров между фрилансерами и заказчиками являются неформальными, трудовая деятельность независимых работников не облагается социальным налогом. А значит, все заботы по социальному и пенсионному обеспечению перекладываются на плечи самого фрилансера.

В процессе анализа процессов формирования инновационного типа занятости, в частности, фрилансерства, было выявлено, что переход к подобным формам самозанятости – это наметившаяся в последнее десятилетие тенденция, для реализации которой необходимо наличие определенных факторов, таких как продуманная государственная политика, интеграция страны в мировое сообщество, развитие национальной исследовательской системы.

Литература

1. Вязникова В.В., Стребков Д.О. Финансовое поведение российских фрилансеров: возможности и ограничения // Социологический журнал, 2009. № 4. С.41-64).
2. Правкина Я.Ю. Социологический анализ дистанционного труда как инновационной формы занятости современной молодежи // Современные научные исследования и инновации. Апрель, 2012. URL:<http://web.snauka.ru/issues/2012/04/11168/>.
3. Результаты Всероссийской переписи фрилансеров-2011. URL: <http://free-lance.ru>
4. Стребков Д.О., Шевчук А.В. Фрилансеры в информационной экономике: как россияне осваивают новые формы организации труда и занятости (по результатам Первой всероссийской переписи фрилансеров): Препринт WP4/2009/02. М.: Изд.дом Государственного университета – Высшей школы экономики, 2009.

Роль образования в развитии арабо-российского межкультурного диалога

Кадим Хайдер Халид

Магистрант

Тольяттинский государственный университет

Институт изобразительного и декоративно-прикладного искусства

Эрбиль, Ирак

karar_sh_82@yahoo.com

Аннотация. Проводится анализ феномена образования как важнейшего фактора межкультурного диалога.

Ключевые слова: арабо-российская межкультурная коммуникация, межкультурный диалог, гуманитарное образование

Межкультурный диалог представляет собой процесс, который включает в себя открытый и уважительный обмен между отдельными лицами, группами, народами и цивилизациями с различными культурными традициями и мировоззрением. Его целью является развитие более глубокого понимания различных точек зрения.

В современном информационном обществе существуют разнообразные средства для развития межкультурного диалога: искусство, наука, огромные возможности открывают интернет, телевидение, туризм. Но особая роль принадлежит образованию, в первую очередь гуманитарному, так как это сфера формирования личности, мировоззрения, этических установок и норм.

Актуальной проблемой в наши дни является развитие арабо-российского диалога. Арабский мир и Россия – две огромные, чрезвычайно значимые для всего мира цивилизации. Несмотря на существенные социально-экономические и культурные различия, особенности исторического пути у них много общего, достаточно точек соприкосновения, которые могут стать основой для межкультурного диалога. Сотрудничество в сфере образования – один из главных каналов осуществления такого диалога.

Одним из ярких примером может служить опыт значительной группы иракских студентов, получающих сегодня образование в России. Первое знакомство с Россией начинается для них на подготовительных курсах по изучению русского языка. Эти курсы организованы на базе Воронежского университета. Здесь учатся представители со всего мира. Арабское сообщество является самым большим относительно общего числа студентов. Воронеж – реальная площадка, где реализуется диалог между разными странами, этносами, религиозными традициями. В жизни студентов можно найти много примеров взаимного уважения, согласия, искреннего взаимного интереса. Регулярно в университете проходят международные фестивали, которые дают возможность знакомиться с национальными традициями друг друга – кухней, костюмами, танцами, обычаями. На детской площадке около общежития студентов играют дети разного цвета кожи, они уже с детства естественным образом включаются в процесс интернационального общения.

В Ираке я закончил факультет каллиграфии Багдадского института искусств и Университет Аль Мустансирия (Багдад) по направлению подготовки – «Художественное образование» (бакалавриат). В настоящее время продолжаю свое образование в магистратуре Института изобразительного и декоративно-прикладного искусства Тольяттинского государственного университета. Тема моей магистерской диссертации – «Знакомство русских студентов с арабской каллиграфией как инструмент межкультурного диалога». Во время семинаров и мастер-классов по арабской каллиграфии я убеждаюсь, что молодежь в России пока очень мало знает об Ираке и других странах арабского мира,

но есть большое желание у русских студентов к общению, интерес к арабской культуре, каллиграфии. Необходимо поддерживать это стремление, искать формы и методы для развития русско-арабского культурного диалога, взаимно узнавать, идти навстречу друг другу. Надеюсь, что в рамках научного исследования мне удастся найти эффективные формы и методы для решения этой задачи.

**Когнитивно-личностное развитие как условие психологического здоровья детей,
временно находящихся в социально-педагогических центрах**

Комкова Елена Ивановна.

Кандидат психологических наук

Доцент кафедры общей и детской психологии

Белорусский государственный педагогический университет им. М. Танка

Минск, Белоруссия

В психолого-педагогической литературе достаточно большое внимание уделено характеристике и развитию ребенка, оставшегося без попечения родителей. Основной задачей социально-педагогического центра, в котором ребенок находится временно без родителей, является обеспечение социальной адаптации, оказания социально-педагогической, психологической и иной помощи детям, оказавшимся в экстремальных жизненных ситуациях, их родителям, усыновителям, опекунам или попечителям в ликвидации трудной жизненной ситуации, восстановлении социального их статуса в коллективах сверстников по месту учебы (работы), жительства и содействует возвращению несовершеннолетних в семьи.

Система представлений о соотношении нормального и аномального является основанием для квалификации состояния здоровья. Психология здоровья как особое направление в науке демонстрирует неослабевающий исследовательский и практический интерес к этой теме, дающей выход на возможности поддержания и восстановления душевного благополучия человека.

В природе детских переживаний следует различать сложные, кризисные, иногда «болезненные», но в целом нормативные стадии развития детско-взрослой общности, и ситуации, когда нормальное развитие ребенка возможно скорее не благодаря, а вопреки реальному отношению взрослого. Психологические дисфункции детско-взрослой общности отличаются патогенетической направленностью: блокируют своевременную реализацию индивидуальных способностей и возрастных возможностей ребенка, обуславливают деформации его интер- и интраиндивидуальных отношений, препятствуют нормативному движению к самоопределенности и самостоятельности (нормативность означает оптимальность обретения человеческих способностей). В своем крайнем выражении они проявляются в тех или иных формах невротического реагирования и дезадаптивного поведения ребенка. Дисфункции детско-взрослой общности являются источниками и интересубъективной формой антропогенных. Диапазон психологического эффекта влияния значимого взрослого на здоровье ребенка описан посредством систематизации антропогенных синдромов. Психологическая дисфункция совместности ребенка и значимого взрослого означает дефицитарность или деформированность реализуемых образовательных процессов [Коломинский Я.Л., 2001 с. 104].

На сегодняшний день теоретико-практические вопросы и проблемы здоровья детей затрагивают не только область медицины. Любая социальная среда (образовательная или семейная) может рассматриваться не только как основное условие познавательного и общего психического развития, но как причина психо-эмоционального неблагополучия ребенка. Фактически все профессиональные области, которые в той или иной степени имеют отношение к ребенку, должны учитывать аспект его психологического здоровья.

Сохранение здоровья детей и создание системы, обеспечивающей безопасность психического развития ребенка, стала первоочередной (если не главной) задачей.

В.Э.Пахальян дает следующее определение психологического здоровья: «Психологическое здоровье – динамическое состояние внутреннего благополучия (согласованности) личности, которое составляет ее сущность и позволяет актуализировать свои индивидуальные и возрастно-психологические возможности на любом этапе развития» [Пахальян В.Э., 2006, с. 28].

Психологическое здоровье, как предмет работы психолога, определяется как «состояние самоактуализации, внутреннего благополучия, эмоционального равновесия и комфорта, ощущение того, сто человек живет своей жизнью, идет по своему жизненному пути» [Пахальян В.Э., 2006, с. 157]. И здесь следует сказать о неразрывной связи, согласованности психологической культуры микросоциума социума, в котором живет личность.

У большинства детей в те или иные периоды под влиянием определенных ситуаций могут появиться нарушения эмоциональной сферы или поведения. Например, могут возникнуть беспричинные страхи, нарушения сна, нарушения, связанные с приемами пищи и пр. Обычно эти нарушения носят временный характер. У некоторых же детей они проявляются часто, упорно и приводят к социальной дезадаптации. Такие состояния могут быть определены как психические расстройства.

В ряде психологических работ психическое здоровье соотносится с переживанием психологического комфорта и психологического дискомфорта.

Психологический дискомфорт возникает в результате фрустрации потребностей ребенка, приводящей к депривации.

Психологический аспект психического здоровья как раз и предполагает внимание к внутреннему миру ребенка: к его уверенности или неуверенности в себе, в своих силах, пониманию им своих собственных способностей, интересов; его отношению к людям, окружающему миру, происходящим общественным событиям, к жизни как таковой и пр.

Комплексное изучение человека предполагает рассмотрение его целостности через выявление разнообразных связей, составляющих эту целостность. Но динамика интеллектуального и личностного развития характеризуется гетерохронностью и неравномерностью, что выражается в различных темпах и времени созревания психических функций, а предпосылками успешной социализации выступают развитие интеллектуального и личностного потенциала личности ребенка. Когнитивно-личностное развитие можно определить как процесс психического развития, в содержание которого входит, с одной стороны, развитие и совершенствование познавательных функций и мыслительных операций, их качественные новообразования в связи с системной перестройкой социальных отношений в микросоциуме, и с другой – формирование социальных качеств в процессе социализации на основе интеллектуальной зрелости.

Состояние психологического здоровья изучалось у детей младшего школьного возраста на базе Социально-педагогического центра г. Минска, которые были временно изъяты из семьи по разным причинам (например, пьянство родителей, невыполнение родителями своих обязанностей по воспитанию ребенка, тяжелая болезнь родителей и др.). В структурные компоненты категории психологического здоровья данного возрастного этапа были включены: интеллектуальный (изучался по тесту Векслера), аффективный (методика ДДЧ), личность и социальное взаимодействие (самооценка по критерию Дембо-Рубинштейн модификация В. Г.Щур) и методика Рене Жиля.

В интеллектуально-познавательной сфере у 78% детей имели место нарушения речевой функции, а именно – небогатый словарный запас, звукопроизношение слабое развитие монологической речи. У этих же детей отмечена недостаточная устойчивость и концентрация внимания. У большинства детей проблемы с опосредованным

запоминанием и долговременной памятью, а также небольшой объем запоминания.

Для этих детей характерно наглядно-образное мышление и недостаточная способность к внутреннему планированию деятельности. У 65% детей обнаружен низкий уровень самоконтроля.

В эмоциональной сфере основной проблемой является высокая тревожность, которая проявляется у 78% детей. В основном им характерны страхи бытового характера (сделать что-нибудь не так, быть непослушным и т.д.). Также наблюдаются признаки тревожности по отношению к взрослым и отдельные признаки тревожного отношения к детям (заботятся о том, чтобы всегда находиться в согласии с большинством, навязываются другим, ими легко управлять). Для этих детей характерны эмоциональная напряженность, суетливость, немотивированное беспокойство.

У 33% испытуемых можно отметить признаки депрессивного состояния (часто мечтают наяву, в свободное время иногда проявляют отсутствие интереса к чему бы то ни было, выполняя ручную работу, иногда очень старательны, иногда нет, апатичны, пассивны, невнимательны, движения замедленны).

У всех детей наблюдается низкая произвольность и саморегуляция. Этим детям свойственны несобранность, они не умеют длительно преследовать поставленную цель, упорно преодолевать трудности.

В личностном и межличностном взаимодействии можно отметить следующие трудности:

- упрямство - 33%;
- агрессивность - 33%;
- склонность к фантазированию защитного типа - 22%;
- неустойчивая или низкая самооценка - 67%.

Во взаимодействии со сверстниками можно отметить напряженность в отношениях. Она проявляется в недоброжелательности по отношению к тем детям, которые не принадлежат к тесному кругу их общения, ссорах, драках, хвастовстве перед другими детьми. Также были зафиксированы и враждебные проявления в отношении к сверстникам (мешает другим детям в играх, посмеивается над ними, любит их пугать, пристаёт к более слабым).

Во взаимодействии со взрослыми отмечается некоторая тенденция к недоверию новым людям. Это может быть связано с отрицательным опытом, с которым ребенок столкнулся в семье. Но есть дети, которые наоборот тянутся к взрослым, стремятся во что бы то ни было привлечь к себе внимание, требуют ласки и внимания. У 55% детей были зафиксированы многочисленные симптомы враждебного отношения к взрослым (переменчивость в поведении, умышленное плохое выполнение работы, порча общественной и личной собственности, негативное отношение к замечаниям, несоблюдение дисциплины).

Что касается самооценки, то только у 33% детей она адекватная, а у остальных она либо завышенная, либо заниженная, либо вовсе неустойчивая. Это, конечно же, сказывается на взаимодействии со сверстниками и другими взрослыми.

Таким образом, результаты психологического обследования свидетельствуют о значительных проблемах психологического здоровья воспитанников данного социально-педагогического центра, что указывает на необходимость проведения коррекционной работы по его улучшению.

Психологическое здоровье личности складывается в процессе взаимодействия личности и среды и является продуктом этого взаимодействия. Психологическое здоровье может быть представлено посредством качественных и количественных характеристик адаптации личности к социальным условиям (идеи бихевиоризма, психоанализа) и реализации потенциалов личности (гуманистическая психология). В ходе описания

психологического здоровья личности авторы большинства концепций делают акцент на изучении факторов, влияющих на формирование здоровья, и чертах здоровой личности, которые являются обобщающими критериями для оценки здоровья личности ребенка.

Факторы, влияющие на развитие здоровой личности, условно можно разделить на внешние и внутренние. К внешним факторам можно отнести социальное окружение, семейное воспитание, ведущую деятельность. В спектр внутренних факторов психологического здоровья целесообразно включить пол, возраст, направленность, самооценка, умственный потенциал и другие.

Личность в процессе функционирования и развития взаимодействует со средовыми условиями, тем самым включена в процессы адаптации, интеграции, регуляции. Функции интеграции и регуляции заключаются в обеспечении целостности, оптимального соотношения между различными компонентами структуры личности. Под влиянием внешних и внутренних условий система личности также стремится к адаптации к изменяющейся среде для достижения целостности.

В Беларуси большинство детей, которых отобрали у родителей из-за их социально опасного положения в семье, после реабилитации возвращаются домой. Так, за 2009 год в детских социальных приютах прошли реабилитацию 5.998 детей, из них 3.873 возвращены в родную семью. По состоянию на 1 июля 2010 года на учете состояло 20.228 детей из 11.685 семей, в отношении которых ведется работа силами социально-педагогической службы. В результате за 2009 год были сняты с учета в связи с нормализацией ситуации в семье 16.613 детей (75%), за первое полугодие 2010 года - 6.999 (71%).

Литература

1. Пахальян В.Э. Развитие и психологическое здоровье. Дошкольный и школьный возраст. – СПб.: Питер, 2006. – 240 с.
2. Коломинский Я.Л., Жеребцов С.Н. Социальная психология развития личности. – Минск: Выш. Шк., 2009. – 336 с. Слободчиков В.И., Шувалов А.В. Антропологический подход к решению проблемы психологического здоровья детей // Вопросы психологии.– №4. – 2001. С. 91-105.

Этика науки и коммуникация

Кудряшова Елена Викторовна

Кандидат философских наук, старший преподаватель

Ульяновский государственный университет

Факультет гуманитарных наук и социальных технологий

Ульяновск, Россия

helezzya@gmail.com

Аннотация. В статье анализируется этика науки, возможные значения этого понятия, основная проблематика. Сформулирована модель образования этической нормы научно-познавательной деятельности. Указана роль коммуникации в образовании этических норм и тематики этики науки как сферы общественной мысли.

Ключевые слова: этика науки, этическая норма научной деятельности, профессиональная этика, коммуникация.

Эпистемологические исследования предполагают изучение науки с различных точек зрения и в различных аспектах. Можно изучать науку с точки зрения социологии, психологии, философии, можно рассматривать науку как особый тип знания или

познания, можно анализировать науку как социальный институт. С середины XIX века в качестве особой осмыслена проблема социальной роли науки. Считается, что марксистские исследования впервые поставили вопрос о влиянии научно-технического прогресса на общественную деятельность и показали роль науки в промышленной революции, назвав науку одним из факторов производства.

В XX веке осмыслена проблематика влияния науки на социальную, политическую и духовную сферу общества. В обществе все чаще звучит идея о том, что наука определила облик современной западной цивилизации. Однако оценки влияния научно-технического прогресса на общество не однозначны: с одной стороны наука и техника были призваны облегчить жизнь человека, с другой стороны, последствия развития науки и техники лишь усложнили цивилизационный образ жизни, породили новые проблемы. Критики науки фокусируют внимание на экологических, социальных, антропологических и этических проблемах, появившихся в связи с научно-техническим прогрессом.

В данной статье мы попытаемся определить, каким образом формируются основные этические проблемы в области науки и как конституируется самостоятельная область общественной мысли – этика науки.

Понятие этики науки неоднозначно и употребляется в нескольких смыслах. В частности, этикой науки называют дисциплинарную область исследований, посвященную выработке императивов научно-исследовательской деятельности в условиях коллективного процесса познания. Разработку соответствующей проблематики начал Р. Мертон, предложивший несколько императивов научно-исследовательской деятельности – универсализм, коллективизм, бескорыстие и организованный скептицизм. Данные императивы отражали должный способ отношения ученых к процессу исследования и его результату. Внутридисциплинарную этику научной деятельности Р. Мертон назвал «этосом» науки.

В ряде исследований используется понятие «внутренней» этики науки, под которым понимается область исследований, вырабатывающая должный способ взаимодействия ученых внутри научного сообщества [Юдин Б.Г., 2002], [Агацци Э., 1998, с.105-108]). Внутренняя этика науки складывается из нескольких более или менее автономных областей, а именно 1) этики научного исследования, 2) этики научной публикации, 3) этики научной дискуссии, полемики, 4) этики отношений в научном коллективе (См.: [Лазар М.Г., 2001, с.151]). Этические нормы, вырабатывающиеся в данных областях, регулируют отношение «ученый – ученый», «ученый – научный коллектив».

В другом определении этикой науки называют область философской рефлексии о моральных аспектах научно-исследовательской и инженерной деятельности, касающихся общества в целом. Б.Г. Юдин также называет эту область исследований «внешней» этикой науки [Юдин Б.Г., 2002]. Этическая проблематика в данном случае осмыслена не только и не столько научным сообществом, сколько в рамках общественных дискуссий и движений. Как правило, подобного рода этические проблемы возникают не в отношении научных исследований или технических изобретений как таковых, моральному суждению подвержены способы их применения. В частности, широкие общественные дискуссии развернулись по поводу ядерной этики, которая поставила вопросы морального статуса теории устрашения, инженерной этики, сформулировавшей понятие моральной ответственности инженера за использование его изобретений, и на современном этапе компьютерной этики, в рамках которой идет обсуждение проблемы этически-корректного использования информации. Указанные области формируются в связи с трудностями, появляющимися в отношении «научное сообщество – общество в целом».

Противоречия между научным сообществом и обществом зиждется на фундаментальном мировоззренческом вопросе о том, насколько наука автономна. С одной

стороны, научное исследование является самостоятельным и не предполагает идеологической или иной контекстной регуляции. Известны целые исторические периоды, когда идеологические институты (например, церкви или государства) в значительной степени «тормозили» развитие науки. С другой стороны, научное исследование является формой человеческой практики, предполагающей, в том числе, этическую регуляцию действий. Может ли общество освободить ученых от моральной ответственности за процедуру и последствия научных исследований? В какой степени научное исследование может быть свободным от общественной оценки?

Рассуждая об этих проблемах, Э. Агацци предлагает различать два смысла свободы научной деятельности – «познавательную свободу» и «свободу как действие» (См.: [Агацци Э., 1998, с.7]). «Познавательная свобода» является общим императивом научного исследования, стимулирующим творческие способности ученого, расширяющим поле его деятельности и приносящим новационный познавательный результат. Однако этот общий императив должен всегда соизмеряться с господствующими в обществе моральными ценностями, и в случаях, когда требование «познавательной свободы» приходит в противоречие с существующими этическими нормами, «познавательная свобода» должна ограничиваться. Познание предполагает определенные формы деятельности, которые в свою очередь подвержены моральным оценкам.

По всей видимости, когда говорят об автономии науки, имеют в виду когнитивный аспект: содержание научных теорий должно быть максимально «неидеологическим». Об ограничении автономии науки говорят, когда фокусируют внимание на действенном аспекте: способы научного исследования, применение научного знания являются формами человеческого поведения, подчиненного общечеловеческим нормам, и следовательно, предполагающего оценку со стороны общества. В самом общем смысле моральное суждение в науке формируется в отношении 1) целей, 2) средств, 3) условий и 4) последствий научных исследований [Агацци Э., 1998, с.166-182]. Соответствующая проблематика становится актуальной в отношении «наука - общество».

В самом широком определении этикой науки могут называть такой тип миропонимания, который стремится выработать принципы гармоничного сосуществования природного, естественного мира и человеческой цивилизации, порожденной наукой и техникой. В таком значении понятие этики науки включает в себя такие прикладные дисциплины как биомедицинская этика, которая ставит вопросы оценки влияния медицины на естественную природу человека, экологическая этика, устанавливающая принципы ограничения человеческого влияния на природу, и даже «энвайронментальная этика», определяющая принципы гармоничного существования естественной и искусственной среды. Указанные области знания отражают современные тенденции переосмысления способа использования науки и техники. Этика науки в таком понимании предполагает введение особого рода этических норм, регулирующих отношение «природа – наука/техника».

Как было показано, различия в определениях этики науки связаны с природой отношений, в которых репрезентируются моральные проблемы. Общность этики науки как сферы общественной мысли определена функционально: дискуссии как внутри научного сообщества, так и в пределах общества имеют своей целью сформулировать достаточно четкие этические нормы научно-исследовательской деятельности, своего рода «этический кодекс» ученого.

Этика ученого является видом профессиональной этики, связанной с применением основных элементов общественной морали к специфике деятельности в определенной области (в данном случае в науке) [Лазар М.Г., 2001, с.150]. Конкретизация общественных этических норм к специфике профессии ученого предполагает, как правило, предварительное обсуждение проблем.

Учитывая особенности формирования этической проблематики в науке, ее осмысления и путей разрешения, следует заключить, что этика науки представляет собой область общественной мысли, которая ставит вопросы моральности / аморальности научно-исследовательской деятельности и стремится выработать четкие этические нормы. Следует отметить, что четкость этической нормы не предполагает регуляцию процесса познания как такового, но лишь определяет императивы, контролирующие моральный аспект исследований. Г.Д. Левин связывает понятие нормы с понятием меры: мера – это интервал в границах которого предмет, изменяясь количественно, сохраняет качественную определенность, норма также предполагает интервал, в границах которого некоторое действие является «нормальным». «Норма обычно выражается специфицированной переменной, т.е. переменной с фиксированной областью значений, а идеал – константой, выражающей одно из значений переменной» [Левин Г.Д., 2002, с.55]. Этическая норма научно-исследовательской деятельности устанавливает пределы «познавательной свободы» научного исследования.

Выработка единого стандарта этических норм научно-исследовательской деятельности является скорее императивом, чем конкретной задачей. В действительной общественной истории каждая этическая норма формируется самостоятельно, в связи с конкретными обстоятельствами научно-исследовательской деятельности. Однако можно указать общую модель формирования этической нормы. Такая модель включает в себя: 1) прецедент неэтичного поведения ученого, 2) акт осуждения, критики со стороны научного сообщества и / или общества, 3) формирование универсальной этической нормы в отношении подобных прецеденту обстоятельств, 4) трансляция сформулированной этической нормы в научном сообществе и регуляция ее исполнения со стороны общества.

Показательной в данном отношении является история ядерной этики. Осмысление соответствующей проблематики стимулировано общественной и внутринаучной реакцией на бомбардировку Японии. На фоне значительных разрушений второй мировой войны и уже оформившегося критического настроения по отношению к науке со стороны гуманистов волна протеста против военного, антигуманного применения достижений ядерной физики становится общественным движением. «У истоков антивоенного движения ученых находится письменное обращение А. Эйнштейна к президенту США Г. Трумэну (1945 г.) с предложением не допустить применение атомного оружия и запретить его» [Лазар М.Г., 2001, с.148]. В 1955 г. группа всемирно известных ученых (А. Эйнштейн, Ф. Жалио-Кюри, Б. Рассел, М. Борн, П.У. Бриджмен, Л. Инфельд, Л. Полинг, Дж. Ротблат) выступила с манифестом против использования ядерной энергии в военных целях.

Текст манифеста призвал созвать конференцию, посвященную проблемам разоружения и международной безопасности. Первая конференция прошла 7-11 июля 1957 года в городе Пагуоше (Канада), в ее работе приняли участие 22 ученых из 10 стран мира. На этой конференции был образован постоянный комитет Пагуошского движения, ежегодно собирающий выдающихся ученых для обсуждения этических проблем науки. Для распространения идей участников Пагуошского движения выпускаются периодические издания.

Пагуошские конференции выступают средством трансляции этических принципов, определяющих индивидуальную ответственность ученого за научную работу, за распространение правдивой информации о последствиях применения современных вооружений, развития промышленности, урбанизации и социальных структур [Фролов И.Т., 1986, с.164]. Особое значение имеют Пагуошские конференции в организации международного сотрудничества ученых и политических деятелей в решении общественно важных вопросов.

Как показывает история ядерной этики формирование и трансляция этических

норм научно-исследовательской деятельности связаны с обсуждением соответствующей проблематики. Наличие коммуникативных каналов – конференций, периодических изданий – позволяет постоянно переформулировать, конкретизировать, переосмысливать этические нормы, делать их актуальными для действующих ученых. Этика науки является динамичной, во многом контекстной и ситуативной сферой общественной мысли, формирующейся в связи с актуальной проблематикой моральной оценки науки и техники. Коммуникативное взаимодействие между учеными обеспечивает быструю реакцию на прецеденты неэтичного поведения в науке, способствует формированию, закреплению и трансляции этической нормы в научном сообществе. Подобным образом моделируется процесс образования этосной или внутренней этической нормы в научном сообществе и императивы экологической, биомедицинской и «энвайронментальной» этики науки.

Особое значение в осмыслении этической проблематики в науке имеет коммуникация между научным сообществом и обществом. Долгое время существовало убеждение в том, что этическая оценка науки, в конечном счете, является делом научного сообщества. Э. Агацци считает, что вопрос о внешних (по отношению к науке) ценностях может быть поставлен в рамках социальных наук. Но поскольку социальные науки, прежде всего, – науки, по сути, все этические проблемы становятся внутренними (См.: [Агацци Э., 1998, с.105-108]). Сторонники считать этические вопросы науки внутренними исходят из того, что оценка средств и последствий научно-исследовательской деятельности требует специализированных знаний, которыми обладают только ученые.

В действительности источником этики науки является не только движение в среде ученых, но и антисциентистские общественные движения. Еще на рубеже XIX-XX веков оформилась критическое отношение к науке и технике со стороны религиозных философов и гуманистов. Н. Бердяев и С. Булгаков определили проблему «обесчеловечивания человека» в условиях полной технизации культуры, О. Шпенглер и К. Ясперс показали, как техническая цивилизация делает человека средством самовоспроизводства общества. В 1960-х годах неомарксистское движение «новых левых» выступило с критикой науки. Последователи неомарксистов видели в науке силу, «... тесно связанную с истеблишментом, безмерно далекую от жизненных интересов простых людей и, более того, даже враждебную им, способствующую вовсе не демократическим, а, напротив, тоталитарным тенденциям, дегуманизирующим мир, порождающую и усиливающую отчуждение и порабощение человека» [Юдин Б.Г., 2002]. Антисциентистское движение фокусирует внимание общества на особо важных моральных проблемах и во многом стимулирует движение в среде ученых.

Коммуникация между научным сообществом и обществом по поводу научных исследований и их этической оценки становится основным условием общественного контроля науки. Императив общественного контроля науки исходит из убеждения, что обязательным условием принятия научного исследования или технического новшества должно быть суждение «представительной комиссии, состоящей из обычных людей». П. Фейерабенд пишет: «Последнее слово должно принадлежать не специалистам, а тем людям, которых это непосредственно касается» [Фейерабенд П., 2010, с.144]. Профессиональная неподготовленность не может служить препятствием такого решения.

На современном этапе данный императив успешно внедряется. В частности, с 1966 года в США любое медицинское исследование контролирует этический комитет, спонсируемый федеральным бюджетом. С 1967 года аналогичные комитеты создаются при больницах и исследовательских учреждениях Великобритании. Б.Г. Юдин указывает, что этические комитеты такого рода составляют не только специалисты в той области, в которой проводятся исследования, но и представители младшего медицинского персонала, «а также посторонние люди – те, кого у нас раньше было принято называть представителями общественности» [Юдин Б.Г., 2002]. Этическая экспертиза медицинских

исследований в западных странах приобретает статус обязательной и постоянной процедуры.

Коммуникация между научным сообществом и обществом предполагает контроль моральных аспектов научных исследований. Коммуникативные связи между учеными и представителями общественности (например, в рамках этических комитетов) обеспечивают грамотное осмысление этических проблем науки.

** Работа поддерживалась грантами РГНФ № 11-13-73003а/В и № 12-33-01329*

Литература

1. Агацци, Э. Моральное измерение науки и техники. М. 1998.
2. Лазар, М.Г. Этика науки как новое направление в социологии науки // Журнал социологии и социальной антропологии. 2001. Том IV. № 3. С.147-158.
3. Левин, Г.Д. В споре рождается истина? // Вопросы философии. 2002. № 11. С. 48-59
4. Манифест Рассела – Эйнштейна, 1955 // URL: <http://www.pugwash.ru/history/documents/333.html> (дата обращения: 06.08.2012).
5. Фейерабенд, П. Наука в свободном обществе. М.: АСТ. 2010.
6. Фролов, И.Т., Юдин, Б.Г. Этика науки. Проблемы и дискуссии. М.: Политиздат. 1986.
7. Юдин, Б.Г. Этическое измерение современной науки (материал сетевого журнала ОЗ) // Отечественные записки. 2002. № 7. // URL: <http://www.strana-oz.ru/2002/7/eticheskoe-izmerenie-sovremennoy-nauki> (дата обращения: 03.08.2012).

Экономические предпосылки модернизации национальной системы образования

Ю.П. Куликова

Соискатель ученой степени к.э.н.

ГБОУ ВПО «Финансово-Технологическая Академия»

Москва, Россия

kulikova@kulikova-julia.ru

Аннотация. Одним из условий инновационного развития высшей школы в субъектах РФ является наличие системной региональной политики в области образовательной, научной и инновационной деятельности, определяющей цели, траектории развития данных сфер, ресурсы, требуемые для достижения целей, и механизмы контроля. Развитие межвузовского взаимодействия в регионах может осуществляться по инициативе и при поддержке органов власти.

Ключевые слова: инновации, инновационная политика, инновационное развитие, модернизация экономика, управление инновационным развитием.

В научной литературе рекомендован механизм реализации инновационной политики по двум составляющим: организационной и экономической [Корчагин А., 2002]. Экономический механизм включает в свой состав: прогнозирование, финансирование, текущее и перспективное планирование, налоговые льготы, кредитование, стимулирование, ценообразование. Организационный механизм разработки должен обеспечить наличие организационного, научно-методического, кадрового и информационного элементов.

Данный механизм необходим для систематизации процессов формирования, реализации инновационной политики, объединения в единую систему элементов, с

позиции системного подхода. Именно этот подход является одним из действующих принципов менеджмента качества (СМК). Основным результатом действия данного механизма есть оценка эффективности инновационного проекта.

Теоретический и методологический подход к функционированию разрабатываемого механизма заключается в следующем построении:

- работа над разработкой государственной инновационной политики обязательно включает в себя этап уточнения концепций, программ, стратегий и планов развития образовательной системы, науки и инноваций; действие в рамках законов и других нормативных документов, осуществляющих регулирование функционирования высших образовательных учреждений, научных и инновационных организаций, утвержденных положений государственной политики в области инновационного бизнеса;
- формирование инновационной политики Российской Федерации происходит за счет применения объективных экономических законов и действующих закономерностей, прослеживающихся в развитии социально-экономической политики государства;
- разработка альтернативных инновационных стратегий с последующим претворением ее в жизнь выполняется на основе концептуальной и нормативной базы, используемой высшим образовательным учреждением;
- в основе стратегического анализа альтернативных инновационных разработок заложены базовые категории инновационной политики, принципы и методы ее реализации.

Процесс формирования инновационной политики высшей образовательной школы невозможен без информационной поддержки, которая осуществляется посредством мониторинга рынка образовательного продукта. Ее базой является пакет информации, непрерывно поступающей от стратегических партнеров, конкурентов высших образовательных учреждений, потребителей образовательных услуг, научных организаций, консалтинговых и образовательных фирм, выставочных обществ, профессиональных ассоциаций и прочих структур.

Не стоит забывать о существующих различиях внешней и внутренней политики. По мнению автора, формирование внутренней инновационной политики высшего образовательного учреждения осуществляется за счет действия определенных принципов:

- реализация инноваций за счет непрерывного развития инновационного потенциала;
- осуществление инноваций на комплексной основе, этот принцип является залогом тесной взаимосвязи между инновациями, в результате чего происходит обеспечение синергетического эффекта (взаимное продвижения инноваций друг друга);
- организации структурного подразделения, в обязанности которого входит формирование и реализация инновационной стратегии и соответствующей политики;
- мобилизация интеллектуальных, материальных и финансовых ресурсов для успешной реализации инновационной политики;
- контроль/учет и перераспределение рисков;
- социальное, моральное и материальное стимулирование инновационной активности.

Внешняя инновационная политика — это направленное поведение организации на рынке, которое приводит к постоянно растущему уровню развития и ориентированная на определение приоритетных инновационных проектов. Данная политика зависит от

внешней среды, потребностей рынка и возможностей организации. Принципы поведения высшего образовательного учреждения на рынке, посредством которых осуществляется развитие системы взаимосвязей высшей образовательной школы с организациями, продуктом производства которых являются знания, обеспечивается взаимовыгодное сотрудничество по перспективным инновационным проектам и программам, формируется репутация организации на рынке инноваций, определяет внешняя инновационная политика. Высшее образовательное учреждение занимает передовые позиции по разработке, экспертизе и реализации комплексных федеральных и региональных программ социального и экономического развития, обеспечивает методическую поддержку инновационной деятельности хозяйственных субъектов рынка, занимается организацией международных и национальных конгрессов, симпозиумов, семинаров, конференций и так далее.

Из приведенного материала можно сделать вывод о том, что внутренняя инновационная политика способствует развитию стержневых компетенций высшей образовательной школы, разработке принципов формирования внутренних НИР, использованию различных методов защиты интеллектуальной собственности, утверждению механизма стимулирования персонала, участвующего в инновационной деятельности и других действий, направленных на перспективное развитие высшего образовательного учреждения.

Литература

1. Девяткина М.А. Инновационная политика высшего образовательного учреждения / Девяткина М.А., Мирошникова Т.А., Петрова Ю.И. и др.; под ред. Р.Н. Федосовой. М.: ЗАО «Издательство «Экономика», 2006. 178 с.
2. Корчагин А. Интеллектуальная собственность как ресурс качественного развития: Общий обзор для малых и средних предприятий (МСП) / А. Корчагин, И. Воровски, Ю. Смирнов. М.: ФИПС, 2002.
3. Интеллектуальные ресурсы. Интеллектуальная собственность. Интеллектуальный капитал / Сост. и общ. ред. В.Г. Зинов. М.: АНХ, 2001.
4. Кабанков В.И. О плате за обучение в послевысших образовательных учреждениях образования: цены и воспроизводство / В.И. Кабанков. - М. : РЭА им. Г.В. Плеханова, 2007 – 87 с.
5. Казанцев А.К. Менеджмент в предпринимательстве: учеб. пособие / А.К. Казанцев, А.А. Круппанин. - М. : Инфра-М, 2003. - 512 с.

Исследование алгоритмов проверки изоморфизма графов

Сайфуллина Елена Фаридовна

Аспирант

Тольяттинский государственный университет

Институт математики, физики и информационных технологий

Тольятти, Россия

elena-fairy@yandex.ru

Аннотация. Методологический анализ вопросов проверки изоморфизма графов.

Ключевые слова: изоморфизм графов, алгоритмы проверки, граф Мосера

Проверка изоморфизма графов применяется для решения задач автоматизации проектирования электронных схем (проверка различных представлений электронной схемы), в математической химии и хемоинформатике, а также при оптимизации программ (выделение общих подвыражений).

Задача определения изоморфизма графов принадлежит классу NP, но неизвестно принадлежит ли она классу P (если предположить что $P \neq NP$). Нельзя сказать, является ли эта задача NP-полной [1], но известно, что NP-полной является задача поиска изоморфного подграфа в графе. Таким образом, актуальными являются проводимые в настоящее время исследования, которые направлены на решение задачи проверки изоморфизма как для произвольных графов, так и для графов специального вида.

В общем случае задача проверки изоморфизма графов может быть сформулирована так:

Даны графы G_1 и G_2 с множествами вершин $V(G_1)$, $V(G_2)$ и множествами ребер $E(G_1)$ и $E(G_2)$. $|V(G_1)| = |V(G_2)| = n$, $|E(G_1)| = |E(G_2)|$. Требуется определить, существует ли биективное отображение – *изоморфизм* – $\varphi: V_A \rightarrow V_B$ т.ч. $(i, j) \in E(G_1) \Leftrightarrow (\varphi(i), \varphi(j)) \in E(G_2)$.

Изоморфизм можно рассматривать как перенумерацию вершин графа, поэтому любая количественная характеристика структуры графа остается неизменной при изоморфном отображении графа на другой граф. Такие характеристики называются *инвариантами* [3] графа. Одним из наиболее важных свойств инварианта является свойство его полноты. Инвариант называется *полным*, если его равенство для двух графов возможно тогда и только тогда, когда графы изоморфны.

Известные на данный момент полные инварианты графа (например, индекс Хосойи) являются трудновычислимыми и не позволяют эффективно решать задачу определения изоморфизма графов. В то же время придумать инвариант графов достаточно просто. Следовательно, возникает вопрос о сравнении и оценке инвариантов. Главными «критериями качества» для инвариантов являются:

- простота вычислимость инварианта (за полиномиальное по числу вершин время);
- способность различать как можно больше неизоморфных графов;

Класс графов может быть разбит на подклассы на основе каких-либо структурных характеристик. Некоторые инварианты совершенно бесполезны для определения изоморфизма графов, обладающих определенными свойствами. Например, векторы степеней не могут быть использованы для вычисления изоморфизма однородных графов, в которых степень всех вершин одна и та же. Отсюда возникает следующая задача: попытаться определить, какой инвариант будет более эффективен для определения изоморфизма графов, обладающих определенными структурными характеристиками.

Цель данной работы – оценить эффективность применения различных инвариантов графов для решения задачи проверки изоморфизма для некоторых видов графов.

В качестве аппарата исследований применяются математические методы разработки и анализа алгоритмов.

Для решения этой задачи был разработан следующий алгоритм случайной генерации графов с заданным вектором степеней:

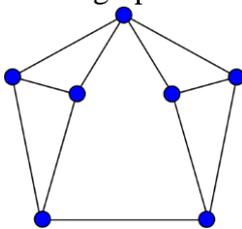
- Создать матрицу заданного размера, заполнить нулями
- Приписать каждой вершине случайную степень (заданы 2 массива:
 - массив номеров вершин
 - массив степеней вершин;
 каждый из них сортируется в случайном порядке)
- Сформировать матрицу смежности нового графа:
 - случайным образом выбрать 2 (различные) вершины;
 - если они еще не связаны ребром (0 в матрице смежности)

и числа в массиве степеней не равны нулю, то
соединить их ребром
для каждой из этих двух вершин уменьшить значения в
массиве степеней вершин

- Процесс продолжается до тех пор,
пока массив степеней не будет состоять из нулей или
пока число итераций не превысит заданной константы

Для исследования был выбран граф Мосера:

Moser graph

На основе его вектора степеней было сгенерировано 100 графов (возможно повторяющихся). Для каждого из сгенерированных графов были вычислены следующие инварианты:

- Диаметр графа $\text{diam}(G)$ — длина кратчайшего пути (расстояние) между парой наиболее удаленных вершин.
- Индекс Винера — величина $\omega = \sum_{\forall i, j} d(v_i, v_j)$, где $d(v_i, v_j)$ — минимальное расстояние между вершинами v_i и v_j .
- Индекс Рандича — величина $r = \sum_{(v_i, v_j) \in V} \frac{1}{\sqrt{d(v_i)d(v_j)}}$.
- Определитель матрицы смежности.
- Число компонент связности графа $\kappa(G)$ (Компонента связности графа — некоторое множество вершин графа такое, что для любых двух вершин из этого множества существует путь из одной в другую, и не существует пути из вершины этого множества в вершину не из этого множества).
- Цикломатическое число графа — минимальное число ребер, которые надо удалить, чтобы граф стал ациклическим. Существует соотношение: $p_1(G) = p_0(G) + |E(G)| - |V(G)|$, где $p_1(G)$ — цикломатическое число, p_0 — число компонент связности графа, $|E(G)|$ — число ребер, а $|V(G)|$ — число вершин.
- Хроматическое число $g(G)$; Хроматическое число графа — минимальное количество цветов, требуемое для раскраски вершин графа, при которой любые вершины, соединенные ребром, раскрашены в разные цвета.
- Вектор степеней 2-го порядка (каждой вершине ставится в соответствие массив из степеней вершин, смежных с данной вершиной)

После этого было проанализировано, какой из этих инвариантов эффективнее других определяет неизоморфность графов. Эксперимент повторялся 10 раз. Результаты эксперимента представлены в таблице:

Число указаний на неформализм (на 100 итераций)	Определитель смежности матрицы	Число компонент связности	Хромат. число	Диаметр	Индекс Винера	Индекс Рандича	Вектор степеней второго порядка	Цикломат. число
1	91	0	91	0	0	90	0	0
2	89	0	89	0	0	87	0	0
3	88	0	88	0	0	93	0	0
4	85	0	85	0	0	86	0	0
5	91	0	91	0	0	86	0	0
6	89	0	89	0	0	91	0	0
7	86	0	86	0	0	86	0	0
8	88	0	88	0	0	91	0	0
9	86	0	86	0	0	86	0	0
10	90	0	90	0	0	90	0	0

Таким образом, наиболее показательными для случая графа Мосера оказались следующие характеристики:

- определитель матрицы смежности,
- хроматическое число
- индекс Рандича

Литература

1. Громкович Ю. Теоретическая информатика. Введение в теорию автоматов, теорию вычислимости, теорию сложности, теорию алгоритмов, рандомизацию, теорию связи и криптографию. – СПб.: БХВ-Петербург, 2010.
2. Зыков А. [Основы теории графов](#). – М.: Наука, 1986
3. Оре О. Графы и их применение. – М.: URSS, 2006.

Проблема соотношения науки и технологии

Сивелькина Светлана Николаевна

Аспирант

Ульяновский государственный университет

Факультет гуманитарных наук и социальных технологий

Ульяновск, Россия

sn-s@list.ru

Аннотация. В качестве задачи перед современной наукой часто выдвигают требования решить те или иные проблемы, либо обеспечить выполнение заказа со стороны общества и государства. В результате наука отвечает на эти запросы. При этом временной интервал между открытиями в сфере чистых исследований и технологическими новациями в настоящее время значительно сократился. В этой связи возникает проблема определения соотношения между наукой и технологией.

Ключевые слова: фундаментальная и прикладная наука, техника, технология,

технократический дискурс, новации.

Исследование проблемы соотношения науки и технологии приводит к рассмотрению возможного существования нескольких моделей. Первая модель состоит в том, что научное знание оказалось в подчинении у «технократического дискурса». Такую точку зрения можно встретить в частности у В.М. Розина [Розин В.М., 1998, с.32]. Наука в этой модели обнаруживает неразрывную связь с технологией. «Технократический дискурс», по мнению В.М. Розина, сложился при слиянии сферы научного познания и инженерной деятельности со сферой опирающегося на инженерию производства и потребления. Науку же стоит ориентировать на новый социальный проект в противоположность проекту «овладения природой». Новый социальный проект должен состоять в изменении отношения человека к технике и технологии, это проект выживания и контролируемого, осмысленного развития человечества [Розин В.М., 1998, с.117-118].

Другая позиция состоит в том, что с технологией связана непосредственно только прикладная наука, а фундаментальные исследования такой связи не имеют. Технология в данном случае выступает приложением науки, а сама наука является источником технологических новаций. Эту модель называют «линейной» и связывают с именем Ф.Бэкона. Здесь проблема состоит и в исходных предпосылках данной модели, в понимании различий между прикладными и фундаментальными исследованиями. Данная модель в настоящее время критикуется, и связано это с тем, что далеко не всегда источником технологических новаций выступает наука, очень часто ее источником будет являться предшествующая технология.

Вполне возможным оказывается и другое предположение, где наука и технология являются относительно независимыми потоками человеческой деятельности. О том, что такая модель выглядит очень правдоподобно, говорит Е.А. Мамчур [Мамчур Е.А., 2008, с.364]. Такую модель она называет двухпотокковой. В ней источником науки будет являться предшествующая наука, а источником технологии – предшествующая технология. Только в особых случаях, например как возникновение новых направлений в науке, будет происходить их активное взаимодействие.

Проблема соотношения науки и технологии требует дальнейшего исследования. К этой проблеме подводят и другие вопросы, относящиеся к фундаментальным и прикладным исследованиям. Это и вопросы финансирования научных исследований, их социальная значимость и необходимость, а также будущее науки и проблема выбора приоритетных направлений ее развития.

Литература

- 1.Образы науки в современной культуре: Научная монография / Е.А. Мамчур. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2008. – 400с.
- 2.Розин В.М. Традиционная и современная технология: (филос.-методол. анализ). – М., 1998. – 216 с.
- 3.Судьбы естествознания. Современные дискуссии. М.: ИФ РАН, 2000. – 129 с.
4. Федотова В.Г. Новые идеи в социальной теории // Социс, 2011, № 11. С.14- 2

Влияние особой экономической зоны г. Тольятти на перспективы социально-экономического развития города

Смагина Анастасия Юрьевна

Студентка

Тольяттинский государственный университет

Институт финансов, экономики и управления

Тольятти, Россия

anastasiasmgn@rambler.ru

Аннотация: В статье рассмотрено сущность особой экономической зоны, их классификация по функциям. Представлены основные требования к особым экономическим зонам. Рассмотрена в частности особая экономическая зона города Тольятти и ее влияние на социально-экономическое развитие города.

Ключевые слова: особая экономическая зона, перспективы особой экономической зоны, экономическое положение, резиденты особой экономической зоны.

В настоящее время очень актуальным является вопрос об особых экономических зонах в России, так как мировая практика уже давно подтвердила их эффективность: они широко используются во многих странах в целях диверсификации экономики и регионального развития. Целью данного исследования является рассмотрение особой экономической зоны г. Тольятти и ее влияния на перспективы социально-экономического развития города.

Итак, особая экономическая зона (далее ОЭЗ) - это отдельная территория, которой присваивается особый юридический статус и некоторые льготные экономические условия для предпринимателей: как резидентов, так и нерезидентов. Целью создания этих зон служит развитие государства или какой-либо ограниченной территории путем решения таких задач, как: внешнеэкономические, внешнеторговые, социальные и научно-технические.

В июле 2005 года был принят Федеральный закон «Об особых экономических зонах в Российской Федерации», целью которого является создание благоприятных условий для развития экономического и научного потенциала страны посредством создания особых экономических зон [1]. Если рассматривать подразделение ОЭЗ по функциям, то можно выделить следующие:

1) Зона свободной торговли (ЗСТ) - определенная зона, которая находится за пределами национальной таможенной территории и где осуществляются операции складирования товаров и их подготовки к продаже.

2) Промышленно-производственная зона (ППЗ) - территория внутри страны, где производится конкретная промышленная продукция, притом инвесторы ППЗ могут пользоваться льготными экономическими условиями.

3) Технико-внедренческая зона (ТВЗ) - зона, которая находится за пределами национальной таможенной территории, и внутри которой проводятся научно-исследовательские разработки, функционируют конструкторские бюро, разрабатываются проекты.

4) Туристско-рекреационная зона (ТРЗ) - зона, где осуществляется реконструкция, создание и развитие объектов инфраструктуры туризма и отдыха, а так же развиваются и оказываются услуги в сфере туризма.

5) Комплексные зоны - это территории, в которых предоставляется льготный режим хозяйственной деятельности в отдельном административном районе (то есть это зоны свободного предпринимательства).

Согласно Федеральному закону от 22.07.2005 № 116-ФЗ (ред. от 06.12.2011)

«Об особых экономических зонах в Российской Федерации», основными требованиями к ОЭЗ являются:

- Срок существования – 20 лет (и он не подлежит продлению).
- Особые экономические зоны создаются только на земельных участках, находящихся в государственной и муниципальной собственности. При этом они не могут быть расположены на территории нескольких муниципальных образований.
- Территория ОЭЗ не должна включать в себя полностью территорию административно-территориального образования.

Особая экономическая зона г. Тольятти расположена в северо-западной части Самарской области, на территории муниципального района Ставропольский, неподалеку от производственной площадки ОАО «АВТОВАЗ». Ее площадь составляет 660 гектар. Следует отметить, что в соответствии с федеральным законодательством, резидентам особой экономической зоны промышленно-производственного типа предлагаются существенные преференции и льготы. На площадке особой экономической зоны будет развитая инженерная, транспортная и социальная инфраструктура. У резидента зоны будут возможности пользования современными производственными, складскими и офисными помещениями, находящимися в пределах территории ОЭЗ. Эффективная и действенная система организации подъездных путей, мест стоянки грузового и легкового автотранспорта, зон погрузки-выгрузки, контрольно-пропускных зон значительным образом сократит затраты. В настоящее время продолжается поиск потенциальных резидентов особой экономической зоны.

Теперь необходимо выяснить какие именно перспективы для г. Тольятти открывает ОЭЗ, будут ли они реализованы в обозримом будущем. На расширенном заседании Совета директоров тольяттинских промышленных предприятий Игорь Комаров сообщил, что потенциал у города Тольятти очень перспективный. Реализовать его планируется с помощью молодых тольяттинцев, «...для того чтобы они чувствовали и понимали, что они нужны своему городу и его промышленности. Тольятти должен стать образцом для всего региона в экономической, социальной, культурной, научной и спортивной сферах жизни», – такую задачу он обозначил. По словам экс/губернатора Самарской области Владимира Артякова, основными задачами ОЭЗ является привлечение наибольшего количество инвесторов для того чтобы разрядить напряженность на рынке труда Тольятти. Так же, по его мнению, создание особой экономической зоны не только позволит Тольятти уйти от статуса моногорода и привлечь в губернию иностранные и отечественные инвестиции.

Весьма существенными являются произошедшие в 2012 году новшества: на заседании правительства Самарской области было принято решение о снижении региональной составляющей налога на прибыль для будущих инвесторов особой экономической зоны Тольятти: с льготной планки в 13,5 процента до нуля процентов. Нулевая ставка для резидентов ОЭЗ г. Тольятти начнет расти только в 2019 году и к льготной ставке в 13,5 процента налог на прибыль вернется только с 2025 года. Из этого следует, что первые годы работы на территории ОЭЗ Тольятти резиденты смогут существенно сэкономить на данном налоге. В федеральный бюджет до 2019 года резиденты будут уплачивать только 2 процента от прибыли [4].

Основной поток инвесторов в ОЭЗ Тольятти по прогнозам будет привлечен в 2013-2014 годах. Министр экономического развития, инвестиций и торговли региона Владислав Капустин отметил, что сегодня в качестве потенциальных резидентов тольяттинской ОЭЗ выступают порядка 40 компаний различных стран: «Нулевая ставка будет способствовать принятию решений в пользу размещения производства на территории региона, а самое главное - снижению сроков освоения инвестиций».

Руководитель ОАО ОЭЗ г. Тольятти Алексей Пахоменко считает, что принятое

решение поможет привлечь новых инвесторов, так как «... в нем заложен механизм компенсации за таможенные льготы, не доступные вновь регистрируемым резидентам ОЭЗ из-за вступления России в ВТО».

По недавним данным Правительства Самарской области, резиденты ОЭЗ г. Тольятти, смогут оказать существенное влияние на экономику региона к 2015 году, то есть тогда, когда начнут свою активную деятельность. На данный момент Самарская область располагает подписанными соглашениями с пятью резидентами Особой экономической зоны. Планируется увеличить это число до 7-10 резидентов. К примеру, на заседании наблюдательного совета Особой экономической зоны г.Тольятти была одобрена заявка немецкого ООО «Эдша Тольятти» на получение статуса резидента ОЭЗ, которая уже давно планировала производить автокомпоненты для машин, выпускаемых в России. «Эдша Тольятти» - дочерняя структура корпорации «Эдша Холдинг ГмбХ» (Германия). Так, размещение компании в Тольятти, неподалеку от ОАО «АВТОВАЗ», приведет к значительному уменьшению затрат резидента [3].

По словам Александра Кобенко, министра экономического развития Самарского региона, «...готовность инфраструктуры сегодня оценивается, как средняя. Прокладку внеплощадочных сетей планируется полностью завершить в 2013 году».

Но есть и скептически настроенные специалисты, которые полагают, что создание ОЭЗ не улучшит экономическое положение г. Тольятти. Так, Сергей Андреев, ранее известный в городе Тольятти как будущее городской политики, а теперь мэр г. Тольятти, в своём интервью утверждал, что ОЭЗ сегодняшнее положение г.Тольятти не спасет, обосновывая это тем, что несмотря на новые, но пока еще не очевидные перспективы, все больше людей не хочет жить в этом городе. По его мнению, отношение жителей к своему городу перестанет быть негативным, когда в сфере управления г. Тольятти произойдут коренные изменения и инновации в социальной сфере. К слову, итальянская компания Pirelli, которая должна была стать главным инвестором для ОЭЗ, в 2010 году отказалась от планов по строительству крупного шинного производства под Тольятти. В одной из статей газеты «Коммерсантъ Средняя Волга. Саратов» было отмечено, что перспективы ОЭЗ неофициально в областном правительстве оценивают скептически [2]. «Некоторые чиновники весьма сомневаются, что могут найтись крупные инвесторы, которые могли бы инвестировать производство в ОЭЗ г. Тольятти, — рассказал источник в мэрии города. — Проблема в чересчур долгой подготовке площадки. Проведение конкурсов и выделение средств проходит очень медленно. Пройдет не один год, пока будут подведены коммуникации». По данным собеседника, некоторые потенциальные резиденты думают над тем, чтобы отказаться от внедрения своего бизнеса городе Тольятти, отдавая предпочтение Липецкой и Елабужской особым экономическим зонам.

По мнению критиков, новые инвестиционные проекты, создание особой экономической зоны и федеральная финансовая помощь не способны в короткие сроки изменить тяжелую ситуацию в Тольятти. Городу необходимы в первую очередь незамедлительные изменения в сфере управления. К примеру, если бы налоги ОАО «АВТОВАЗ» шли в местный бюджет, значительная доля денежных средств оставалась бы в городе и поддерживала его экономику. Таким образом, можно прийти к выводу, что особая экономическая зона г. Тольятти, возможно, окажет положительное влияние на развитие: как города, так и региона - но не в кратчайшей перспективе: по прогнозам специалистов это произойдет к 2015 году, а может и значительно позже.

Литература

1. Федеральный закон РФ от 22 июля 2005 г. N 116-ФЗ «Об особых экономических зонах в РФ» (ред. от 06.12.2011)
2. www.kommersant.ru/doc/1553206/print (Коммерсантъ (Саратов))

3. www.autostat.ru/news/view/10904/ (Аналитическое агенство Автостат)
4. www.rg.ru/2012/02/22/reg-pfo/ljgoty-anons.html (Российская газета)

Инвестиционная стратегия: сущность и значение

Усольцев Роман Геннадьевич

Магистрант

*Институт финансов, экономики и управления
Тольяттинского государственного университета
Тольятти, Россия
usolirina63@mail.ru*

Аннотация: В условиях рыночной экономики возможностей для инвестирования довольно много. Вместе с тем всякая коммерческая организация или предприятие обладает ограниченной величиной незамещенных финансовых ресурсов, доступных для инвестирования. Нередко решения должны приниматься в условиях, когда имеются в наличии ряд альтернативных или взаимоисключающих проектов, т.е. появляется необходимость сделать выбор одного или нескольких проектов, основываясь на каких – либо формализованных критериях.

Ключевые слова: инвестиции, система, доход, ресурс, вложения

Инвестирование – это долгосрочное вложение экономических ресурсов с целью создания и получения выгоды в будущем, которое связано с обусловленными рисками. Инвестиции аналогичны кредитам, но существует их основное различие, которое заключается в степени риска для инвестора. Когда проект убыточен, инвестиции, будут утрачены и наоборот. Инвестиционная привлекательность остается статичной величиной, хотя и несколько более высокой. Грамотное управление процессом повышения инвестиционной привлекательностью дает возможность получать прибыль. Бесспорно, вопрос управления инвестиционной привлекательностью - центральный вопрос текущего момента.

На протяжении последней пятилетки отмечается тенденция сокращения реальных инвестиций, что отрицательно отразилось на ускорение научно технического прогресса и развитие всей финансово-хозяйственной деятельности. Инвестиционный кризис в стране оказался более глубоким, чем общий экономический, хотя оба они взаимосвязаны и взаимообусловлены [Найденев В.И. , 2008, с.55].

Развивающаяся стихийно на протяжении многих периодов структура инвестиций превратила управление ими в весьма трудоемкое занятие. Стало сложно разрабатывать и реализовывать единую стратегию инвестирования. Инвестору одновременно приходится поддерживать оперативные контакты с тремя "объектами" (инвестиционная компания, траст и банк), самостоятельно сводить общую структуру портфеля и оценивать ее. Это требует профессионального видения фондового рынка, хорошего знания иностранного языка и времени. На современном этапе развития экономики доходность инвестиций стала заметно снижаться.

Объективной реальностью и общепризнанным фактом между инвестициями и экономическим ростом является существование тесной причинно - следственной связи. Принятие решений об инвестициях требует сопоставления потенциальных, ожидаемых в будущем прибылей, с затратами на капитальные вложения. Выгодность вложений, замораживаемых в инвестициях, определяется, сопоставлением рыночных процентов которые можно было бы получить за инвестируемый период и процентной ставкой. Но ключевым моментом оказывается то, что выгода - величина ожидаемая, планируемая, а, следовательно, в какой - то степени случайная.

В условиях рыночной экономики возможностей для инвестирования довольно много. Вместе с тем инвестиционная деятельность это весьма существенен фактор риска, так как она всегда связана с иммобилизацией финансовых ресурсов организации и обычно реализуется в условиях неопределенности, степень которой можно существенно варьировать [Алексеева А.И., 2007, с.87]. Экономические субъекты анализируют риск как нежелательное явление, поскольку, чем выше устанавливается норма окупаемости, тем больше премия за риск, которую фирма закладывает в своих расчетах как надбавку к процентной ставке. В условиях совершенного рынка капитала если проект проходит по критерию окупаемости, то фирмам все равно, из каких источников его финансировать: за счет целевых кредитов банка, из собственного капитала (нераспределенной прибыли), за счет выпуска долговых обязательств (облигаций) или привлечения новых акционеров. России подавляет мотивы к инвестиционной деятельности кризисная ситуация в платежно-расчетной системе. При существующих накопленных обязательствах формирование и распределение прибыли не позволяют предприятиям проводить необходимую модернизацию производства, формировать стратегию экономического роста. Неплатежи затрагивают текущую деятельность, в процессе которой у предприятий формируются средства для осуществления инвестиционной деятельности. Амортизационные средства фактически не инвестируются, а замораживаются в составе кредиторской задолженности. Следовательно, неплатежи, сокращение фондов накопления ограничивают потенциал предприятий для капитальных вложений за счет собственных средств, таким образом, подавляющее большинство крупных и средних предприятий являются кандидатами в банкроты. Основополагающим источником инвестиций для предприятия, в таких ситуациях, могут быть лишь внешние заимствования, в том числе и в виде банковского кредита. Острая необходимость в оценке кредитоспособности предприятий, возникает с целью снижения банковского риска, а также прочих инвестиционных рисков. Это довольно сложно в условиях информационной секретности и отсутствия каких-либо информационных систем по фирмам - резидентам. Вследствие этого, практическая значимость проблем, связанных с дефиницией инвестиционной привлекательности предприятий не вызывает сомнений, т.к. без инвестиционных вливаний в хозяйственные звенья невозможны стабилизация экономики и выход из экономического кризиса. Жизнеспособность предприятия зависит от решения данной проблемы. На основе обусловленной оценки итогов хозяйственной деятельности и финансового состояния предприятия определяются ранги для оценки инвестиционной привлекательности. Инвестор получает качественное обоснование сравнительной выгоды различных альтернатив вложения финансовых ресурсов при накладываемых им ограничениях и требованиях к возвратности средств.

Ключевым слагаемым в методике определения инвестиционной привлекательности, в качестве основного механизма обеспечения финансовой устойчивости предприятия и оценки его привлекательности для потенциальных инвесторов, выступает использование финансового анализа.

В зависимости от сферы, в которую направляются инвестиции, и характера достигаемого результата их использования они делятся на реальные и финансовые.

Вложения в отрасли экономики и виды экономической деятельности, обеспечивающие и приносящие приращение реального капитала, то есть увеличение средств производства, материально-вещественных ценностей, запасов определяются как реальные инвестиции. Вложения в акции, облигации, векселя, другие ценные бумаги и финансовые инструменты представляют собой финансовые инвестиции. Такие вложения сами по себе не дают приращения реального вещественного капитала, но способны приносить прибыль, в том числе спекулятивную, за счет изменения курса ценных бумаг во времени или различия курсов в разных местах их купли и продажи. В составе

финансовых инвестиций выделяют так называемые портфельные инвестиции. Набор разнообразных видов ценных бумаг приобретаемых определенными лицами, вкладывающих деньги в ценные бумаги, в целях повышения доходности и снижения риска, именуют портфелем. Отсюда подобные инвестиции и получили название портфельных. Вложения денег, ресурсов на продолжительные сроки в целом и есть инвестиции. В экономической теории и практике различают долгосрочные и краткосрочные инвестиции. Между ними не существует четкого разделительного рубежа, но условные границы разделения назвать можно. Вложения на период порядка месяца или нескольких месяцев считаются краткосрочными, то есть в течение этого срока происходит отвлечение вложенных средств, после чего они становятся фактором производства и начинают давать отдачу, приносят доход, прибыль. Долгосрочные инвестиции сопряжены с вложением средств на год или несколько лет, иногда на десятилетия. Примером долгосрочных инвестиций можно считать вложения в человеческий фактор, в образование, они способны дать отдачу только после окончания обучения и практического использования полученных знаний, что занимает многие годы. Инвестиционные вложения требуют, прежде всего, знания исходного состояния объекта, сведений о том, как существовал и развивался объект в периоды, предшествовавшие настоящему. Глубоко проанализировав финансовое состояние объекта, можно смело размещать капитал, лишь приобретя довольно полную и достоверную информацию о деятельности объекта в прошлом, о сформировавшихся тенденциях в его функционировании и развитии, о вырабатываемых управленческих решениях, бизнес – планах и программах развития объекта на будущие периоды. Получение наиболее информативных параметров, передающих объективную и точную картину финансового состояния предприятия, его прибылей и убытков, модифицирования в структуре активов и пассивов, в расчетах с дебиторами и кредиторами определяют главную цель финансового анализа. Результаты финансового анализа – это основа для инвестиционной политики любого хозяйствующего субъекта. Анализ осуществляется по основополагающим показателям (рис. 1).

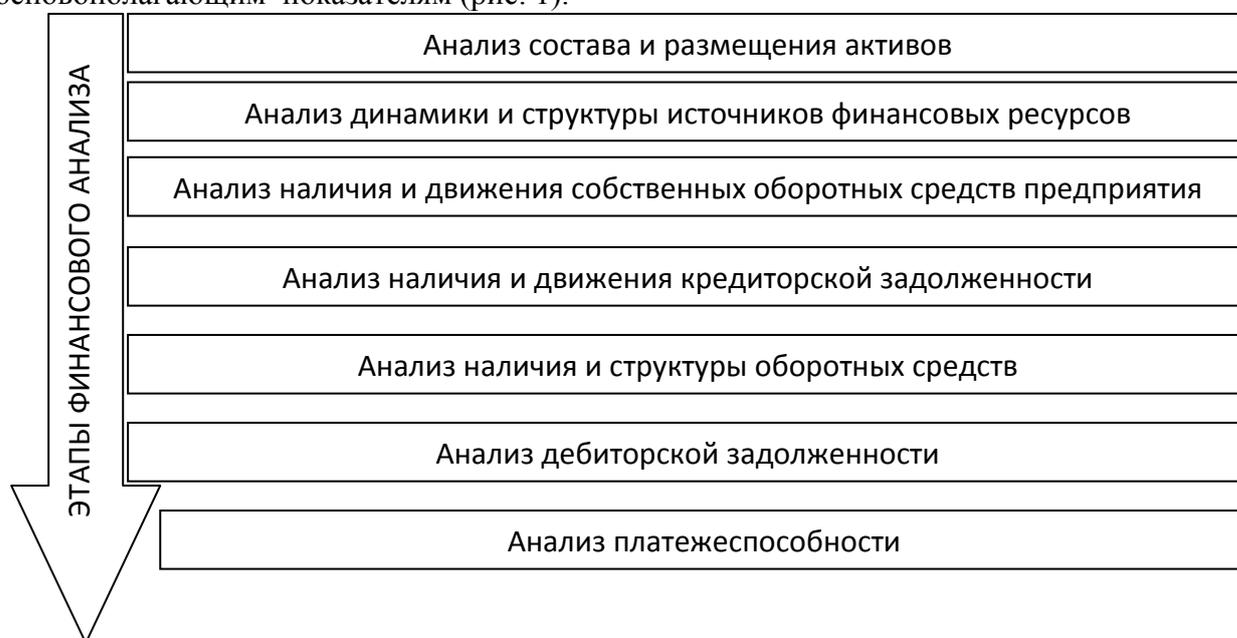

Рис. 1. Этапы финансового анализа

На современном этапе развития экономики, выход из инвестиционного кризиса предприятий связан с созданием новой инвестиционной среды, адекватной смешанной экономике, которая должна определяться сочетанием конкуренции в сфере инвестиций, с одной стороны, и регулирующей, стимулирующей ролью государства – с другой. В

широком смысле под инвестиционной средой понимаем систему экономических отношений субъектов инвестирования по поводу объектов – инвестиций, формирующуюся при наличии определенных условий и предпосылок. Инвестиции играют значимую роль как на макроуровне, так и микроуровне. Они обуславливают будущее страны в целом, отдельного хозяйствующего субъекта и являются движущей силой в формировании экономики.

Литература

1. Алексеева А.И., Васильев Ю.В., Малеева А.В., Ушвицкий Л.И. Комплексный экономический анализ хозяйственной деятельности: Учеб. пособие. – М.: КНОРУС, 2007
2. Найденов В.И. Инвестиции: Учеб. пособие. – М.: РИОР, 2008

Эпистемический конфликт в богословии

Федосеева Е.Ю.

Аспирант

Ульяновский государственный университет

Факультет гуманитарных наук и социальных технологий

Ульяновск, Россия

spese-86@mail.ru

Аннотация. В работе изложены результаты исследования феномена эпистемического конфликта в богословии.

Ключевые слова: эпистемический конфликт, богословие, религия.

В современной науке большое внимание уделяется проблеме конфликта. Изучаются различные аспекты его существования: причины возникновения, сфера распространения, способы решения и так далее. Данный вопрос затрагивает самые различные сферы жизни человека, поэтому и рассмотрение его происходит во многих отраслях знания: социологии, философии, политологии, психологии, правоведении и др. Создана специальная дисциплина конфликтология для изучения особенностей данного явления. Интересным кажется, что, изучая причины возникновения конфликтов, мало кто из социологов касается такой причины его возникновения как чисто познавательный интерес. Ими в основном описываются социальные, политические, личностные и другие причины конфликтов. Они не рассматривают момент, связанный с чисто познавательными интересами, при пересечении которых часто и возникает конфликтная ситуация. Исследование данной проблемы можно найти у философов. Н.Г. Баранец, А.Б. Веревкин и Л.Г. Савинова в своей статье «О причинах научных конфликтов» выделяют не только статусные и личностные конфликты, но еще и концептуальные, которые в свою очередь могут быть идеологическими, догматическими и теоретическими, ведь «источниками конфликтов являются не только борьба за вознаграждение и обретение статуса, но также концептуальные и личностные причины, – ведь в науку идут не только ради материальных благ, но и для удовлетворения познавательного интереса и творческой самореализации» [Баранец Н.Г., 2012, с. 115]. Рассмотрение конфликтных ситуаций в данном ключе может иметь более плодотворный результат для тех областей знания где они происходят, и для конфликтологии в частности.

Религия - такая сфера жизни человека, в которой зачастую переплетаются и познавательные и личностные и общественные интересы, и их трудно отделить друг от друга. Здесь также возникает множество конфликтов, приводящих к самым различным последствиям. Данной проблемой в различных ее аспектах занимались: Ильин И.В., Филатов С.Б., Филимонов Э.Г., Колосов В.А., Кривельская Н.В., Никитина А.Г., Мчедлов М.П., Носков Ю.Г., Саидбаев Т.С., Фурман Д.Е., Шведов В.И., Нуруллаев А.А., Золотарев

О.В., Кудрина Н.Н., Наумец А.Б., Элбакян Е.С., Трофимчук Н.А., Свищев М.П. и др. [Зеленков М.Ю., 2007, с. 4.]. В свете достаточной изученности социальной стороны вопроса о религиозных конфликтах, кажется целесообразным рассмотреть эпистемических религиозных конфликтов. Доктор политических наук Зеленков М.Ю. в своей работе «Религиозные конфликты: проблемы и пути их решения в начале XXI века (политико-правовой аспект)», анализируя различные религиозные конфликты, приходит к выводу, что их предметом, как правило, являются религиозные нормы, а их «субъектами могут выступать нации (этноты) – приверженцы различных религий, религиозные организации и группы, личности, а также религиозные и государственные институты (государство и его органы власти, церкви, партии, движения, организации и др.)» [Зеленков М.Ю., 2007, с. 4-6.]. Если говорить конкретно об эпистемических конфликтах, то их предметом являются как религиозные нормы, предписывающие религиозному человеку правила его земной жизни, так и другие догмы, описывающие устройство мира, свойства Бога, цель человеческой жизни и остальные концептуальные вопросы любой религиозной системы. Таким образом, если говорить о познавательных конфликтах в сфере одного официального религиозного сообщества, то предметом эпистемических религиозных конфликтов являются религиозные догмы, при различном понимании которых и возникают споры, перетекающие в конфликты. Объектом подобных конфликтов является религиозная система в целом. Субъектом религиозного эпистемического конфликта будет религиозное эпистемическое сообщество, например РПЦ (религиозные философы и богословы), сообщество мусульман, буддистов и так далее. Однако сложность заключается в том, что конфликтные ситуации возникают не только в области религиозной науки, но и за её пределами, поскольку вмешиваться в нее могут не только официальные представители религиозной науки, но и любой член религиозного сообщества, то есть любой верующий. Ко всему этому добавляется и разнообразие причин конфликта, которые являясь изначально только познавательными, в процессе конфликтной ситуации перерастают в личностную неприязнь, или желание достичь высокого социального статуса при положительном исходе конфликта, и несут на себе уже более социальный отпечаток. В процесс развития и решения религиозных конфликтов могут вмешиваться политические, экономические и правовые силы, что также не может способствовать сохранению чисто эпистемического характера религиозного конфликта.

Исторически известно множество религиозных конфликтов. Если взять, например РПЦ, то эпистемические конфликты можно увидеть с самого ее возникновения. Они связаны с возникновением различных ересей. Различные проблемы по толкованию Священного Писания решались в религиозном сообществе с I по IV вв. с помощью поместных соборов. Время с IV по VIII вв. являются эпохой вселенских соборов, в которых принимали участие уже главы не одной, а практически всех поместных церквей. В решении крупных религиозных эпистемических конфликтов они имели важное значение для христианства. В православии они считаются высшей инстанцией земной Церкви [Практический справочник по православию, 2005, с.668.]. Например, I Вселенский собор (1-й Никейский) был созван императором Константином I Великим по причине распространения ересей, в первую очередь арианства, утверждавшего в противовес учению официальной православной церкви, что Иисус Христос был сотворен Богом Отцом и не является ему равным. Это учение разрушало догмат церкви о Пресвятой Троице. Отлучение в 323 г. от церкви основоположника данной ереси Ария из Александрии не принесло результатов. Для решения данного конфликта между мнением по догмату о Пресвятой Троице официальной церкви и противостоящим ему мнением последователей Ария и был созван в 325 г. в Никее Первый Вселенский собор. Под руководством императора Константина I Великого около 220- 300 епископов приняли с 1

по 7 пункты Символа веры и другие правила церковного существования. Арианство было осуждено, подтверждено отлучение Ария от церкви за ересь, его работы публично сожжены, а тем, кто их хранил, угрожала смертная казнь [Практический справочник по православию, 2005, с.669-670]. Отсюда видно, что официальная Церковь всегда вступала в конфликты с еретиками, чтобы доказать истину, зафиксированную в религиозных догматах. Она основываясь на труды Святых Отцов, апеллируя к Священному Писанию и используя свой авторитет решала подобные конфликты с иноверующими в основном политическими силами. Всего за историю РПЦ состоялось семь Вселенских соборов, на которых решались подобные религиозные, в том числе эпистемические, конфликты. На II Вселенском соборе (1-ом Константинопольском) были приняты с 8 по 12 пункты Символа веры, которого христианское религиозное сообщество придерживается до сих пор. Уже на III Вселенском соборе (Эфесском) во избежание постоянных уточнений главных догм христианства было запрещено составлять новые символы веры. Официальная церковь в эту эпоху также боролась с несторианством, которое пыталось провозгласить Деву Марию человекородицей, поскольку считало, что Божество снизошло на Иисуса Христа лишь после крещения, что категорически не соответствовало учению христианской церкви об именовании Пречистой Девы Марии Богородицей. Чуть позже решался конфликт с противоположной несторианству ересью - монофизитством, которое утверждало, что человеческое и Божественное начала Христа являются условными, поскольку его человеческое (природное) начало было поглощено Божественным. Данная ересь стала идеологической основой для сепаратистских движений на окраине Византии. Таким образом, к эпистемическим причинам возникновения данного конфликта прибавляется и политически - социальная окраска данной ситуации. Результатом решения данного конфликта было осуждение монофизитства официальной церковью, отлучение ее основателей от нее и отправление их в ссылку. В VII в. христианство боролось с монофелитством, которое признавая догмат Церкви о двух естествах Христа, считали, что при этом у него одна воля - Божественная. Христианская церковь не могла согласиться с этим и по рассмотрению этого конфликта на VI Вселенском соборе (3-ем Константинопольском и Трулльском) было вынесено решение об осуждении монофелитства и утверждение о подчинении во Христе человеческой воли Божественной в акте свободного выбора. На VII Вселенском соборе (2-ом Никейском) решался острый конфликт христианской церкви с иконоборцами, призывавшими запрещению почитания икон. На соборе после тщательного изучения мест Священного Писания, касающихся данного вопроса, было решено утвердить догмат иконопочитания. Остальные соборы, проводимые Римскими папами с конца IX в., и их решения РПЦ не признаёт. С IX по XI вв. происходит конфликт, который приводит к великому разделению Церквей на православную и католическую, причиной которого были не только эпистемические вопросы, но в основном политические и социальные предпосылки [Практический справочник по православию, 2005, с.672-680].

Из всего вышесказанного можно сделать вывод о существовании эпистемических конфликтов и попытках их решения уже на ранних этапах существования Христианской Церкви. Как видно из примеров, предметом споров практически всегда являются различия в понимании основных догматов Церкви. Как говорилось выше, в процессе развития религиозных конфликтов тесно переплетаются личностные, социальные, политические, экономические, правовые, эпистемические и психологические аспекты существования человека. Способы решения религиозных конфликтов практически всегда основываются на авторитет: авторитет Церкви, ее руководства, Божественный авторитет, авторитет Святых Отцов и Священного Писания.

Аналогичным образом развиваются и все последующие религиозные эпистемические конфликты. Они могут приводить не только к отвержению какой-либо

точки зрения, но и возможности существования двух равноценных религиозных представлений. Но это уже не будет полностью относиться к рамкам одной Церковной конфессии. Так, после некоторых религиозных конфликтов, произошло разделение Христианской Церкви на православную, католическую и протестантскую. Они сходились в спорах по многим догматам христианской веры: о непорочном зачатии Пресвятой Богородицы, о главенстве Папы, о чистилище, об индульгенциях как совокупности заслуг святых. Расходятся также в сущности проведения некоторых обрядов: о таинстве Евхаристии, о celibате и так далее. Одной из крупнейших тем для возникновения эпистемического конфликта между всеми христианскими конфессиями был конфликт о непорочном зачатии Пресвятой Богородицы. Религиовед Юрий Табак в своем произведении «Православие и Католичество. Основные догматические и обрядовые расхождения» описывает развитие эпистемологических споров по данному вопросу. Он говорит, что представители католицизма признают догмат о непорочном зачатии Девы Марии. Это предполагает не только отсутствие личного греха при зачатии Иисуса Христа, но и отсутствие первородного греха, непричастность Девы Марии первородному греху с момента Ее зачатия, которое произошло вполне естественным путем от земных родителей - Иоакима и Анны. Известнейшие богословы древней Церкви, в частности Ориген, высоко почитая Марию, не отрицали у Нее человеческих грехов и слабостей. Однако вскоре Ее имя стало приобретать Божественный оттенок. Еще Бл. Августин ничего не говорил о практике церковного почитания Марии, и лишь в конце V в. обращение к Марии встречается в церковном гимне. Возникший около 700 г. на Востоке праздник Зачатия Богородицы уже получил распространение. Одновременно был впервые поднят вопрос о зачатии Пресвятой Богородицы с позиций богословской науки. В письме Св. Бернарда Клервосского, адресованное клиру Лионского Собора осуждались и сам праздник Непорочного Зачатия, и соответствующее учение. Его мнение разделяли тогда большинство ученых-схоластов, полагавших, что если Мария и была непричастна первородному греху, то с момента надления Ее душой, а не с момента зачатия. Однако с возрастанием церковного почитания Богородицы тот факт, что Мария могла оставаться в состоянии греха чуть ли не три месяца, стал для богословов неприемлем. Но изначальное отсутствие греха у Марии, по мнению богословов: Св. Фома Аквината, Св. Бонавентуры, Св. Альберта Великого, противоречило церковному учению об искуплении Христом всех людей: в этом случае Его Мать в искуплении не нуждалась. Постоянно возникающие противоречия в некоторой мере снял в конце XIII в. богослов Дунс Скотт. Он считал, что Матерь Божия была изначалью безгрешна, но в силу этого еще больше нуждалась в искупительной жертве своего Сына, дабы быть огражденной от потенциально угрожающего Ей первородного греха, который в любой момент мог Ее коснуться. В XVI-XVIII вв., под влиянием усилившихся контактов с католиками, данное учение распространилось в южно-русской Церкви. Подобных взглядов придерживались: Иоанн Голятовский, ректор Киевской коллегии, митрополит Киевский Иоасаф Кроковский Стефан Яворский, Феодосии Черниговский и т.д. потом, однако в православии утвердилось мнение, что Мария не имела личного греха, но несла последствия первородного греха, как и все люди. Православные христиане верят в телесное вознесение Богоматери на Небо. Ей молятся как Богородице, заступнице [Табак Ю., 2012]. Таким образом на протяжении такого длительного срока решался эпистемический конфликт в религиозном сообществе. Можно сказать, что решен он был в каждой христианской конфессии, как было показано, по-своему. Это не единственный вопрос, приводивший к религиозным эпистемическим конфликтам. Их результатом можно считать уточнение взглядов по различным спорным вопросам учения Христианской Церкви, если даже для каждой конфессии находится свое решение.

Эпистемические конфликты могут возникать не только по поводу различного

понимания догматов в разных конфессиях, но они могут существовать и в рамках одной конфессии, иметь масштабное распространение, требующее вмешательства политических сил, приводящее к негативным последствиям. Характерным здесь является пример эпистемического конфликта между официальной Православной Церковью и рядом околоцерковных учений, именующихся «имяславием», прославлявшим формулу «Имя Божие есть Сам Бог» [Имяславие, 2012]. Данное течение коренится не только в первых столетиях христианства, но обнаруживается как характерная черта в религии Ветхого Завета, где имя Божие является Его силой и энергией и неотделимо от самого Бога. Суть имяславия особенно полно проявляется у восточного монашества в мистическом учении о единении с Богом через его имя в Иисусовой молитве. Это якобы являлось оружием против сатаны. В середине XIV в. вождем имяславцев был епископ Григорий Палама. В этот период столкнулись две враждующие партии: одна — во главе с Варлаамом и Акиндином — учила, что Фаворский Свет, который озарил преображение Христово, лишь тварный свет, никак не сам Бог, а только лишь энергия его. Другая партия, во главе с Паламой, считала, что подобное истолкование божественного света свидетельствует о недостатке веры. По мнению А.Ф. Лосева, здесь столкнулись «два основных направления человеческой мысли: субъективистической психологии, которая превращает всякий объект в субъективное и лишь относительно значимое переживание, и строго объективистская позиция, обосновываемая с точки зрения вечных идей, которые пребывают до вещей и в вещах и никак не вовлечены в течение случайных и всегда переменчивых переживаний» [Лосев А.Ф.]. Таким образом церковный собор в Византии в 1351 г. отлучил Акиндина и Варлаама от церкви и постановил, что «1) Фаворский Свет надлежит понимать не как творение и нечто созданное Богом, но и не как саму божественную сущность (субстанцию); 2) Сущность (субстанция) Бога непостижима и недоступна твари, но энергии сущности, по милости Божьей, могут быть постигнуты человеком и быть переданы ему; 3) Фаворский Свет, умопостигаемый свет Божьей сущности — это энергия сущности, неразрывная с сущностью, и потому есть сам Бог» [Лосев А.Ф.]. В начале XX в. происходит возобновление древних споров на данную тему, и приобретаются новые суждения и мысли по этому поводу. Поводом этому послужило в 1907 г. появление книги монаха Илариона «На горах Кавказа», где было изложено учение об Иисусовой молитве и особенно подчеркивалось, что вне имени Иисуса никакого спасение ни для монаха, ни для мирянина невозможно. Имя Божие уже по своей сущности свято и есть сам Бог, ибо неотделимо от Его сущности. Важное значение эта книга произвела на Афоне, где находилось множество православных монастырей. Там также возникла оппозиция между двумя группами лиц. Первая группа в самом общем описании говорила, что имя Божие — лишь звук пустой. Другая же утверждала обратное: в имени Божьем пребывает энергия Бога, неотделимая от Его сущности, потому оно и не может быть тварным. Имя Божие — сам Бог. Представителями данной точки зрения были в основном монахи и отшельники. Себя к ним причисляли: иеромонах Антоний (в миру Булатович), архимандрит Арсений, архимандрит Давид и монах Иринея. На комиссии преподавателей Халкинской Богословской школы Вселенского Патриархата все они были обвинены в пантеизме. Патриарх Иоаким III в своем послании от 12 сентября 1912 г. осудил книгу «На горах Кавказа» и призывал её сторонников отказаться от своих ошибочных взглядов. В мае 1913 года на заседании российского Святейшего Синода под председательством митрополита Санкт-Петербургского Владимира (Богоявленского), имяславие было определено как неправославное учение и всем монахам было предложено подписать некую бумагу по осуждению данного направления. Святейший Синод в Петрограде определил: «Имя Божие свято и достопоклоняемо и вожделенно, потому что оно служит для нас словесным обозначением самого превозделенного и Святейшего Существа Бога, Источника всех благ. Имя это божественно, потому что открыто нам

Богом, говорит нам о Боге, возносит наш ум к Богу и проч. В молитве (особенно Иисусовой) имя Божие и Сам Бог сознаются нами нераздельно, как бы отождествляются, даже не могут и не должны быть отделены и противопоставлены одно другому, но это только в молитве и только для нашего сердца; в богословствовании же, как и на деле, имя Божие есть только имя, а не Сам Бог и не Его свойства, название предмета, а не сам предмет, и потому не может быть признано или называемо Богом (что было бы бессмысленно и богохульно), ни Божеством, потому что оно не есть и энергия Божия» [Лосев А.Ф.]. После Святейшего Синода на Афоне был послан епископ Никон с военными, в результате чего больше тысячи монахов — сторонников имяславия — были насильно вывезены с Афона и разосланы по разным областям с запретом проводить богослужения. Такова история еще одного значительного эпистемического конфликта в религии. Как можно заметить, его завершением также послужили решения высокопоставленных церковных и государственных чиновников. Применение физического насилия, как видно из других примеров разрешения подобных ситуаций, довольно часто встречается в религиозных конфликтах, в том числе и имеющих своей причиной эпистемический спор. По мнению А.Ф. Лосева, «Синод принял двусмысленное решение, пронизанное сильным номинализмом и позитивным сенсуализмом, в старинном английском духе. Строго говоря, даже и сегодня вопрос об имени Божьем продолжает оставаться для церковных властей совершенно непроясненным и запутанным» [Лосев А.Ф., 2012]. Таким образом, разрешение многих эпистемических конфликтов подобным образом не всегда приводит к положительному результату. Споры, которые возникли несколько веков назад и подавленные применением политических сил, с большой вероятностью могут возникнуть при другой более благоприятной политической обстановке. Все это говорит о взаимосвязи различных сфер человеческой жизни в разрешении трудных конфликтных ситуаций. Из всего вышесказанного можно сделать вывод, что эпистемические конфликты в религии приносят пользу когда существует невмешательство в них с других сторон жизни человека и государства. Однако этого практически не происходит, потому что официальная церковь редко терпит явные еретические учения. Чтобы доказать известную им Божественную истину, зафиксированную в религиозных догматах, Церковь обращается к трудам Святых Отцов, апеллирует к Священному Писанию и практически всегда использует свой авторитет в решении подобных конфликтов, привлекая политические силы. Исходя из этого, можно сказать, что главным приоритетом при решении эпистемических вопросов, например, в РПЦ, является непротиворечие существующей традиции, раз и навсегда зафиксированной в Священном Писании. То есть основным способом решения религиозных конфликтов является основа на авторитет: авторитет Священного Писания, авторитет Церкви и авторитет Отцов Церкви. К тому же существует такое понятие как Священное Предание, в которое входят данные не зафиксированные в Священном Писании, но являющиеся важными находками Отцов Церкви и других религиозных деятелей. Таким образом, религиозные эпистемические конфликты могут приносить положительный результат в плане новых данных, новых комментариев к Священному Писанию. Религиозная традиция не является закрытой в этом плане. Если есть некое религиозное эпистемическое сообщество: есть деятели данного сообщества – богословы, религиозные философы, есть предмет изучения - Священное Писание, значит, есть открытое поле для дискуссий, открытого противостояния различных точек зрения, возникновения эпистемических конфликтов и их плодотворного решения.

Литература

1. Баранец Н.Г., Веревкин А.Б., Савинова Л.Г. О причинах научных конфликтов// Власть. 2012. №4. С. 115 - 117.

2. Зеленков М.Ю. Религиозные конфликты: проблемы и пути их решения в начале XXI века (политико-правовой аспект). Воронеж: Воронежский государственный университет. 2007. 244 с.
3. Имяславие//Древо. Открытая православная энциклопедия//<http://drevo-info.ru/articles/393.html>
4. П
 практический справочник по православию.- М.: Русское энциклопедическое товарищество. 2005. 1024 с.
5. Табак Ю. «Православие и Католичество. Основные догматические и обрядовые расхождения»// vd.catholic.by/library/utpik.htm
6. Лосев А.Ф. Церковь Иоанна Богослова//Главная страница//Библиотека//Лосев Алексей Федорович. Имяславие// <http://www.omolenko.com/biblio/losev.htm#Nav>.

**Научная фантастика как способ формирования общественного мнения
в отношении науки
Химин Ю.Ю.**

Студент

*Ульяновский Государственный университет
факультет математики и информационных технологий
Ульяновск, Россия
Play.89@mail.ru*

Аннотация. В связи с утвердившимся стереотипом о потенциальной угрозе научного прогресса посредством зарубежного кино, рассмотрим методы становления подобного мнения на примере наиболее известных фильмов соответствующей тематики. Цель исследования - выявить влияние кино в жанре научной фантастики на формирование мнения о науке и научном прогрессе.

Ключевые слова: искусство кино, наука, научная фантастика, общественное мнение

«Прибытие поезда на вокзал Ла-Сиоты», тот самый первый шаг к кинематографу, наглядно показывает склонность человека к острым ощущениям и зрелищам. Не смотря на то, что изображение движущегося на белом полотне поезда заставило зрителей выбегать из зала в панике, они возвращались, чтобы вновь испытать это чувство. Этим можно объяснить, почему люди охотно ходят на фильмы ужасов или фильмы, содержащие чрезмерное насилие.

Фильмы в жанре фантастики позволили зрителю пережить самые страшные зрительские опасения, начиная от пришествия внеземной цивилизации и заканчивая глобальным апокалипсисом. Если воспринимать успех фильма как положительное оправдание зрительских ожиданий, тогда, проанализировав наиболее значимые картины прошлых лет в жанре фантастики, можно с определенной уверенностью назвать наиболее распространенные ожидания зрителя на момент выхода фильмов.

Рассмотрим некоторые из кинокартин и постараемся найти предпосылки к заявленным в них темам.

Один из первых фильмов, показавший контакт с внеземной цивилизацией, «День, когда остановилась Земля (The Day the Earth Stood Still)» 1951 года. Режиссер картины Роберт Уайз показал, что человек склонен отторгать все непонятное, чаще всего реагируя на это проявлением насилия и грубой силы. Представитель инопланетной расы в свою очередь дает понять окружающим губительность подобных действий. Предпосылкой к теме фильма, несомненно, была гонка вооружений, начавшаяся еще в 1946 году, а так же актуальный в то время вопрос о предстоящем освоении космоса. Однако в фильме

поднимается вопрос не о том, что нужно ждать от вторжения извне, а о реакции человека на это самое вторжение, о человеческой предрасположенности к саморазрушению. Пришельца из космоса встречают с оружием в руках, его ранят вместо того, чтобы наладить контакт. Мудрость его поступков подчеркивает полную неготовность человека принимать гостей на своей планете.

Бесспорно, огромное влияние на последующее развитие жанра фантастики в кино оказал фильм "2001 год: Космическая одиссея (2001: A Space Odyssey)" режиссера Стэнли Кубрика, снятый в 1968 году, спустя несколько лет после первого полета человека в космос. Пожалуй, именно после этой картины во многих следующих фильмах стали обыгрываться идеи искусственного интеллекта, способного поставить будущее человечества под угрозу. Именно в этом фильме показан возможный сценарий развития событий, в котором нет летающих тарелок и зеленокожих пришельцев, а внеземная цивилизация существует вне человеческого понимания.

Астроном Карл Саган пишет в своей книге, что Стэнли Кубрик обращался к нему с вопросом о внеземной жизни. Кубрик хотел привлечь актёров для изображения инопланетных гуманоидов, однако Саган был убеждён, что инопланетные формы жизни вряд ли имеют сходство с жизнью земной, и подобное изображение добавит элемент фальши в фильм. Саган предложил лишь обозначить существование внеземного разума, но не изображать его. Он присутствовал на премьере и был рад тому, что оказал некоторую помощь. Кубрик намекнул в фильме на существование невидимой инопланетной расы, предположив в интервью 1968 года, что, пройдя миллионы лет эволюции, эти гуманоиды инопланетной расы стали бессмертными машинами, а затем существами из «чистой энергии и духа».

Фильм «Ближние контакты третьей степени (Close Encounters of the Third Kind)» Стивена Спилберга в 1977 году показывает, что возможно самой острой проблемой будет коммуникация с внеземной цивилизацией.

В 1979 году режиссер Ридли Скотт снимает фильм "Чужой (Alien)", контакт с пришельцами в котором показан не как глобальная встреча двух цивилизаций, а как локальное событие на тесном космическом корабле. Этим подчеркивается, что в определенный момент человек попросту забудет о возможности встретить новую жизнь в просторах космоса, а когда это случится, он вновь будет не готов к подобной встрече. Так же прослеживается, пусть и не явно, идея о том, что человек предрасположен отвечать насилием на все ему непонятное. Ведь инопланетное существо, "чужой", в фильме не является пришельцем из космоса, а напротив, оказывается в незнакомой ему среде, под угрозой вымирания, из-за чего естественным образом "чужой" вынужден выживать, словно кошка в чужой квартире (стоит заметить, на корабле есть кот как метафора на подобную ситуацию). С этой точки зрения человек является агрессором с оружием в руках, желающим убить незванного гостя. Стоит заметить продолжение темы искусственного интеллекта, вновь представляющего угрозу для человека.

В подтверждение такой идеи вспомним фильм «Инопланетянин (E.T.)» Стивена Спилберга, снятый в 1982 году. Вновь мы наблюдаем, как пришелец из космоса становится жертвой человеческой натуры, склонной насильственным путем достигать своих целей.

Постепенно космическая тематика стала себя исчерпывать, оставляя все меньше тем для фильмов, в следствие чего в жанре космической фантастики начинают появляться комедии («Марс атакует!»), и обыгрываться различные клише, созданные предыдущими картинами. Последующие фильмы данной тематики уже не пользовались широкой популярностью, что подтверждает сказанное. Зрители хотят что-то новое в фантастических фильмах.

В том же 1982 году выходит фильм «Бегущий по лезвию (Bladerunner)». На этот раз

режиссер Ридли Скотт обращается к теме искусственного интеллекта, показывая недалекое будущее, в котором становится все тяжелее отличить робота от человека. Ярко выражена проблема угнетения человеком всего чуждого, даже созданного своими руками и вышедшего из-под контроля. Вместе с тем картина развивает тему «человечности» машинного интеллекта, создавая сильный контраст на фоне аморального поведения своего творца.

Высокая популярность картины обуславливается началом цифровой эры, когда компьютеры все больше внедряются в быт человека.

«Терминатор (Terminator)» 1984 года режиссера Джеймса Кэмерона, вновь показывает, что творение человека способно уничтожить своего создателя. Однако на этот раз режиссер создает пугающую возможность освоения искусственным интеллектом технологии путешествия во времени. Блестящее сочетание самых острых тем на момент выхода фильма, а так же ярко выраженный период жажды публики к насилию на экране, гарантировало успех в кинотеатрах и статус культового кино.

Три года спустя, подогретая предыдущим фильмом аудитория охотно принимает творение Пола Верховена «Робокоп». Образ полицейского в теле робота, который непоколебимо служит закону и способен очистить город от преступников был обречен на успех во времена расцвета криминала, в частности, в США (что подтверждается кассовыми сборами, преобладающими именно в этой стране)

Казалось, обе стороны медали уже показаны и тема роботов в кино исчерпана, но в 1991 году выходит легендарный фильм Джеймса Кэмерона «Терминатор 2: Судный день (Terminator 2: Judgment Day)». Самые актуальные проблемы планеты, как то ядерная угроза, слухи о великом компьютерном сбое, который повлечет за собой финансовый кризис, истощение природных ресурсов – все это гарантировало успех картины. И вновь зритель видит, как машина проявляет человеческие качества, на фоне бесчеловечных поступков живых людей.

Наблюдая, как менялись тенденции жанра под влиянием исторических событий, а так же под впечатлениями от предыдущих фильмов, можно видеть, что успех кинокартины во многом зависит от актуальности заявленной в ней темы. Представление о научном прогрессе так же менялось под влиянием кино, укрепляя стереотип о потенциальной губительности этого прогресса. Раз за разом сюжеты фильмов предостерегают от увлечения наукой, что является весьма спорным суждением.

РАЗДЕЛ 3. КРИТЕРИИ УСПЕШНОСТИ РАБОТЫ МОЛОДОГО УЧЕНОГО: МИРОВОЙ ОПЫТ И ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ТРАДИЦИЯ

Инновации и молодежь
Бакумшин Сергей Сергеевич
Студент

Тольяттинский филиал
Московского государственного университета пищевых производств
Тольятти, Россия

Аннотация: Наиболее полное раскрытие информации об инновационной привлекательности является одной из важнейших задач, стоящей перед государством.

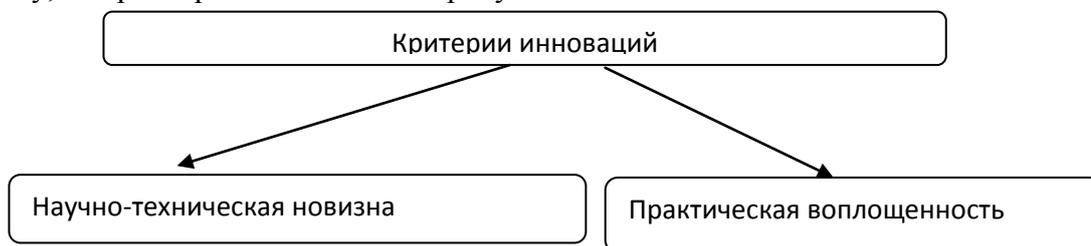
Ключевые слова: инновации, инвестиции, потенциал, привлекательность, прибыль, информация, деятельность, вложения, риски.

На протяжении многих лет экономика России притягивает к себе важные ресурсы, такие как инвестиции. Российская экономика обладает рядом привлекательных особенностей для инновационной деятельности. Среди них – весьма емкий рынок, богатые запасы природных ресурсов, относительно квалифицированная и дешевая рабочая сила, значительный научно-технический потенциал, наличие неиспользованных производственных мощностей, выгодное географическое положение [Трифорова Е.Ю., 2010]. Основным направлением для достижения желаемого экономического роста и повышения качества жизни молодёжи является развитие инновационной деятельности, широкое распространение инновационных технологий, продуктов и услуг.

В условиях финансового кризиса значимость инновационной политики существенно возрос. Результатом инновационного процесса служит создание необходимого потенциала для будущего роста и формирования экономики нового технологического уклада. Выход экономики из кризиса связан, прежде всего, с реализацией инноваций.

Инновации (нововведение) – это конечный результат творческой деятельности, получивший виде новой или усовершенствованной продукции, реализуемой на рынке, либо нового или усовершенствованного процесса, используемого в практической деятельности. По моему мнению инновациями служит создания и реализация новых идей в профессиональной деятельности молодежи.

Основными критериями инноваций можно построить по следующему принципу, которые представлены на рисунке 1.

Инновации играют исключительно важную роль в жизненном цикле молодежи и в конечном итоге они необходимы для обеспечения нормального функционирования во всех сферах их деятельности.

Таким образом, инновации являются важнейшей экономической категорией и играют значимую роль, в первую очередь для простого и расширенного воспроизводства, структурных преобразований, воплощения идей.

Исходя из стратегии инновационного развития РФ для инновационной экономики требуется «инновационный человек» - не только способный в полной мере использовать достижения науки и техники, но ориентированный на создание инноваций, внедрение их во все сферы общественной жизни. Это позволит повысить инновационный потенциал страны, начиная от низших ступеней системы образования до самых высших.

Развитие «инновационного человека» должно начинаться еще до школы – именно на данной этой стадии и в начальной школе закладываются основы навыков по критическому восприятию информации, способности к нестандартным решениям, креативность, изобретательность, способность работать в команде, навыки социализации. Дальнейшее образование позволит развить навыки, но очень редко может сформировать их заново.

Наиболее успешно нововведения внедряются в относительно небольших коллективах, где легче проводить психологическую подготовку молодежи к нововведениям и где быстрее можно пробудить в людях энтузиазм и веру в успех. Нельзя забывать, что при внедрении необходимо планировать риск: как отмечают М. Мескон, М. Альберт и Ф. Хедоури, каждое второе организационное нововведение заканчивается неудачей (т.е. риск составляет 50%). Для этого необходимо четкой постановки и разработки инновационного процесса.

Инновационный процесс - это процесс, направленный на разработку, внедрение, использование результатов научных исследований и разработок для расширения и обновления ассортимента и повышения потребительских свойств выпускаемой продукции, на улучшение технологии ее изготовления, обязательное внедрение и эффективную реализацию на рынке. Инновационная деятельность предполагает вложения в разработку техники и технологий научными предприятиями, находящимся независимо от организационно-правовой формы и формы собственности, что является их инвестиционно- инновационной деятельностью.

Традиционный образовательный процесс в вузе дает студентам учебные знания, но привязка этих знаний к конкретной профессиональной деятельности происходит эпизодически, например, во время курсовой, преддипломной или производственной практик. Ясно, что оснастить студента реальными профессиональными знаниями и качествами в этих условиях довольно сложно. Инновационное же образование ориентированно на формирование профессиональных знаний и качеств в процессе освоения инновационной динамики, например, в процессе освоения типичных инноваций через электронную хрестоматию, где представлены типичные инновации, демонстрирующие ход развития данной профессиональной сферы деятельности, собраны профессиональные задачи интегрального типа. Таким образом, понятие профессионализма становится интегральным качеством выпускника, которое он синтезировал сам в процессе своего обучения. Осознание студентом себя как профессионала влияет на исход образовательного процесса, поскольку активизирует мотивацию саморазвития, что, в свою очередь, превращает процесс обучения в источник удовлетворения потребностей развивающейся личности. В итоге студент осуществляет реальный переход из формально-правового (студент как субъект образования) в состояние фактического антропоцентризма (студент – субъект собственной жизнедеятельности).

Итак, инновационное образование выстраивает учебный процесс как движение от социальных и общекультурных знаний и умений своей профессии (от профессии к культуре) к технологическим, дающим ему понимание способов и методов решения профессиональных задач, а от них к методологическим, позволяющим отслеживать динамику изменения качества своей профессиональной деятельности (от технологии к инновационному мышлению).

Инновационное мышление формируется у студента, если он, во-первых, активно

мотивирован в обучении, реализует требования самоменеджмента, индивидуального самоуправления для достижения амбициозных (в хорошем смысле слова) жизненных целей; во-вторых, если учебный процесс отражает полный жизненный цикл профессиональной деятельности с ее новшествами и противоречиями. Все сказанное позволяет сделать вывод о том, что ведущими функциями инновационного обучения можно считать рисунок 2:

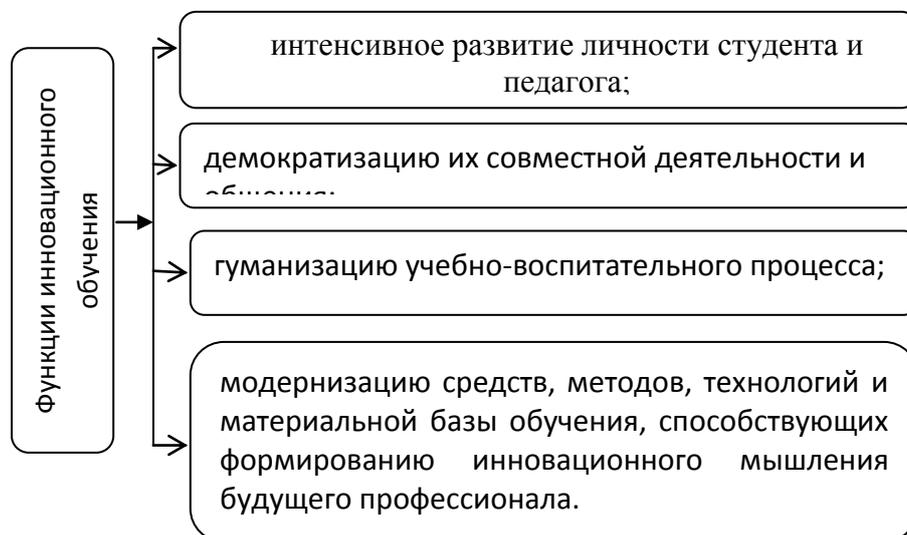

Рис.2. Функции инновационного обучения

Основным недостатком в нашей стране является взаимосвязь учебных заведений с предприятиями. Это позволит открыть доступ к новым технологиям и разработкам. Развитие сотрудничества между учебными заведениями и предприятиями может дать много дополнительных рабочих мест, увеличить прибыль предприятий, что в свою очередь означает рост благосостояния всей страны. Сделать сотрудничество учебных заведений с инновационными предприятиями взаимовыгодным – одна из первостепенных задач управления инновационной деятельностью. Но как показывает время развитие инновационной молодежи зависит от многих факторов, как от политических так и от саморазвития личности.

Необходимость совершенствования структуры и качества экономического роста, запуска механизма инновационной системы, очевидна, постольку, поскольку в данное время инновации становятся движущей силой экономики. В настоящее время начался реальный переход от энергосырьевой модели к инвестиционно-инновационной. Кроме того, обнаружилось, что российская экономика гораздо сильнее включена в глобальную, чем предполагалось ранее: это выявляется в обострении конкурентоспособности на внутреннем и внешнем рынках.

Главным направлением инновационного развития стимулирование инновационной активности молодежи, без этого невозможно формирование нового наследия глобально конкурентоспособных кадров в сфере науки и инноваций.

Литература

1.Трифонова Е.Ю. Проблемы иностранного инвестирования в Российской Федерации / Е.Ю.Трифонова // Экономический анализ: теория и практика. – 2010.18.–С.2-6.

Влияние процесса глобализации на развитие современной науки в России

Гондаренко Марина Вячеславовна

Аспирант,

Ульяновский государственный университет

факультет гуманитарных наук и социальных технологий

Ульяновск, Россия

mtaarriinnaa87@mail.ru

Аннотация. В статье анализируются факторы глобализации, влияющие на ряд аспектов развития современной отечественной науки. Уделяется особое внимание осмыслению проблем развития современной российской науки, связанных с глобализационным процессом.

Ключевые слова: глобализация, наука, инновационная деятельность.

В современном стремительно меняющемся мире способность народов осваивать новые технологии и достаточно быстро ассимилировать их в своей культуре рассматривается в качестве одного из важнейших показателей жизнеспособности нации. Отсюда и инвестиции в развитие человеческих ресурсов (в науку, образование, здравоохранение, развитие профессионализма) являются в настоящее время наиболее перспективными. Именно интеллектуальный капитал и способность наиболее эффективно его использовать могут обеспечить настоящий успех страны.

Одной из доминирующих тенденций развития современной цивилизации является процесс глобализации, охвативший все сферы жизни общества, в том числе и науку как форму духовной деятельности людей.

Факторы глобализации проявляются и заметны в развитии отечественной науки. Что прослеживается в следующем:

1) Неравномерность научного развития

Глобализация общества выдвигает на первый план проблему конкурентоспособности наций в области инновационной деятельности. Реальным фактом является «Падение науки в третьем мире». [Gibbs W.W., 1995, P. 76]. Неравномерное развитие науки приводит к дезинтеграции мирового научного сообщества в целом, что чрезвычайно негативно сказывается на развитии науки, в том числе и в развитых странах. Если Россия пока ещё относится к категории стран с высоким коэффициентом научного развития, то страны бывшего СССР уже относятся к категории стран со средним уровнем научного развития : [Дикусар А.И., 1999.С.51-74].

Наращение потока беженцев и вынужденных переселенцев есть оборотная сторона процесса глобализации, которая в нашей стране приводит скорее к «утечке мозгов», нежели к притоку квалифицированных кадров. В связи с этим научно-технический прогресс становится привилегией богатых развитых стран мира, в то время как остальные страны отбрасываются назад на уровень нового средневековья. Ярким примером здесь может служить процесс информатизации общества.

2) Изменение организационных форм поддержки и развития научных исследований

Наряду с традиционными формами бюджетного и контрактного финансирования фундаментальных, прикладных исследований и разработок всё большее значение приобретает конкурсное финансирование через различного рода международные и национальные научные фонды, что в свою очередь обозначает некоторую тенденцию к ослаблению процесса «утечки мозгов».

3) Обращение государственной политики в сфере научных исследований к экологической проблематике

Одной из важнейших проблем глобализации явилась экологическая проблема

(потребительское отношение к природе, вывоз «грязных» производств, захоронение ядерных отходов в странах «третьего мира» и так далее). Указ Президента РФ от 7 июля 2011 г. N 899 («Об утверждении приоритетных направлений развития науки, технологий и техники в Российской Федерации и перечня критических технологий Российской Федерации») устанавливает как отдельное приоритетное направление научных исследований «рациональное природопользование», реализация которого должна привести к увеличению уровня экологической безопасности, восстановления и рационального использования ресурсов.

4) Влияние глобальной экономики на формирование приоритетов научного исследования в России

В Пояснительной записке к Указу Президента РФ от 2011 г. N 899 раскрывается каким образом проводилось формирование и корректировка приоритетных направлений научных исследований: «Процесс корректировки приоритетных направлений и перечня критических технологий базировался на следующих основных принципах: ориентация на потенциальный рыночный спрос...», в зависимости от «объемов существующих и потенциальных рынков сбыта основных продуктов, реализуемых с применением критических технологий, в России и за рубежом...», от «ожидаемой динамики продаж на внутреннем и внешнем рынках» (Указ Президента РФ от 07.07.2011 N 899 «Об утверждении приоритетных направлений развития науки, технологий и техники в российской федерации и перечня критических технологий РФ»).

Таким образом, исключение из списка приоритетных направлений исследования зачастую мотивированы тем, что Россия по этим направлениям отстает от Запада. Тем не менее, отрасли эти в России развиваются, однако вместо того, чтобы поддержать их и ликвидировать отставание, им фактически выносят смертный приговор.

5) Распространение сети Интернет повсеместно

Интернет образует глобальное информационное пространство, увеличивает и ускоряет процесс передачи потоков информации, что создает новые возможности и проблемы в развитии науки.

Безусловно, в России действует множество факторов, и существуют архетипы сдерживающие развитие глобализационных тенденций, тормозящих её вхождение в мировое сообщество, но избежать влияния всеохватывающего процесса глобализации в том числе на науку представляется невозможным.

Литература

1. Дикусар А.И. Взаимное влияние процессов социально-экономического и научного развития общества // Науковедение.-М.,1999. №2. С. 51 – 74.
2. Gibbs W.W. Lost Science in the Third World // Scientific American. 1995. №8. P.76
3. Указ Президента РФ от 07.07.2011 N 899 «Об утверждении приоритетных направлений развития науки, технологий и техники в российской федерации и перечня критических технологий РФ» [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://text.document.kremlin.ru/SESSION/PILOT/main.htm>.

Свет и тени модернизации: наука и псевдонаука в России и США

Конопкин Алексей Михайлович

Кандидат философских наук

Старший преподаватель

Ульяновский государственный педагогический университет

Ульяновск, Россия,

atkonopkin@yandex.ru

Аннотация. Цель данной статьи – проанализировать взаимосвязь уровня распространения псевдонауки и социальных условий. Модернизация в научной и технической сфере является средством, устраняющим многие социальные предпосылки псевдонауки – недофинансирование, упадок образования. Однако на примере американского штата Калифорния можно видеть, что устранение неблагоприятных социальных условий может вовсе не сказаться на уровне распространения псевдонауки. В этом случае, правильное направление модернизации должно включать не только материальное стимулирование научно-технических новаций, но и восстановление роли научной экспертизы.

Ключевые слова: наука, псевдонаука, модернизация, предпосылки псевдонауки

Модернизация – актуальная задача, стоящая перед Россией начала 21-го века уже достаточно давно. Это дорогостоящее мероприятие, и, конечно, общая заинтересованность состоит в том, чтобы, потратив огромные средства, все же получить достойные результаты. Однако среди новационных проектов, направленных на модернизацию, конечно, часто находятся псевдо-лже научные проекты, что довольно сильно угрожает общему желанию эффективно потратить деньги. Возникает проблема отбора, экспертизы и закономерный вопрос: неужели псевдонаука неизбежный спутник, тень модернизации, развития науки и технологий?

Многие отечественные исследователи склонны давать отрицательный ответ. Они считают, что решение социальных проблем, устранение социальных предпосылок псевдонауки в целом должно оздоровить ситуацию, а оставшаяся часть девиантных работ внутри самой науки сдерживается внутринаучными барьерами. Однако эта взаимосвязь уровня распространенности псевдонауки и социальных условий далеко не так однозначна, как может показаться. Сравнение ситуации в России и США, в частности, в Калифорнии, дает ценный материал по этому поводу.

Большое число паранауки в России общеизвестно, этот факт уже с конца 80-х годов является предметом пристального анализа. Среди причин этого называется падение престижа науки, утрата научным сообществом экспертной функции, снижение финансирования науки, ухудшение качества образования и т.д. В ряд перспективных проектов в России часто попадают заведомо ошибочные вещи. Так, сильный резонанс вызвало обнародование данных о фильтрах воды В. Петрика, изобретателя вечного двигателя, очистителя воды от радиации, добывающего редчайший графен тоннами, который претендовал на включение в федеральную программу «Чистая вода».

Внутриведомственными рамками секретности скрыты самые невероятные проекты, которые реализовываются подспудно, без внимания общественности и коллег. Так, в 2010 году был реализован и один «инновационный» проект в космической сфере – в космос был запущен спутник с «торсионным» двигателем, который якобы не давал никаких результатов из-за того, что испытывался только на Земле, а попав в космос, он должен был унести спутник к далеким звездам. Конечно, этого не случилось, но деньги налогоплательщиков улетучились, ведь стоимость доставки груза на орбиту весьма большая [Кругляков Э.П., 2012, с. 6-7].

Втайне от руководства и, вероятно, на государственные деньги, сотрудники космических НПО им. Хруничева, Салют и Энергия построили не больше ни меньше, как машину времени (ее назвали «лавандатра»). Оказывается, для путешествий во времени достаточно концентрации электромагнитных полей. По словам одного из руководителей, В. Черноброва, время удалось замедлить аж на 3%.

Примеров подобного рода очень много. Так, академик РАЕН, профессор Барнаульского госуниверситета Госьков П. И. много лет проверяет, как влияет молитва «Отче наш» на воду, в которой замачивали семена пшеницы. Разница, по его словам, колоссальна и метод срочно нужно внедрять в сельское хозяйство. Стремление отучить молодежь от тяжелой музыки принимает и вовсе анекдотичную форму; так, отечественный исследователь В. Ефимов считает, что организм может считывать данные телом с компакт диска и для того, чтобы наступили проблемы в сердечной деятельности, достаточно положить компакт-диск с тяжелой музыкой в карман. Разработан и прибор, который определяет благонадежность и безопасность компакт-дисков. Дело за внедрением прибора в народное хозяйство.

Особую тревогу вызывают появляющиеся сигналы о том, что не всё в порядке с нанотехнологиями, которые признаны одним из приоритетных направлений развития в России. Часто они подаются как панацея, решение всех проблем, включая продовольственную, бессмертие, освоение космоса и т.д. Бюрократия эксплуатирует эти завышенные ожидания [Пукшанский Б., 2012, с.2].

Однако мы можем услышать сетования на подобную лженауку и от заокеанских ученых. Но американцев поражает удивительный факт – то, что штат Калифорния, центр американской науки и техники, родина «Кремниевой долины» как синонима здравого смысла, трезвого расчета, предпринимательства, свободного от всяких предрассудков, оказался также и крупнейшим центром псевдонауки! Здесь нельзя посетовать на недостаток образования, недофинансирование, кризис науки. Но центры астрологии, уфологии, магического целительства, религиозного сектантства, оказалось, совершенно спокойно соседствуют со знаменитым Калифорнийским Технологическим университетом, Стэндфордским университетом, Кремниевой долиной, крупнейшими аэрокосмическими центрами НАСА.

Так, Мэтт Черри, один из американских гуманистов, говорит о том, что Калифорния имеет репутацию родины многих псевдонаучных представлений и паранормальных верований. Среди распространенных верований фэн-шуй, теории заговора, в частности теория «лица на Марсе», институт креационистских исследований в Сан-Диего, уфология, подпитываемая Голливудом, который находится здесь же, крионика, экстрасенсы, неофрейдистские центры по восстановлению памяти, искатели Ноева ковчега, астрологи, акупунктура (центр по ней существует Калифорнийском технологическом университете), гомеопатия и т.д. [Cherry, URL:<http://www.cfiwest.org/info/topten.htm>]. Университет Южной Калифорнии в своё время был приютом скандально известного Рояла Реймонда Райфа, который «открыл» вирус рака и вылечивал 100% больных на любой стадии, а попутно лечил музыкой герпес, полиомиелит, спинной менингит, столбняк, грипп [см. http://en.wikipedia.org/wiki/Royal_Rife]. Религиозный фундаментализм также процветает; это и исламский, еврейский креационизм, церковь адвентистов и др.

Дело настолько серьезно, что Бен Кавусси, исследователь медицины и акупунктуры, называет Калифорнию «Золотым штатом псевдонауки» [Kavoussi B., 2012]. Как же объяснить подобное положение дел? Как может на одном и том же пространстве уживаться столь взаимоисключающие вещи? Неужели работник хай-тек фирмы после работы в Кремниевой долины не прочь заглянуть к астрологу, в строительстве и расстановке мебели руководствуется фэн-шуйем или считает, что Земле не больше 10

тысяч лет и всё было одновременно создано Богом? Сама мысль об этом кажется нелепой; мы, конечно, знаем, что мифологические и религиозные компоненты сильны и в сознании современного человека, но не настолько же!

Ответ на этот вопрос можно оставить открытым, но очевидно, что без спроса нет предложения. Также напрашивается неожиданный вывод, что развитие псевдонауки вовсе не связано однозначно с «переломными эпохами», упадком науки и образования, их недофинансированием. Запрос на мистику сохраняется и при тепличных условиях для развития науки и техники, а высокий уровень образования вовсе не означает исчезновения даже примитивных верований. Можно говорить о существовании когнитивных предпосылок псевдонауки, которые обуславливают ее постоянное воспроизведение даже в благополучной социальной ситуации.

Проецируя эту ситуацию на модернизацию, можно заметить, что и в Америке общество и научное сообщество испытывает давление со стороны околонучных кругов. Однако в США играет роль то, что экспертная роль научного сообщества сохраняется. Так, вышеупомянутая афера Р. Райфа была раскрыта Американской медицинской ассоциацией, что, однако, не мешает продавать по схеме сетевого маркетинга «аппараты Райфа». Если же экспертная функция размывается, как это имеет место в России, то понять реальный потенциал проекта становится некому, и в ход идут заведомо безрезультатные проекты.

Литература

1. Кругляков Э.П. Вечный движитель лженауки // В защиту науки. Комис. по борьбе с лженаукой и фальсификацией науч. исслед. РАН. – М.: Наука, 2012. - №10. - – URL: <http://www.ras.ru/FStorage/Download.aspx?id=4b225e02-8098-4314-aea2-118dbdbdf781>

2. Пукшанский Б. Нанотехнологии: наука и псевдонаука // В защиту науки. Комис. по борьбе с лженаукой и фальсификацией науч. исслед. РАН. – М.: Наука, 2012. - №10. – URL: <http://www.ras.ru/FStorage/Download.aspx?id=27f97148-7cb1-4cbd-9191-5eed9b0c4e50>

2. Cherry M. The Southland's Top Ten Contributions to Pseudo-Science. URL: <http://www.cfiwest.org/info/topten.htm>.

3. Kavoussi B. The Golden State of Pseudo-Science. URL: <http://www.sciencebasedmedicine.org/index.php/the-golden-state-of-pseudo-science>.

Научная школа как эффективная форма организации современной науки

Марасова Светлана Евгеньевна

Студент

Ульяновский государственный университет

Факультет гуманитарных наук и социальных технологий

Ульяновск, Россия

marasova@list.ru

Аннотация. Развитие науки в настоящее время во многом обуславливается, помимо непосредственного интеллектуального вклада, эффективностью ее структурной организации. Следовательно, чрезвычайно перспективным оказывается осмысление благоприятных условий научного творчества и тех форм кооперации ученых, которые могут их обеспечить.

Ключевые слова: научная школа, формы организации науки, механизмы функционирования науки

Непрерывное усложнение научных проблем, глубокая специализация науки, приведшая к необходимости синтеза знаний различных областей, требует объединения усилий множества ученых, часто представителей различных отраслей науки, их взаимного

сотрудничества, обмена и обсуждения идей и т.п. В виду этого, актуальность приобретает разработка проблематики существующих форм коллективной организации научного творчества, среди которых одно из центральных мест занимает научная школа.

Задача выявления роли научных школ в конституировании современной науки предполагает, прежде всего, решение проблемы установления дефиниционных границ данного понятия. Многообразие существующих подходов к решению этой проблемы, с одной стороны, способствует наиболее детальному пониманию сущности и структуры научной школы, с другой же стороны - препятствует адекватному определению ее места в системе научных организаций и соотношения с ними. Поэтому первостепенной задачей становится конструирование точного определения на основе существующих подходов (прежде всего, гносеологического, социологического и функционального).

Так, на основе анализа ряда российских и зарубежных науковедческих исследований целесообразно дать следующее *определение научной школы*: научная школа представляет собой научно-исследовательский коллектив или сообщество ученых, организованное по их инициативе и носящее неформальный характер, сплоченное вокруг научного лидера - основателя и генератора идей, разделяющее его научные интересы и реализующее созданную лидером для решения выделенной им актуальной научной проблемы оригинальную исследовательскую программу на основе общепринятой методологии исследования.

Подчеркивание ключевой роли научных школ в исследовательском процессе характерно для многих современных ученых [Аронов Д.В., 2003], [Грезнева О., 2004], [Мирская Е.З., 2002]. Так, В.К. Криворученко, признавая научную школу «колыбелью» науки, в рамках которой происходит интенсивное развитие науки и приращение нового знания, отмечает, что «перспективы науки всегда определялись перспективами ведущих научных школ» [Криворученко В.К., 2012].

Научная школа представляет своего рода стартовую площадку для дальнейшего развития науки на базе достигнутого, которая обеспечивает непрерывность научного процесса. Она представляет собой уникальный феномен в том смысле, что в ее рамках в явном виде представлен сложный механизм функционирования науки. Во-первых, научная школа представляет собой организацию научной деятельности по производству нового знания. В ее недрах осуществляется плодотворный исследовательский поиск, ведущий к появлению новаций и их последующему приращению к существующему научному фундаменту.

Во-вторых, будучи исходной формой кооперации ученых, она способствует трансляции научного знания, накоплению и передаче научного опыта, т.е. формированию традиции, определяющей общий концептуальный и методологический базис, с ориентацией на который происходит дальнейший процесс научного поиска.

Эффективность функционирования научных школ в развитии науки обеспечивается ее структурой, прежде всего, наличием *личностного компонента*: отличительным признаком научной школы является наличие *лидера* - крупного авторитетного ученого, призванного создать и вести коллектив к поставленным целям. Лидер становится первым конституирующим элементом школы, что обуславливает его важнейшую роль в ее функционировании и ответственность за достигнутые результаты. В этом контексте научный лидер должен обладать, помимо набора качеств, характеризующих его как крупного исследователя (широта и разносторонность интересов, способность улавливать актуальную проблемную ситуацию, формулировать проблему и ставить задачи; заинтересованность в решении поставленных задач; чувствительность и восприимчивость к новому, энтузиазм, умеренная критичность, способность к генерации идей, поиску нестандартных подходов и решений, целеустремленность, работоспособность и т.п.), рядом качеств организатора и педагога: способностью сплотить

вокруг себя коллектив талантливых ученых, зарядить их своим энтузиазмом, идеей перспективности разработки выбранной проблематики, обеспечения благоприятного морального климата в коллективе, исследовательского духа и подлинного коллективизма, внимательностью и заинтересованностью в судьбе учеников, умением найти для них занятие в соответствии со сферами их интересов и др. [Грезнева О., 2004].

Главной особенностью научной школы в этом контексте оказывается возможность непосредственного профессионального контакта между учителем и учениками, в процессе которого происходит идентификация последних с учителем, непосредственная ценность которой заключается в том, что она способствует передаче мастерства, уникального стиля мышления и деятельности и, в некоторой степени, «дара ученого», о чем можно заключать на том основании, что многие талантливые ученые, как отмечает Н.В. Гончаренко, начинали смотреть на мир глазами своих великих учителей [Гончаренко Н.В., 1991]. На определенном этапе не критическая преемственность взглядов сменяется формированием интеллектуальной самостоятельности ученика и выявлением его собственной профессиональной позиции для дальнейшего развития науки.

Особую роль в функционировании научной школы играет *механизм внутригрупповой коммуникации* между учеными, не только его вертикальной проекции «учитель-ученик», но и горизонтальной, представленной равными по социальному статусу членами группы. Отличительная черта научной школы, способствующая плодотворному сотрудничеству - неформальный характер организации, благодаря которому устанавливается тесное, постоянное взаимодействие, обмен идеями, их обсуждение и оценка значимости. Благодаря всеобъемлющему неформальному научному общению активно происходит процесс распространения и поддержания новых идей между коллегами-учеными. Объединенность общим направлением исследовательского поиска формирует подлинную коллективность исследований. Совместное обсуждение актуальных проблем науки проходит гораздо плодотворнее, нежели в одиночку, и быстро достигается желаемый научный результат.

Непосредственная концептуальная ценность научной школы заключается в разработке ею предложенной лидером *исследовательской программы*, которая задает основные ориентиры деятельности членов группы и общую методологию исследования. Появление исследовательской программы является следствием анализа актуальной на данном этапе развития науки научной проблемы, на которую лидер обратил внимание и выработал определенный подход для ее решения.

Общность идей и методологического инструментария, обусловленные исследовательской программой, предполагают признание *единой нормативно-ценностной системы оценки научной деятельности и ее результатов*.

При наличии всех вышеобозначенных компонентов подобная структура организации научной школы обуславливает ее максимальную эффективность, обеспечивая, с одной стороны, необходимую дифференциацию научного труда, а с другой - подлинное единство.

Ввиду несомненной перспективности подобного устройства науки на научную школу возложен *ряд важнейших исследовательских и педагогических функций*:

- 1) **Новационная функция:** обеспечение условий продуктивного исследовательского поиска и производство знания в соответствии с выработанными методологическими приемами, отвечающего основным критериям научности;
- 2) **Коммуникативная функция:** обмен научно-значимой информацией посредством создания коммуникационной сети, создание возможностей плодотворного обсуждения, распространения и дальнейшего использования информации;
- 3) **Воспроизводство научного сообщества:** подготовка научных кадров - мировоззренческих и научных единомышленников, призванных продолжить традиции

школы посредством коммуникации, вовлеченности в исследовательский процесс под покровительством лидера, формирующих навыки научного творчества.

Таким образом, проанализировав сущность и структуру научных школ и выявив ряд ее основополагающих функций в науке, мы можем утверждать, что данная форма коллективной деятельности ученых действительно занимает одну из ключевых позиций в организации современной науки, обеспечивает необходимые условия для плодотворного исследовательского поиска и трансляции концептуального, нравственно-этического и методологического ее компонентов. Следовательно, внимание к дальнейшему исследованию и поддержанию данных структур становится залогом успешного продвижения науки как в признанных, так и в еще не освоенных направлениях.

** Исследование проведено при финансовой поддержке Минобрнауки РФ и РГНФ. Проект №12-33-01329 .*

Литература

1. Аронов Д.В., Садков В.Г. Научная и научно-педагогическая школа // К вопросу содержания понятия // Альма матер. - М.: РУДН, 2003. № 6. С.8-14.
2. Гончаренко Н.В. Гений в искусстве и науке. – М.: Искусство, 1991. – 432с.
3. Грезнева О. Научные школы: принципы классификации // Высшее образование в России, 2004. № 5. С. 42–43.
4. Криворученко В.К. Научные школы. - URL: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2011/2/Krivoruchenko_Scholar_Schools.
5. Мирская Е.З. Научные школы как форма организации науки // Науковедение. - М.: ИГУПИТ, 2002. №3. С. 8-24.
6. Ярошевский М.Г. Логика развития науки и научная школа // Школы в науке / под ред. С.Р. Микулинского, М.Г. Ярошевского, Г. Кребера, Г. Штейнера. - М., 1977. С. 7-97.

Информационная война: война за знания

Талишинский Эльвин Бахрузович

Научный сотрудник

Докторант

Институт Философии, Социологии и Права

Академии Наук Азербайджана

Баку, Азербайджан

e.talishinski@inbox.ru

Аннотация. Статья посвящена одному из актуальных и важных проблем нашего времени в области международных отношений, проблеме информационных войн. В настоящее время в результате формирования глобального информационного общества противоречия и конфликты между государствами переходя в информационное пространство выражают реальность нашей жизни. В таких условиях серьезное внимание к вопросам информационной войны является одной из основных обязанностей государства.

Ключевые слова: информационная война, государственная политика в области образования, информационные технологии

Неотъемлемой составляющей современного мира стала глобализация. Эта проблема привлекает все более пристальное внимание исследователей многих отраслей знаний, т.е. собственно стала доминирующей в современной эпистемологии. Особенно

актуальной она является для стран, которые пытаются решить стратегическую цель - войти в круг цивилизованных наций современности. Надо отметить, что прорыв страны во всех сферах общественной жизни возможно лишь при условии четкого определения перспективных императивов с учетом глобальных направлений развития человечества.

Важной составляющей процессов глобализации стало развитие новейших информационных технологий, которые привели к глобальным трансформациям в сфере коммуникации. Электронная революция с ее многими техническими новинками очень быстро меняет мир. Одновременно со значительными преимуществами эти процессы вызывают и значительные риски. Поэтому соблюдение приоритетов демократического развития мирового сообщества, сохранения и расширения прав человека, в частности признание жизненно важным нового права человека - права на коммуникацию, должны стать важной предпосылкой выработки публичной политики и создания соответствующих законов информационной эры.

В этом смысле важное значение приобретает исследование состояния и тенденций развития системы массовой коммуникации, ее места и роли в европейском и мировом коммуникационном пространстве. Также под влиянием распространения информации происходит изменение ментальности, что особенно актуально для посттоталитарных стран и требует своего изучения.

Информационные войны, международный терроризм стали порождением информационной глобализации и все больше вызывают тревогу и беспокойство и требуют детального выяснения их возможных последствий.

Впервые понятие «информационная война» был введен в 1985 году в Китае [Панарин И.Н., 2001, с.113]. В основу теоретических подходов китайских специалистов в области информационного противоборства положены взгляды древнекитайского военного деятеля Сунь-цзы (V в. до н.э.). Он первым аргументировал необходимость информационного воздействия на противника. В своем «Трактате о военном искусстве» Сунь-цзы отмечал: «Во всякой войне, как правило, лучшая политика сводится к захвату государства целостным... Одержать сотню побед в сражениях - это не конец искусства. Покорить соперника без боя - вот венец искусства» [Конрад Н.И., 1950, с. 94].

На сегодняшний день информационная война имеет дискуссионный и неоднозначный характер. Ученые из разных стран трактуют его по-разному - в зависимости от того, какие аспекты проявлений и содержания они исследуют. Понятие информационной войны является многогранным, так и дать ему полное и исчерпывающее определение трудно, о чем пишет М. Либики из американского университета национальной обороны: «Попытки полной мере осознать все грани понятия информационной войны напоминают усилия слепых, пытающихся понять природу вещей не видя их ...» [Требин М.П., 2005, с. 7].

Однако учитывая различные подходы к пониманию информационной войны и ее сущности, можно с помощью комплексного подхода вывести синтетическое понятие: Информационная война - это комплексное открытое или скрытое целенаправленное информационное воздействие одной стороны, или взаимное влияние сторон друг на друга, охватывающий систему методов и средств воздействия на людей, их психику и поведение, на информационные ресурсы и информационные системы с целью достижения информационного превосходства в обеспечении национальной стратегии, способной привести к принятию благоприятных для инициатора воздействия решений или парализовать информационную инфраструктуру противника с одновременным укреплением и защитой собственной информации и информационных систем.

Литература

1. Конрад Н.И. Сунь-цзы: Трактат о военном искусстве. - М., Л., Изд-во АН, 1950. - с.404.

2. Панарин И.Н. Информационная война и Россия. М., 2001. – 160 с.
3. Требин М.П. Войны XXI века /. - М.: АСТ; Мн.: Харвест, 2005. - 608 с. - (Военно-историческая библиотека).

Онтологические проблемы качества современного российского образования

Шматков Руслан Николаевич

Доцент, кандидат физ.–мат. наук

Сибирский государственный университет путей сообщения

Факультет мировой экономики и права

Новосибирск, Россия

srn-travel@mail.ru

Аннотация. Данная работа посвящена исследованию онтологических проблем качества современного российского образования с позиций социальной философии. Основная онтологическая проблема качества высшего образования в современной России заключается в противоречии между общественно необходимым и фактическим качеством профессиональной подготовки большинства выпускников высшей школы. Подлинно национальные стратегические цели качества высшего образования заключаются в сбережении и всемерном развитии жизненных сил нации, в обеспечении суверенитета и целостности страны, использовании ее ресурсов во благо большинства населения России.

Ключевые слова: качество высшего образования, онтологические проблемы, гносеологические проблемы, социальная философия.

Вопрос качества образования, в том числе в российской высшей школе, сегодня стоит предельно остро. Как ни парадоксально, оба термина данного словосочетания остаются настолько неопределенными, что чаще всего авторы вкладывают в них различный и порой противоположный смысл. Не претендуя на исчерпывающее решение данного вопроса, предлагаем принять в качестве исходного постулат: *главный критерий качества высшего образования является его соответствие стратегическим национальным целям России.* К сожалению, нынешняя государственная власть от формулировки таких целей воздерживается, призывая вузы ориентироваться на эфемерную конъюнктуру рынка, функционирующего по правилам, диктуемым западными финансово-промышленными корпорациями. Тем не менее, очевидно, что подлинно национальные стратегические цели заключаются в сбережении и всемерном развитии жизненных сил нации, в обеспечении суверенитета и целостности страны, использовании ее ресурсов во благо трудящегося большинства.

Онтологическая проблема качества высшего образования в современной России заключается в противоречии между общественно необходимым и фактическим качеством профессиональной подготовки большинства выпускников высшей школы. Экспертные оценки реального положения дел в данной сфере варьируются от «в основном вполне удовлетворительной» до «катастрофической». Отсюда следуют столь же глубокие различия предлагаемых стратегий развития высшего образования – от постепенного совершенствования отдельных элементов, модернизации деталей или реформирования до необходимости образовательной революции. Причем, столь противоположные суждения высказывают ученые и практики, чья высокая квалификация и профессиональная компетентность не вызывают сомнения. Следовательно, причины тому имеют философско-методологический характер.

Стремительное расширение высшего образования, превращение его если не всеобщее, то охватывающее подавляющее большинство подрастающих поколений – общая тенденция для наиболее развитых стран. Однако этот процесс связан с непрерывным

снижением качества обучения и, особенно, воспитания. Это противоречие – одно из главных проявлений мирового кризиса образования, о котором наука заговорила с середины 60-х годов прошлого века. Утверждения некоторых наших государственных деятелей и ученых, что мировой кризис образования, якобы, каким-то чудесным образом обошел Россию, как «землю обетованную», обосновываются на том, что в конце прошлого и начале нынешнего века количественные параметры высшего профессионального образования (количество вузов и студентов) существенно выросли. «Российские вузы привлекают теперь почти такой же процент выпускников, как в США или Японии», – констатирует Б. Л. Вульфсон [Вульфсон Б.Л., 2002, с. 9]. При этом упускается из виду, что этот показатель достигнут за счет крайне неблагоприятной с точки зрения благополучия и обеспечения устойчивого развития страны структуры подготовки кадров и за счет раздувания форм платного обучения, за счет самих студентов и их родителей. Так, в 2002/2003 учебном году уже более половины студентов оплачивали свое обучение. Число студентов вузов увеличилось почти в полтора раза (до 4 млн. чел.), но количество обучающихся на бюджетной основе сократилось, по сравнению с 1986 г. более чем на 48% [Шматков Р.Н., 2009, с. 75–83]. В 2009 г. на госбюджетной основе обучалась лишь треть студентов [Фурсов А.И., 2012, с. 231–242].

Противоречие между количественным ростом и снижением качества высшего образования приобрело в постсоветской России особо острый характер. Бурное распространение платных форм высшего образования привело к тому, что наша страна опять «впереди планеты всей». Уже в 2006 г. в России получали среднее и высшее профессиональное образование 63,67% населения соответствующего возраста, тогда как этот показатель в среднем по странам ОЭСР – 25,11% [Григорьев, 2012, с. 15]. Столь выдающиеся количественные показатели получены за счет стремительного роста числа новых скороспелых вузов и лавинообразного почкования всевозможных филиалов, функционирующих на коммерческих началах, где большинство студентов делают вид, что учатся, а преподаватели – что учат. Эти процессы усугублены невиданным взрывом коррупции, распространением торговли оценками и дипломами. Поэтому в России как никогда остро встала проблема девальвации дипломов и снижения качества образования. Причем, особо актуален вопрос о качестве высшего образования, потому что недоученные выпускники высшей школы порождают цепную реакцию ускоренной деградации не только образования, но и всех других сфер общественной жизни подобно тому, как зараженная компьютерным вирусом информационная система выполняет тиражирование зараженных вирусом программ, тем самым ускоряя свой распад.

Учитывая, что коммерциализацию образования российская власть намерена не только продолжать, но и глобализировать этот процесс, прогнозируемые последствия очевидны: качество высшего образования в целом будет ускоренно падать. Облегченное высшее образование – бакалавриат будет готовить кадры, в основном, для обслуживания нужных Западу сырьевых отраслей, гипертрофированной сферы торговли и услуг, а выпускники магистратуры, особенно наиболее подготовленные и перспективные будут в своей массе, по известным причинам, ориентироваться на трудоустройство в странах Запада.

В данной ситуации наиболее целесообразной представляется прагматичная позиция, аналогичная занимаемой ведущими европейскими странами:

- не торопиться с резкими и недостаточно обоснованными изменениями;
- внимательно отслеживать характер и масштабы преобразований, осуществляемых другими странами;
- во всех случаях руководствоваться исключительно интересами развития национальной системы образования и своих государств.

В результате выполненного авторами социально-философского анализа проблем качества отечественного высшего образования можно сделать вывод о том, что в

указанных исследованиях довольно убедительно выражена критическая сторона, а конструктивная представлена значительно слабее. Поступает немало ценных предложений по совершенствованию отдельных его сторон, практическому решению частных вопросов. В то время, как целостные, достаточно обоснованные модели высшей школы, которые можно было бы рассматривать в качестве вариантов стратегического ориентира, пока отсутствуют. Слабое освоение или даже принципиальное отрицание диалектики, разработанной еще Гегелем, – основная причина методологического кризиса современного социально-гуманитарного знания. Диалектический метод требует рассматривать *всю* «совокупность многообразных *отношений* этой вещи к другим», учитывать, что «отношения каждой вещи (явления etc.) не только многообразны, но всеобщи, универсальны. Каждая вещь (явление, процесс etc.) связаны с *каждой*» [Гегель, 1970, с. 217]. Данный принцип получает развитие в современных разработках системного подхода и в понятиях синергетики. Во второй половине XX в. понятие «система» стало ключевым в исследованиях сложных и сверхсложных объектов, к числу которых несомненно относится и сфера образования. Существует объективная иерархия больших систем (или суперсистем), состоящих из таких систем, которые в свою очередь содержат более узкие системы (подсистемы). Поскольку ученые сосредотачивают внимание на отдельных сторонах изучаемого объекта, часто упускаются из виду общие цели системы, ее роль в более широких системах, тем более, степень соответствия общенациональным целям. Если же они будут ясно представлять «общую картину», то смогут более эффективно изучать и проектировать любые образовательные системы. Смысл данной проблемы выражается одной фразой: «за деревьями не видят леса».

Классический стиль научного мышления, ориентированный на изучение проблем в жестких рамках какой-либо одной из конкретных наук и на максимальное сужение предмета исследования, на современном этапе все чаще оказывается не только не эффективным, но и крайне опасным. Сказанные еще в начале 30-х гг. слова А.Уайтхеда о том, что глупость умных людей с ясной головой и узким кругозором породила много катастроф, сегодня приобретают чрезвычайно актуальное звучание [Уайтхед, 1990, с. 7]. Преимущественно аналитическое направление исследований, связанное с дифференциацией науки, все чаще приводит к тупиковым ситуациям. Тенденция изучения сложных объектов как нечто целого, а не конгломерата частей, не изолировать исследуемые явления в узко ограниченном контексте, а рассматривать взаимодействия, исследовать все больше и больше различных аспектов изучаемых объектов, становится определяющей. Не случайно, начиная со второй половины XX столетия, системный подход как методологический принцип получает широкое распространение в самых разных областях научных исследований. В основе его лежит исследование объектов как *систем*, то есть, как целостности, состоящей из совокупности взаимосвязанных и взаимообусловленных элементов, и взаимосвязанной с другими разноуровневыми системами. В частности, изучая качество высшего образования необходимо видеть всю систему образования как целое во взаимосвязи с другими сферами общественной жизни, ее место и функции в обществе как суперсистеме. Очевидно, что качественные результаты на выходе вузовской подсистемы существенно предопределяются на ее входе качеством школьной и внешкольной подготовки абитуриентов. С другой стороны, качественный состав абитуриентов во всевозрастающей мере зависит от качества высшего образования, получаемого как профессиональными педагогами, так и всеми взрослыми, выполняющими педагогические функции в силу своего родительского или общественного статуса.

Литература

1. Вульфсон Б. Л. Мировое образовательное пространство на рубеже XX и XXI вв. // Педагогика. 2002. № 10. С. 3–14.

2. Гегель Г. В. Ф. Наука логики. – М.: Мысль, 1970. – Т. 1.
3. Григорьев С. И. Кризисное развитие социальной педагогики в России на рубеже XX–XXI веков: экспертная оценка состояния и причин. М.: Изд-во НОЦ МФСКПиК, 2012.
4. Уайтхед А. Н. Избранные работы по философии. – М.: Прогресс, 1990.
5. Фурсов А. И. «Реформа» образования сквозь социальную и геополитическую призму // Наш современник. 2012. № 1. С. 231–242.
6. Шматков Р. Н., Шматков М. Н. Тенденции развития инновационного гуманитарного образования как способа адаптации к глобальным вызовам // Философия образования. 2009. № 3. С. 75–83.

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ 1. Проблемы развития фундаментальной науки глазами молодых ученых

Аверькова А.А. Сомнение как гносеологический феномен.....	3
Баранец Н.Г., Веревкин А.Б. Н.А. Любимов как популяризатор науки.....	9
Букин Д.Н. Основания математики как онтологическая проблема.....	15
Васильева О.А. К вопросу о статусе ментального ряда в концептуальных построениях Дж. Сёрля.....	18
Ершова О.В. Конвенции в структуре естественнонаучного и философского знания.....	20
Земзюлина А.А., Фоминская Е.О. Почему мы философствуем, или о месте философии в системе культуры.....	30
Сизоненко Р.В. Актуальность изучения статистической теории фрактальных антенн для специалиста по радиотехнике.....	32
Синикина П.А. Проблема истины в современной англо-американской философии.....	34
Тимощук Е.А. Феноменология науки Р. Ингардена.....	36

РАЗДЕЛ 2. Проблемы развития прикладной науки и инновационных технологий глазами молодых ученых

Бабаджанова Н.Р. Развитие гуманитарной среды в ВУЗе как условие повышения жизнестойкости личности.....	39
Березина А.В., Малаха Н.В. Применение прогнозных оценок при анализе хозяйственных рисков.....	42
Бравина О.С. Наука и религия в неопозитивизме. Б. Рассел.....	45
Исрафилова Э.Г. Процессы формирования института фрилансерства в России.....	47
Кадим Хайдер Халид Роль образования в развитии арабо-российского межкультурного диалога.....	49
Комкова Е.И. Когнитивно-личностное развитие как условие психологического здоровья детей, временно находящихся в социально-педагогических центрах.....	50
Кудряшова Е.В. Этика науки и коммуникация.....	53
Куликова Ю.П. Экономические предпосылки модернизации национальной системы образования.....	58
Сайфуллина Е.Ф. Исследование алгоритмов проверки изоморфизма графов.....	60
Сивелькина С.Н. Проблема соотношения науки и технологии.....	63
Смагина А.Ю. Влияние особой экономической зоны г. Тольятти на перспективы социально-экономического развития города.....	65
Усольцев Р.Г. Инвестиционная стратегия: сущность и значение.....	68
Федосеева Е.Ю. Эпистемический конфликт в богословии.....	71
Химин Ю.Ю. Научная фантастика как способ формирования общественного мнения в отношении науки.....	77

РАЗДЕЛ 3. Критерии успешности работы молодого ученого: мировой опыт и отечественная традиция

Бакумшин С.С. Инновации и молодежь.....	80
Гондаренко М.В. Влияние процесса глобализации на развитие современной науки в России.....	83
Конопкин А.М. Свет и тени модернизации: наука и псевдонаука в России и США.....	85

Марарсова С.В. Научная школа как эффективная форма организации современной науки.....	87
Тальшинский Э.Б. Информационная война: война за знания.....	90
Шматков Р.Н. Онтологические проблемы качества современного российского образования.....	92

С 23 Сборник тезисов участников Международной молодежной конференции «Фундаментальная и прикладная наука глазами молодых ученых. Успехи и перспективы, проблемы и пути их решения» в рамках фестиваля науки / Под ред. доктора физ.-мат. наук, профессора Голованова В.Н., доктора филос. наук Бажанова В.А., доктора пед. наук, профессора Митина С.Н., доктора псих. наук, профессора Калининой Н.В., доктора ист. наук Чуканова И.А. и др.– Ульяновск: ООО «Колор-Принт», 2012. – 101 с.